KUFTIN

LA CULTURE MATERIELLE
DE LA MECHTCHERA RUSSE

Труды
Государственного Музея Центрально-Промышленной Области

ВЫПУСК 3

Б. А. Куфтин

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА РУССКОЙ МЕЩЕРЫ

ЧАСТЬ 1-я

Женская одежда: рубаха, понева, сарафан.

Mémoires
du Musée d'Etat de la Région Industrielle Centrale

LIVRAISON 3

B. A. Kouftine

LA CULTURE MATERIELLE DE LA MECHTCHERA RUSSE

1-re PARTIE

Vêtement de femme: chemise, paniova, sarafane.

Москва 1926 Moscou

Напечатано по распоряжению Гусударственного Музея Центрально-Промышленной Области. Москва. 16 сентября 1925 г.
Директор Музея **Вл. Богданов**.

Настоящий выпуск 3-й „Трудов Государственного Музея Центрально-Промышленной Области“ отпечатан в количестве 1.000 экземпляров 25 сентября 1926 г.

Моск. Гублит. № 12.780. Тип. „Тайнинский Печатник“, село Тайнинское. Тираж 1000.

Б. А. Куфтин

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА РУССКОЙ МЕЩЕРЫ

ЧАСТЬ 1-я

Женская одежда: рубаха, понева, сарафан.

B. A. Kouftine

LA CULTURE MATERIELLE DE LA MECHTCHERA RUSSE

1-re PARTIE

Le vêtement de femme: chemise, paniova, sarafane.

Б. А. Куфтин.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА РУССКОЙ МЕЩЕРЫ.

Введение.

Настоящая статья, являющаяся первой частью задуманной мною работы по материальной культуре одной из групп великорусского племени, известного в Рязанской губ. под именем мещеры или, лучше сказать,—русской мещеры, представляет собой вводный очерк к систематическому описанию соответствующих коллекций Государственного Музея Центрально-Промышленной области. Коллекции эти были собраны в 1921 году по специальному поручению Музея мной и работавшей со мною — Агнией Михаиловной Россовой-Куфтиной, принимавшей участие также и в обработке материала, главным образом, в Касимовском и Елатемском уездах нынешней Рязанской губернии после произведенного там мною, в качестве члена Рязанской этнологической экспедиции, обследования в предыдущие 1919 и 1920 годы. Вся работа, издаваемая теперь в виде Трудов Музея Центрально-Промышленной Области, должна заключать в себе 4 отдела:

1) костюм женский — горничный: рубаха, нагрудник, шушпан, головной убор, обувь; женская верхняя одежда и мужской костюм;

2) жилище (изба, двор, хозяйственные постройки, строительная техника);

3) средства передвижения (водные и сухопутные);

4) занятия и орудия труда.

Как при собирании, так и при обработке материалов, главной моей целью было не столько дать картину современного быта деревни исследуемого района, сколько подойти к выяснению его прошлых судеб и тех племенных и культурных типов, в результате взаимодействия которых образовалось современное население и сложился его облик. Поэтому, главное внимание обращалось на то, чтобы уло-

вить и выявить те наиболее архаические черты быта, которые, хотя и продолжают еще в различных формах жить у современного населения, но исчезают с каждым днем, сохраняясь часто лишь в отдельных пережитках и в памяти немногих стариков [1]).

Научным организатором и вдохновителем всей этой работы был В. В. Богданов, по инициативе которого и при ближайшем руководстве и планам которого была осуществлена вышеупомянутая Рязанская этнологическая экспедиция в 1919 и 1920 годах, ставившая целью начать планомерное обследование области, где образовались Московское государство и великорусская народность из 2-х ее ветвей на почве туземной, дославянской культуры. С организацией в 1920 году под председательством В. В. Богданова Московской Секции Российской Академии Истории Материальной Культуры и ее этнологического отделения, работа Рязанской экспедиции влилась в общую плановую работу Этнологического Отделения и была расширена в сторону палеоэтнологических обследований, проведенных в Рязанской губ. П. П. Ефименко, руководителем соответствующего разряда в Этнологическом Отделении Академии.

Рязанская губерния, с которой было положено начало вышеуказанным этнологическим работам Центрально-Промышленной Области, представляла в этом смысле особый интерес, так как, сравнительно рано войдя в состав Русского государства и будучи рано заселенной славянами, она в то же время больше, чем другие области сохраняла свои культурные связи с туземными финскими племенами, во взаимодействии с которыми слагался великорусский тип. В то же время, Рязанская губерния, давшая уже богатый археологический материал, особенно по до-славянским финским древностям (Уваров, Черепнин и, особенно, В. А. Городцов) и значительно обследованная в диалектологическом отношении (Е. Ф. Будде, А. А. Шахматов) со стороны этнологической, оставалась большею частью почти не затронутой. Особенно счастливо намеченными В. В. Богдановым для начала работ оказались северные уезды губернии, давшие совершенно новый, до сих пор неизвестный ни в литературе, ни в музейных собраниях, материал [2]).

---

[1]) Кроме материальной культуры, обследование касалось и некоторых сторон духовной культуры и дало также важный материал для выяснения этно-культурных элементов, вошедших в состав изучаемой народной группы. Этот последний материал группируется вокруг двух самостоятельных тем: 1) архаичные приемы, регулирования обязанностей и прав между членами деревенской общины при несении повинностей и общинном пользовании земельными угодьями и 2) пережитки языческой религии в обрядах и верованиях (календарных и не календарных): обряды сельскохозяйственные; культ предков и домашнего очага; обряды родильные, свадебные и погребальные; магические обряды, колдовство и обереги.

[2]) После моих поездок в 1920 и 1921 г., согласно данным мною инструкциям, благодаря большой энергии и любви к делу, проявленной Зам. Зав. Касим. Отд. Нар. Образ. А. А. Мансуровым и Зав. Касим. Музеем И. А. Китайцевым, был собран в Касимовском музее богатый и интересный этнографический материал, сделавший

Настоящее обследование сравнительно небольшого района, проводимое мной в разрезе научных задач Этнологического Отделения Московской Секции Российской Академии Истории Материальной Культуры, было в то же время связано с работами его руководителя В. В. Богданова по великорусской этнологии в применении к ней культурно-исторического метода. Считая своим приятным долгом засвидетельствовать это, приношу В. В. Богданову свою глубокую благодарность за все его советы и указания, которые он мне делал как при собирании, так и научной обработке материала. Не могу не выразить здесь своей благодарности также: А. Н. Максимову, к исключительному знанию которого этнографической литературы я неоднократно обращался; композитору А. А. Оленину, уроженцу Касимовского уезда, большому любителю народного искусства и старины, богатым материалом местного народного шитья и ценными указаниями которого я имел возможность пользоваться; Н. И. Лебедевой, помощнице заведующего Русским отделом Центрального Музея Народоведения, дававшей мне всегда точные и детальные сведения из личных обследований и наблюдений, особенно по костюму южных уездов Рязанской губернии; С. П. Григорову, во многом содействовавшему напечатанию моей работы; Н. А. Дорогутину, проводившему непосредственно все трудное издательское дело, и всех лиц на местах, содействовавших моей работе, проходившей в самые тяжелые годы голода и войны.

В основу настоящего очерка по народному костюму русской мещеры легли две его различные редакции, написанные мною в 1920 году. „Народный костюм Мещерского края в связи с историей его колонизации“ и в 1921 году „Народный костюм восточной части области Средне-Великорусских говоров“, доложенные один в 1920 году в Петроградской Секции Российской Академии Истории Материальной Культуры и другой — в 1921 году в Московской Диалектологической Комиссии [1]). Кроме того, на основании обоих вариантов мною был сделан доклад с методологическим уклоном в Этнографическом отделе О-ва Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии для членов Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в декабре 1921 года. По поводу этих докладов во время обмена мнениями мне был сделан ряд замечаний, которыми я посильно старался воспользоваться (хотя, занятый разными другими текущими делами, пока в недостаточной степени) и за которые приношу свою

Касимовский музей одним из лучших в этом смысле уездных и даже некоторых губернских музеев. В 1922 году Н. И. Лебедевой было положено начало пополнению также Рязанского музея коллекциями по мещерскому костюму (Неверово, Курша). В 1923/24 г. эта работа была продолжена М. Д. Малининой (Бусаево, Парахино).

[1]) Ссылку на этот не напечатанный доклад я встретил в критической статье Н. Н. Дурново на книгу В. К. Поржезинского—„Краткое пособие к лекциям по исторической грамматике русского языка“ в журн. „Slavia“ 1923 rosnik II sesit 2 и 3 на стр. 446

благодарность Б. В. Формаковскому, указавшему мне на возможность найти подтверждающий материал для сравнений некоторых деталей мещерского костюма со скифским и эллинистическим в греческой вазовой живописи; Н. Д. Протасову, рекомендовавшему мне для выяснения византийских соответствий и путей обратиться к рукописной псалтыри Томича и особенно к миниатюрам рукописи Куропалата Скилицы; П. П. Ефименко, самостоятельно обратившему внимание на своеобразие касимовской поневы и указавшему мне на образец ее имеющийся среди плохо датированных материалов Рязанского музея; Д. А. Золотареву, сделавшему методологические замечания; В. А. Городцову, сообщавшему ряд интересных наблюдений по старинному женскому костюму Рязанского уезда и в частности поясному убору в сравнении его с данными археологическими; акад. А. И. Соболевскому за ценные указания по истории русского костюма и замечания по поводу некоторых моих положений, напр., о сравнительной молодости русской девичьей косы; Д. Н. Ушакову, давшему ряд раз'яснений по вопросу о происхождении средне-великорусских говоров и теории А. А. Шахматова; Н. Н. Дурново, высказавшему свое мнение о природе средне-великорусского аканья и, в частности, о значении Москвы в истории его продвижения на восток по линии контакта северно- и южно-великорусских наречий. Кроме всех этих лиц, от личного общения с которыми в той или иной степени, зависела моя работа, исключительное значение имели для меня как при производстве обследования, так и при обработке материалов научные труды по великорусской этнологии Д. К. Зеленина, о чем считаю своим приятным долгом указать здесь.

Район моих обследований, начавшихся в Егорьевском у. Ряз. губ., вскоре начал определяться в границах древней Мещерской области, отмеченной исторически городами Мещерским Городцом (Касимовым), Кадомом, упоминаемым впервые в 1209 году, и Темниковым, основанным в начале XVI века.

Этнологические особенности края, особенно ярко выраженные в старинном костюме и говоре, вели меня, начиная от Семеновской вол. Егорьевского уезда (отмеченной мною в 1919 году как западный пункт интересовавших меня этнографических черт), на восток, сначала в Касимовский уезд и северную часть Спасского (район р. Пры), затем далее в бассейн р. Мокши в Елатемский и Темниковский уезды Тамбовской губернии. По мере накопления совершенно нового материала я ставил своею целью определить, по возможности, границы распространения данного этнографического типа и выяснить его территориальные вариации. Но мне, к сожалению, не удалось выполнить вполне поставленной задачи. После последней поездки 1921 года я не имел более возможности сколько-нибудь длительно побывать в этих краях, чтобы проследить границы, уходившие на восток по Мокше к самому г. Темникову, на север и северо-восток в пределы Нижегородской губ. и, наконец, на юг, за город Кадом по бассейну р. Вады. Особенно интересно было бы точнее выяснить северные границы так

как они соответствуют более древним этнокультурным отношениям, тогда как южные и юго-восточные определяются течениями позднейшей колонизации из этих областей на юг Тамбовской, Пензенской и даже Саратовской губерний.

Маршрут, выполненный мною вдвоем с Агнией Михаиловной Россовой-Куфтиной, в 1919 г., 1920 и 1921 г. частью на лошадях, но главным образом пешком из деревни в деревню, захвитил следующий район. Исходным пунктом в 1919 году было село Дедново на р. Оке Зарайского уезда; оттуда мы отправились вверх по р. Цне через селение Разбойники, Круга, Куплиям (Ям), Починки, Шарапово с постоянными экскурсиями в сторону в близ лежащие деревни. От дер. Шарапово, лежащей на большой московской дороге, мы повернули на восток все время вдоль тракта через села Середниково, Фрол - Радушкин на р. Ялме; с Ялмы вдоль Великого озера на север в Архангельскую и затем Лекинскую волость, в которой в 1915 году работал А. А. Шахматов. Имея целью определить западные и северные границы этнографических черт, встреченных в этом последнем районе Великого озера, мы вновь повернули от Леки через Тельму и Филинскую на запад в Дмитровский погост, оттуда в д. Кузнецы и на Новую Ворову, затем на север в д. Семеновскую и погост Вышелес, д. Лузгаринскую и погост Туголес (Туголицы) на оз. Святое (с. Спас-Преображенское) и жел. дорогой в Москву.

В 1920 году пароходом до Касимова, оттуда несколькими петлями: 1) Касимов, д. Токарево, д. Ерахтур, д. Нармушадь, д. Мышцы, с. Шостье, д. Марьино и Касимов; 2) Касимов, д. Поповка, д. Жданово, с. Шостье, д. Пекселы, с. Увес, с. Лубонос, с. Мелихово, с. Инякино, Тырнова Слобода, с. Ижевское, с. Папушево; через р. Пру в д. Лубеники, д. Александровку, д. Акулово, д. Ветчаны, д. Колесниково, г. Касимов и 3) Касимов, д. Выркову, д. Ярыгино, Гусь Баташевский, Касимов.

В 1921 году по Каз. ж. д. до ст. Нечаевки, оттуда на д. Кузьмино, с. Палищи, д. Тальнова, с. Нарма (Бутылки), д. Залесье, д. Фомино, д. Давыдово (Тумская волость), д. Чачева, д. Гаврино, д. Часливо, д. Уречная, д. Колесниково, с. Курша, д. Култук, д. Акулово, д. Чарус, д. Китово, д. Урядино, с. Ибердус, с. Телебукино, г. Касимов. Оттуда далее в Елатемский уезд: д. Которово, д. Монцово, д. Щербатовка, с. Нарма, затем в Темниковский уезд: с. Катово, Мельсетьево, с. Токмаково и обратно в Елатемский уезд в с. Савватьма, д. Усково, с. Азеево, с. Темирево, д. Желудево, д. Потапьево, с. Пёт, с. Веряево, д. Андреевка и вновь в Касимовский уезд в с. Увес, с. Шостье, д. Жданово, с. Перья и г. Касимов. В 1919 и 1920 году за отсутствием средств материал собирался исключительно в виде записей, зарисовок и фотографий. В 1921 году приобретались кроме того и самые предметы, ныне хранящиеся в Госуд. Музее Центрально-Промышленной Области.

В природном отношении пройденный маршрутом край представляет собой наиболее лесистую и болотистую часть Рязанской и Там-

бовской губерний, называемую в западной половине Мещерской низменностью или просто Мещерой, а в восточной Мокшанской низиной. По своему геологическому прошлому (послеледниковое водное скопление у основания восточного языка ледника), отчасти по характеру ландшафтов, правда, значительно более обезлесенных и открытых, а также и в антропогеографическом отношении, этот край, особенно его западная половина, является аналогом Минскому Полесью.

При крайне малых амплитудах колебания между высотами водоразделов и долин и при общей равнинности местности наиболее заметным рельефно-образовательным фактором в Мещерской низменности был некогда ветер, перевеявший валунные пески и всхолмивший их местами в эоловые холмы, ныне под покровом сосновых лесов замершие и размытые. Эти песчаные образования вместе с возвышенными берегами рек являются теми суходольными пространствами, по которым, главным образом, ютятся поселки среди крупных лесных „раменных“ и болотистых, почти незаселенных пространств и широких влажных лугов. Часто во многих местах мне приходилось наблюдать расчищаемые из под леса поля, типичное подсечное хозяйство, где топор, заступ и мотыка остаются главными орудиями и где высокий и стройный сосновый лес покрывает часто места, которые лет 40 — 45 назад обрабатывались под пашню и с которых собирался хлеб. Зато вся центральная и восточная часть представляет собой значительные пространства полей, почти скрывающиеся за горизонтом и лишь вдали окаймленные лесами. Однако, эти наблюдаемые теперь обширные безлесные острова — явление сравнительно новое, и еще Герберштейн в XVI в. говорит о лесах по обоим берегам Оки (в пределах Рязани), где во множестве водилась белка, горностай и куница. Как видно по писцовым книгам Касимовского уезда даже к югу от Касимова на правом берегу р. Оки в районе с. Ерахтура и Пекселы в XIII веке пашни обыкновенно поростали лесом: „лес по пашне в бревно и в пол бревна и в кол и в жердь“ [1]).

Благодаря такому характеру местности, поселки располагаются то более крупными то мелкими, довольно изолированными группами, возникающими как колонии вокруг отдельных центральных селений, приходов, которые сохраняют легко свои этнографические особенности. Эти более или менее своеобразные территориальные группы часто получают друг от друга полунасмешливые прозвища, известные иногда на большом пространстве края, давая исследователю возможность легко обратить на них свое внимание и изучить характерные их черты и отличия друг от друга. Так, в Касимовском уезде пользуются особенною известностью, напр., „Куршаки“ по р. Курше, Парахинцы или „Жмеи (Змеи) Парахинские“ по р. Гусю. Сохраняется и довольно широко распространено у право бережного населения Оки прозвище

---

[1]) Вельяминов Зернов В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Часть III, СПБ, 1866, стр. 92, 100, 107 и далее.

„Мещера“ или „Мещеря“, даваемое жителям мещерских лесов и болот, которые сами своих южных соседей называют „Ягутки“. Особенно часто прозвище „мещеры“ применяют в Спасском уезде к обитателям р. Пры, которые и сами не отказываются вполне от этого имени. Напротив, на севере со стороны Владимирской губернии прозвище мещера совсем неизвестно и там, в пограничных районах, жителей Мещерского края называют обыкновенно Литвой. Зато при движении на юг через Тамбовскую губернию в Пензенскую и Саратовскую, слово „мещера“ получило распространение вместе с колонистами из северных частей Рязанской и Тамбовской губернии, т.-е. древней Мещерской области. Вместе со своими территориальными особенностями, резко выделяющими их среди северно-великорусских колонистов, в среду которых они оказываются местами вкрапленными в Нижнем Поволжье, бывшие жители Мещерского края сохранили имя мещеры, как самоназвание. Это последнее обстоятельство вместе с своеобразием костюма и говора породило даже среди местных лиц, незнакомых с этнографическими особенностями различных групп великорусской народности, представление, что в этих старых колонистах из Мещерского края можно видеть сохранившиеся до настоящего времени остатки „летописного финского племени“. Однако, внимательное изучение костюма, говора и других бытовых черт легко позволяет обнаружить в этих колонистах во всех отношениях русскую народность, каковою является, несмотря на все свое своеобразие рязанская и тамбовская мещера.

Ниже, анализируя костюм, я делаю попытку выяснить происхождение и составные этнокультурные элементы этой этнографической группы великорусского племени, обнаруживающей вряд ли много более финских черт, чем любая другая южно-великорусская группа.

Но прежде чем перейти к специальной части очерка, я остановлюсь вкратце на главных моментах истории края, выясняемых на основании литературных памятников, чтобы дать необходимую канву для историко-культурного анализа памятников быта.

Славянским племенем, занявшим по летописным данным долину р. Оки, начиная с ее верховьев, от области родственных Родимичей до восточных пределов Рязанского княжества, были Вятичи, позднее называемые на востоке Рязанцами. Долее, чем другие восточно-славянские племена, сохраняли Вятичи верность язычеству и упорно отстаивали свою независимость от Киева, управляясь туземными старшинами или князьями до самого начала XII-го века. Летопись сохранила имена вятических князей Ходоты и Корьдны, на которых две зимы подряд ходил походом из Киева Владимир Мономах (Лавр. 1096 г.).

Засвидетельствованное летописью и подтверждаемое в известной степени археологическими данными родство Вятичей и Родимичей создавало некоторое единство населения от верховьев Десны и Сожи и вдоль Оки до пределов Мещерской низменности, которая, хотя и являлась изолирующим фактором между двумя упиравшимися в нее славянскими

потоками, северным по Клязьме и южным по Оке, сама, прорезанная последней, оказывалась одно время вплоть до Мурома колонизационной территорией южного из них.

Это единство поддерживалось исторически включением всей указанной области при Ярославе I-м и его сыновьях в Чернигово-Муромский удел, обнимавший собой северское Посемье и Подесенье, область Родимичей (Посожье) и Вятичей вместе с пограничной и глухой Муромо-Рязанской землей. Зависимость этой последней от Чернигова продолжалась, отражаясь в церковном управлении, и некоторое время после обособления, при сыновьях Святослава, самостоятельного Муромо-Рязанского княжества вплоть до конца XII-го века, когда в 1198 году Рязань получила собственного епископа. Однако, близкие отношения Чернигова с Рязанским Княжеством и стремление к об'единению этих земель вне Москвы замечались и далее того времени, когда с ростом Литовского государства Чернигов оказался на время совершенно отторгнутым от Руси.

Вместе с тем, в начале XI-го века, когда князь Тмутараканский Мстислав, после борьбы с Киевом, овладел Северянской областью и перевел центр своего княжения в Чернигов, глухая Рязанская земля об'единяется через последний с Тмутараканской Русью, становясь частью огромной области. Установившаяся таким образом связь между юго-восточным русским Приазовьем и степными Рязанскими областями сохранялась в дальнейшем вплоть до падения Тмутараканского княжества, естественно поддерживаясь рекою Доном и его притоком Воронежем, служившими, вероятно, и главными путями, по которым юго-восточно-русское славянство принуждено было удаляться на север под напором сначала половецких кочевников, а затем с XIII-го века и татар. По мнению А. А. Шахматова этот отлив южного населения вверх по Дону и оттуда на Оку мог явиться главной причиной усиления Рязанского княжества и быстрого роста его городов, возникавших, приблизительно, в это время, как то: Переславль-Рязанский, основанный в 1095 году предшественник Рязани, Ольгов, град Козари на Оке (упоминаемый впервые в 1147 году), связанный по имени с хозарами, соседями Приазовской Руси, Ижеславль (возможно современное с. Ижевское), Городец (Касимов), Пронск, Елец, упоминаемый впервые в 1147 году, крайний пункт Рязанского княжества, и другие.

Более первоначальная связь Рязанских земель с Муромскими отчасти, повидимому, обусловливалась интересами Черниговского княжества иметь для управления глухими рязанскими областями опорный пункт, каким первоначально в этой области был только город Муром. Но это одно не может вполне об'яснить причины обособления Мурома от близкого к нему территориально Суздальского княжества для того, чтобы быть втянутым вместе со всей Окой далеким Черниговом. Всего скорее здесь можно усматривать некоторые указания на то, что колонизация Мурома не была исключительно связана с тем

потоком Смоленских Кривичей, которые заселили Владимиро-Суздальскую Область, но в само́м составе населения Муромо-Рязанского княжества имелись какие-то об'единяющие начала. Во всяком случае, несомненно, как увидим, отчасти, ниже, что население Муромского уезда проявляло заметную этнографическую близость с населением Мещерского края в его наиболее самобытном сла́вянском слое.

Позднее древняя Муромская волость, встав в более независимое положение по отношению к Рязани, в то же время заметно вновь втягивалась в общую жизнь с Суздальским княжеством, играя часто роль оплота в его столкновениях с Волжскими Болгарами. Тогда в состав самостоятельного Муромского княжества входила частью и территория Мещерского края, именно северная и северо-западная кайма современного Касимовского уезда до района р. Гуся и область между р. Мокшей и Окой современного Елатемского уезда. Тяготение северных частей Мещерского края к Владимиру продолжалось и после превращения в XIV веке Мещерского края с городом Городцом Касимовым в особый удел с туземными князьями и христианизовавшимся татарским родом Ширинских во главе. В конце XIV в., как видно из летописного известия о передаче Тахтамышем во владение Василию городов Нижнего, Мурома, Городца (Касимова), Мещеры и Тарусы, все левобережье Оки рассматривалось еще как нечто целое.

Оставаясь некоторое время в близком ведения Рязанцев, Мещерский удел в скором времени подчиняется Москве, являясь в то же время наиболее долго сохранявшеюся в Московскои государстве автономною областью, в виде образовавшегося в XV веке татарского Касимовского царства. После прекращения последним в конце XV века своего существования, Касимов одно время при Петре 1-м оказывается приписанным, в соответствии с древнейшими упомянутыми выше связями Муромо-Рязанского княжества с бассейном Дона, к Шацкой провинции Азовской губ. Напротив, северо-западные части Мещерского края, вся восточная половина современного Егорьевского уезда и бассейн Поли и Гуся Касимовского продолжают оставаться в близких отношениях к Владимиру, составляя в XVII веке волости и станы уезда Владимирского.

Эти ранние и более поздние явления в исторической жизни Мещерского края естественно не могли не оставлять своего следа на этнографических группировках современного населения. От изучения последнего должно ждать теперь освещения и тех скрытых сторон народной жизни, о которой литературные памятники дают возможность судить только косвенно по отражениям ее на более крупных и заметных глазу событиях внешней истории.

Еще более темным для рассматриваемой области вопросом, который стремится осветить этнологический анализ, является процесс взаимодействия восточно-славянских колоний с местным туземным финским, а отчасти и более поздним пришлым татарским населением. С несомненностью исторические данные многократно свидетельствуют

о ближайших и долго длившихся отношениях Муромо-Рязанского княжества к Мордве, Волжским Болгарам и Татарам. Из более древних туземных племен начальная летопись отмечает здесь еще Черемис и Мурому.

Татары являются самой новой, появившейся в XIII веке этнической группой, сохраняющей до настоящего времени близ Касимова свой особый диалект татарского языка и национальную и религиозную обособленность. Столь же долго продолжается и непосредственный контакт русского населения Мещерского края и с Мордовой, древними обитателями реки Оки. В высшей степени своеобразная группа мордвы Эрзи, не допускающая мысли о позднем ее переселении сюда, известна до сих пор на терриитории Мещерского края к северо-западу от г. Темникова, тогда как р. Мокша своим названием свидетельствует о том, что и другая ветвь мордовского народа находилась в близких отношениях к области. Действительно, о древнем пребывании Мордвы в Касимовском уезде говорит целый ряд хорографических названий, звучащих совершенно по мордовски. Напр., деревня Пекселы, т.-е. Пекселей, переводится „большой вяз"; деревня Салаур, т.-е. Сала-вир — воровской лес; Пасва, т. е. Паз-ава—божья мать; р. Пра, может быть, Пря—голова, верховье; река Поль—кайма, край. Об очень недавнем пребывании Мордвы Эрзи близ самого Касимова сообщает, между прочим, Нефедов, слышавший в 1877 г. от одного старика в дер. Поповской, близ Касимова, что в соседстве с ними некогда жила мордва, именно „эрзяне", и „мордовки" ходили с прялками к их бабам на поседки, а те к ним в гости [1]). Эти слова старика подтверждаются, между прочим, названием имевшегося там курганного могильника „мордовским кладбищем". Фамилия Ерзин до сих пор известна среди касимовских татар.

С этим распространением сюда по Оке в Рязанскую губернию именно мордвы Эрзи, а не Мокши, видимо располагавшейся от нее на юго-восток по р. Мокше и далее в так называемых мордовских лесах, совпадает одна высказанная А. А. Шахматовым догадка о происхождении названия гор. Рязани, часто Резани от слова „Эрдзянь" [2]). Если эта этимология окажется правильной, тогда, может быть, об'яснится еще одно любопытное указание, сделанное мне крестьянами села Великодворья, что „настоящая Резань" находится около них. Под этим именем известна там местность на берегу речки Дардур, где расположен позднее финский курганный могильник, раскопанный Нефедовым. Культура могильника относится к XIII веку и представляет своеобразное смешение славянских и финских черт. Территориально эта культура не выходит далеко за пределы Мещерского края, ограничиваясь на западе Егорьевского уезда речкой Цной (д. Жабки), где также упоминается в одной грамоте 1496 года „Мордва на Цне" в

---

[1]) Нефедов. „Отчет о раскопках в Касимовском уезде". Антропологическая выставка, т. II, Изв. О-ва Естествозн., Антропологии и Этнограф. XXXII: Москва, 1879 г. Приложение, стр. 58.

[2]) Шахматов, А. А. Древнейшие судьбы русского племени, II, 1919 г., стр. 36.

Рязанском уезде [1]), на севере речкой Колпью и Гусем, на востоке пока районом города Касимова (д. Поповская).

О значительном распространении мордвы в Мещерском крае свидетельствует, например, князь Курбский, который, говоря о Мещерской земле, прибавляет „идеже есть мордовский язык“, а также некоторые летописные известия о войнах с мордвой.

Что касается Волжских Болгар и их отношения к Мещерскому краю, то об этом можно сказать очень немного. Болгары находились, видимо, в близких торговых связях с городом Муромом, а также имели с ним, с Суздалем и Рязанью нередкие военные столкновения, засвидетельствованные летописью. О культурном влиянии Болгарского царства на Окский район можно судить по распространению мусульманства, наряду с христианством и язычеством встречавшегося в г. Муроме в XI—XII веке, как об этом сообщает, напр., древнее „Житие благоверного князя Константина“.

Гораздо очевиднее следы пребывания в крае марийцев (черемис). В „Повести Временных Лет“ черемисы упоминаются вместе с муромой и мордвой в двух фразах среди племен, живущих по „Оцѣ рецѣ, гдѣ втечеть в Волгу“ и рядом „инии языцы, иже дань дают Руси“. Свидетельствуют ли эти указания только о пребывании черемис в низовьях Оки, в пределах нынешней Нижегородской губернии или о значительно более западном положении всего основного ядра Марийского народа, ныне живущего отсюда далеко на северо-восток, к северу от Волги восточнее устья Суры, с достоверностью сказать трудно. На вероятность же того, что черемисы могли некогда занимать и Оку, указывают, при наличии свидетельств о значительном продвижении их на северо-восток, распространенность во всем районе между р.р. Сурой и Окой хорографических названий, об‘ясняемых легко только из марийского языка [2]). В рассматриваемой области сюда относятся такие, напр., имена поселений и речек, как д. Ушмар (уш—умный, мар—мари), д. Кочемары (кочо—горький), д. Кочема (кочемо—кислый), д. Шушмар (шушо—гнилой), Иерахтур (йырыктэм—грею, тура—крутизна, яр), д. Ерденево (Ер—озеро, дэне—при, у), д. Юматовка (юмо-ото—лесной остров), речка Нинур (лыковая поляна), речка Мунор (точильный камень) и др.,

В XV веке несомненно не только не сохранилось уже марийских поселений на Оке, но даже и память о пребывании их здесь вовсе исчезла. Очень часто можно заметить в это время, как переписчик выбрасывает в „Повести Временных Лет“ имя черемис в том месте, где пребывание их указывается на Оке, оставляя его только там, где перечисляются они среди народов, платящих дань Руси.

---

1) Собрание госуд. Грамот и Договоров, 1, стр. 322.

2) Смирнов, И. Н. Черемисы. Историко-этнограф. очерк. Казань, 1889, стр. 9—12. Кузнецов, С. К. Русская историческая география. Москва. 1910, г. стр. 115—126.

Из трех указанных летописью финских племен на Оке только местоположение муромы определено вполне точно городом Муромом, который был первым пунктом на Оке, связанным с Новгородской землей. Ранее других двух племен мордвы и черемис началось и обрусение муромы, ныне исчезнувшей.

Совершенно иначе обстоит дело с мещерой. В противоположность рассмотренным нами выше Приокским племенам, история не сохранила нам сведений о мещере, как об отдельном народе. Ранние летописи не содержат совсем упоминания этого имени [1]). В поздних редакциях, относящихся ко времени не ранее XV века, после того как в конце XIV и XV века начинают появляться в оффициальных документах указания на Мещерские городки и Мещерскую область, слово мещера ретроспективно вводится и в старый текст „Повести Временных Лет", как название племени, наряду с мордвой и муромой. При этом в большинстве списков мещера заменяет собой черемис в той фразе, где перечисляются народы, живущие на Оке. Так упоминается мещера в Воскресенской (т. VII), Софийской (т. V.), Новгородской сокращенной, Тверской (т. XV), Типографской (т. XXIV) летописи Авраамки (т. XVI). Только в одной Никоновской летописи (т. IX) мещера включена в „Повесть Временных Лет" наряду с черемисами, без выпуска последних. В другой фразе Повести, где Окские племена перечисляются как платящие дань Руси, упоминание мещеры не вставлено ни в один из списков. Под 6367 годом (859 год) только в одной Никоновской летописи, в обоих списках, мещера оказалась поставленной среди племен, платящих дань варягам на место мери. Никаких более поздних, близких по времени к этим вставкам, указаний на существование особого племени мещеры в летописях не содержится, если не считать упоминания в Софийской летописи (т. V, стр. 241) и Новгородской IV (т. IV, стр. 93) „рати мещерской", участвовавшей в походах Димитрия Донского к Новгороду в 6894 (1386 г.). Однако, в этом последнем случае ничто не заставляет подозревать, чтобы название рати мещерской означало бы здесь что-либо больше, чем географическое указание на происхождение рати из местности мещеры, о которой говорится, например, под 1392 годом при перечислении городов, переданных ханом Тохтамышем великому князю Василию: „Царь же (Тохтамыш) тогда дал ему Новгород Нижний, Городец (Касимов) и Мещеру и Торосу (Ермол. летопись, т. XXIII, стр. 133, Типограф. XXIV, стр. 159, Софийск. Временник).

---

[1]) У некоторых авторов можно встретить игнорирование этого факта и утверждения вроде следующего „придерживаясь точного смысла летописного известия, мы должны бы думать, что мурома и мещера составляют совершенно обособившиеся от мери племена". (Кузнецов, С. К. „Историческая география". Москва. 1910 г., стр. 97). Благодаря этому, представление о „летописном племени мещере" сделалось популярным.

Очевидно, имя мещеры стало вноситься в летопись еще тогда, когда ни о каком мещерском племени не могло быть и речи. Действительно, напр., князь Курбский, прошедший с войском к Казани через всю Рязанскую, а затем Мещерскую землю ни о каком особом мещерском племени не упоминает, а говорит только о существовании в Казанском царстве, кроме татарского, „пяти различных языков: мордовскии, чуважскии, черемискии, Вотецкии, або Арскии, пятыи башкирскии".

Что же заставляет в таком случае вводить поздних летописцев и переписчиков в древнюю летопись новую народность—мещеру. Повидимому, два обстоятельства: во первых, загадочное уже тогда название области по Оке, близ Касимова, Мещерой, а во-вторых, отсутствие в то время на Оке черемисских поселений, упоминаемых в „Повести Временных Лет". Весьма вероятно, что слово „Мещера", которое и ныне употребляется крестьянами как название местности, из топографического имени было переделано поздним летописцем в название народа, которое он и поместил, желая исправить древнего летописца, на место черемис. Этому могли содействовать заметные отличия русского населения глухого лесного мещерского края, которое соседним жителям Московской и Рязанской областей могло быть известно под названием мещеры так же как это наблюдается и в настоящее время [1]).

Этот краткий обзор исторических сведений о крае заставляет нас учитывать возможность здесь весьма разнообразных этно-культурных влияний, которые, конечно, не ограничиваются тем, что дают литературные свидетельства, а, как покажет нам анализ самих памятников быта, выходят иногда далеко за пределы территориальных, а вместе с ними, следовательно, и хронологических границ, рассмотренных выше.

---

[1]) Следует поэтому особенно избегать употребления в применении к русской мещере двусмысленного наименования „мещеряки", как это делается некоторыми авторами, напр., в Саратовском Этнографическом Сборнике 1922 под ред. Б. М. Соколова, т.-к. это название, повидимому, самим народом не употребляется, а внушается собирателями.

1. Рубаха.

Основным элементом женского костюма Мещерского края является рубаха. Это—длинная льняная или пеньковая одежда, одеваемая прямо на тело. В отличие от западно-европейской она всегда снабжается рукавами и не играет, как там, исключительно роли белья. Хотя рубаха и прикрывается часто сверху еще другими частями костюма, но она сохраняет характер выходного платья, в зависимости от чего украшается вышивками.

В некоторых случаях крестьянки ограничиваются в своем костюме одной рубахой, обязательно лишь подпоясав ее. Так имеются особые пожнивные рубахи, в которые они наряжаются, ничего не надевая более, во время жатвы. Это, обыкновенно, рубахи, долго сохраняющие свой архаичный тип в покрое и в богатой вышивке ворота и рукавов даже тогда, когда рубаха праздничная уже начинает изменяться в угоду моде, идущей из города вместе с новым пестрым ситцем, иная ширина которого заставляет при этом переходить к новым приемам покроя. Еще недавно рубаха являлась здесь единственным выходным девичьим костюмом, и девушки, напр., в деревне Ламше, еще в прошлом поколении ходили в церковь в одной рубахе, подпоясав ее и спустив пониже простые невышитые, строченые подолы (вышитых подолов здесь не носят). До сих пор девочки до 14 лет, пока не появятся первые признаки зрелости, везде в описываемом районе, где недостаточно укрепился занесенный сюда сарафан, ходят в одних рубахах. В зависимости от этого на рубаху переносились особенности выходного платья, которое делалось первоначально из более тяжелого материала. Особенно ясно это видно на рубахах с непомерно длинными рукавами, спускающимися до полу. Такие рубахи были известны у крестьян еще в начале прошлого века в качестве праздничного костюма. Рукава эти или собирались складками на руке или висели свободно вдоль корпуса, так как руки продевались в особые отверстия у основания рукавов или ниже, на расстоянии кисти. Очевидно, такие рукава появились под влиянием боярского костюма, где мы их видим в целом

ряде тяжелых выходных одежд. Они происходят от обычая носить одежду с рукавами в накидку на плечах или даже покрываясь ею с головой, как это можно до сих пор наблюдать в Средней Азии и на ближнем Востоке (паранджа, feredже, ферязь). Первоначально и сами рубахи делались из более грубой шерстяной ткани. Об этом свидетельствуют прежде всего остатки шерстяной ткани, преобладающей, как можно судить по немногим, к сожалению, ее образцам, в славянских курганах Средней России, а также в финских могильниках.

Повидимому, пережитком шерстяного материала является красный, по преимуществу, узор современного женского костюма, связанный по своему происхождению с употреблением корня марены, красящего в красивый красный цвет исключительно шерсть, а не лен или бумагу. Самодельной краски, окрашивающей в красный цвет льняной материал не было известно у русских славян и финнов. Напротив, окрашивание шерсти мареной, применяемое широко в ковровом производстве Средней Азии, до сих пор еще известно у финнов Поволожья, а также среди южно-великоруссов, между прочим, и в рассматриваемом районе. Здесь во многих местах можно встретить довольно распространенное обыкновение, например, в правобережных Окских деревнях района Касимова, деревне Волкове и Марьине, в Бетинской волости, употреблять для вышивок по холсту не красную бумагу, а шерсть, точно также как в мордовском и марийском костюме. В Украине несущие узоры части рубах, напр., подолы, целиком делаются из шерстяной ткани и пришиваются к холстяной рубахе, напр., в пригородных селах Черниговской стороны Днепра [1]).

Однако, и льняной материал для костюма стал пользоваться широким распространением довольно рано как в описываемом районе, так и вообще у восточных славян значительно, повидимому, раньше, чем на Западе. Так славянские могильники Московской губ., где мною производились исследования некоторых курганных групп со специальной целью выяснить особенности тканевых частей костюма, показывают, что славянское население XI и XII веков даже мало обеспеченных классов носило льняную рубаху под верхней шерстяной одеждой. Это подтверждается и литературными данными. Так об обработке льна и конопли говорится, напр. в Уставе Ярослава § 24 [2]), у Персидского географа X века Гардизи [3]) (Одежда Руси и Славян из полотна.... рубахи).

В Германии же крестьяне между XVI и XVIII веком носили рубахи из шерсти, хотя о льняной одежде упоминает еще Тацит [4]).

В Швеции ночная льняная рубаха вообще появилась только с начала XVI века, когда здесь впервые стало распространяться льновод-

[1]) Познанский. Одежда малороссов. Тр. XII Арх. С'езда, 182 стр.

[2]) Самоквасов, Д. Я. Памятники древнего русского права. М. 1908, стр. 141.

[3]) Бартольд, В. Отчет о поездке в Среднюю Азию 1893—1894 гг. СПБ, 1897, стр. 123.

[4]) Тацит. Германия. Гл. 17., пер. В. Модестова, т. I. 1886, стр. 50.

ство, известное в центральной Европе уже во времена переселения народов. Но и в последней до XV века льняные рубахи не пользовались распространением, несмотря на то, что термин лен является обще-индо-европейским.

Преимущественно шерстяными являются ткани и в наших южнорусских курганах греческих и скифских. Исследование тканей, найденных в Керченских гробницах, а также в кургане Семибратном Кубанской области [1]), показало, что льняные фрагменты встречаются значительно реже шерстяных. Это вполне совпадает с тем, что мы знаем о материалах одежд древней Греции, где, в противоположность Египту, изготовлявшему прекрасные льняные ткани еще в до-историческом периоде [2]), употреблялась преимущественно шерстяная ткань, льняная же ввозилась из Египта [3]).

Вывоз льняной ткани продолжался в Эллинистическое и Римское время, при чем, повидимому, вывозились не только ткани, но и готовые туники, которые очень славились у римлян. Так император Валериан в середине III века по Р. Х. подарил Аврелиану 20 египетских полотняных туник, и сам Аврелиан позднее раздавал римскому народу египетские льняные туники [4]).

Судя по множеству находимых при погребении, начиная с первых веков нашей эры, мелких римских фибул в странах славянских, а также в финских могильниках, можно заключить, что одеяния из легкой ткани льняной или шерстяной, с разрезом, скалываемым на плече и на шее, пользовались широким распространением. Весьма вероятно думать, что эти легкие одежды стали входить в употребление под тем же влиянием, которым обусловлено было распространение фибул. Niederle L. [5]) полагает, что римская туника, вытеснившая древнюю грубую домашнего приготовления одежду-рубище, известную по изображениям на Трояновой колонне, получила распространение в византийское время не только как нижняя, но и как верхняя, украшенная одежда, известная позднее под именем „срачицы", „срака". Близко к ней стоял в византийском одеянии надеваемый через голову—дивитисий или далматика (tunica dalmatica), вошедший в состав великокняжеского облачения, которое Н. Кондаков [6]) считает справедливо, в противоположность В. А. Прохорову [7]), не народно-русским, а византийским. В зависимости от употребления римской туники, как верхней одежды,

---

1) Толстой и Кондаков. Русск. древности. Т. I, стр. 65,
Отч. Арх. Ком. 1878—79 г. СПБ, 1881, стр. 112—142.

2) Petrie, F. The arts and crafts of ancient Egypt. London, 1910, 147 стр.

3) Геродот. II кн, 105 гл., пер. Мищенко, т. I, 169 стр.

4) Хвостов, М. Очерк организации промышленности и торговли в Греко-Римском Египте. Казань, 1914 г., 142 стр.

5) Niederle, L. Zivot starych slovanu. Dil I, sv. 2, 1913, стр. 476—477.

6) Кондаков, Н. П. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПБ, 1906 г. 40—48 стр.

7) Прохоров, В. А. Материалы по истории русских одежд. 1871, стр. 15.

это название применялось в латинских текстах для обозначения одежды суконной, известной у большинства славян под именем „сукня“ или „сукмана,“ который затем превратился в распашную одежду, уже издавна бытовавшую у народов Восточной Европы, как это можно видеть и в костюме скифов европейских и азиатских.

Все это еще лишний раз подтверждает, что рубашке из растительных волокон льна и конопли в восточной Европе должна была предшествовать шерстяная одежда, от которой уже выработавшиеся на ней черты переходили на новые формы, полученные с культурной волной, прививавшей там разведение и обработку льна. Этой областью не могла быть Средняя Азия, находившаяся в близком общении с Индией, которая являлась издавна центром хлопчато-бумажной промышленности, ныне господствующей в Средней Азии, где лен сеят только горные таджики. Также, повидимому, должна быть исключена возможность заимствования льняной рубахи в Западной Европе, где, как мы видели выше, согласно Axel O. Heikel'ю [1]), рубаха появилась значительно позднее, чем в восточной Европе. Таким образом, остается Средиземноморская область, находившаяся через черноморские колонии в близком общении с населением восточной Европы. Что касается пеньковой ткани, то мы видели, культура конопли упоминается в Уставе Ярослава, а семена конопли были найдены в могильнике времени около Р. Х. близ Вильмерсдорфа, относимом к западным славянам [2]). Что конопля разводилась действительно, как волокнистое растение, свидетельствует сообщение Геродота [3]) о фригийцах, одевавшихся в одежду из конопли.

В настоящее время в восточной Европе возможно различать три главных типа покроя рубахи. Во-первых, покрой туникообразный: рубаха имеет форму прямоугольного мешка, чаще всего из четырех полотнищ холста, в которых проделаны три отверстия—одно для головы и два других для рук. К последним пришивают прямые цилиндрические рукава. Все основные швы в этом покрое пересекаются под прямыми углами, и рубаха легко может быть разостлана на плоскости.

В этом покрое различаются два главных подтипа:

а) Полотнища холста перекидываются через оба плеча, а швы проходят один сзади на спине, один спереди на груди и два сбоку. Рукава пришиваются к краю стана (см. рис. 1-а).

б) Полотнища располагаются так: в одном прорезается отверстие для головы, и полотнище проходит по средине спины и груди; к этому полотнищу сбоку пришивают два других перегнутых вдвое, так что верхний край не доходит до перегиба через плечи средней точи на ширину рукавов, которые пришиваются основанием не к боковым полотнищам стана, а к среднему (см. рис. 1-b).

---

[1]) Heikel Axel. Die Volkstrachten in den Ostseeprovinzen und in Setukesien. Hels., 1909 г., стр. 1

[2]) Niederle, loc—cit стр. 409.

[3]) Геродот. Кн. IV, гл. 74, пер. Мищенко, т. I, 336 стр.

Этот тип покроя мы встречаем в римских туниках, почему и называем его туникообразным. Его же мы видим в византийском саккосе, дивитисии и других царских и первосвященических облачениях, ведущих свое происхождение от римской туники. Далее подобный по-

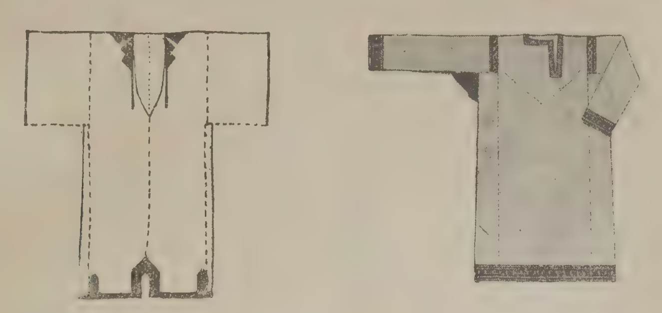

Рис. 1. Рубаха. Тип 1-ый покроя, туникообразный (1/35 нат. вел.)
a) Женская парадная рубаха мордвы Эрзи Тамбовской губернии.
b) Мужская великорусская рубаха Тамбовской губернии, Елатемского у.

Fig. 1. Chemise. 1-re type de la coupe (à forme de tunique).
a) Chemise de gala de femme de Mordva (Erzia) Gouvernement de Tambov.
b) Chemise d' un paysan de la Russie Grande. Gouv. de Tambov.

крой в обоих подтипах характеризует женские рубахи волго-финских племен, а также чувашей. Наконец, сюда же примыкает и великорусская и, частью, малорусская (левобережная Украина, но также Киевская, Херсонская, отчасти, Подольская и Волынская губ.) [1] мужская рубаха, имеющая всегда покрой по второму подтипу, т.-е. рукава пришиты к среднему полотнищу. В женской русской рубахе мы этого типа покроя никогда не встречаем, но другие части выходного южно-великорусского костюма, надеваемые на плечи сверх рубахи, обычно бывают скроены по второму подтипу этого типа.

В пределах данного типа и его двух подтипов, конечно, имеется еще масса различий, которые отличают, напр., рубаху малорусскую от великорусской или отдельных областей Украины и Великороссии друг от друга. Эти различия, касающиеся устройства ворота, деталей рукавов и украшений рубахи, не выходят за пределы указанных подтипов. Так, напр., мужская великорусская рубаха имеет косой разрез ворота и часто затканный подол, который носится снаружи, тогда как малорусская данного типа имеет прямой ворот и подол заправляется в штаны.

Второй тип покроя заключается в том, что рубаха образуется из двух полос холста, покрывающих спину и грудь и соединенных на плечах пришитыми к ним четырехугольными кусками материи, которые некогда могли заменить собою плечевые пряжки-аграфы (см. рис. 2-b). Полученное отверстие для головы собирается на вздержке. Если зашить

[1]) Волков, Ф. К. Этнографические особенности Украинского народа. „Украинский народ в его прошлом и настоящем". Петроград. 1916 г., т. 2, стр. 589.

бока и пришить сверху широкие у основания рукава, которые тоже иногда собираются складками,—получится рубаха второго типа. Одним из вариантов ее может быть рубаха, у которой рукава сплошь продолжаются до самого ворота, так что упомянутые выше плечевые куски, называемые обыкновенно „поликами“, совсем отсутствуют, становясь частью самих рукавов (см. рис. 2-а). Второй тип покроя характеризует русскую женскую рубаху как великорусскую северную и южную, так и малорусскую и белорусскую.

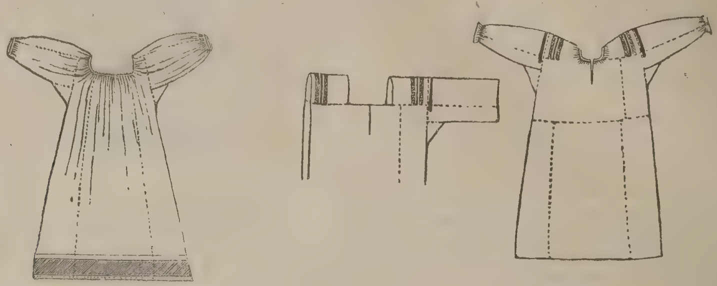

Рис. 2. Рубаха. Тип 2-ой покроя „восточно-славянский“ (1/35 нат. вел.)
а) Женская рубаха Ярославск. губ., Угличского уезда, с. Прилук.
b и с) Женская рубаха Смоленск. губ., Вяземского у., Морозовск. вол.

Fig. 2. Chemise. 2-me type de la coupe (à forme de sláves d' Est).
a) Chemise de femme. Gouvern. Iaroslavl.
b, c) Chemise de femme. Gouvern. Smoliensk.

В мужском костюме этот покрой рубахи встречается реже и известен, как более старый тип на Украйне, напр., в Воронежской г. и у казаков Черниговской и Полтавской губ. [1]), а также у Прикарпатских русских славян. Из числа последних совершенно своеобразна рубаха у лемков с разрезом ворота на спине. На памятнике в Адамклиссе [2]) мы встречаем очень рельефное изображение подобной рубахи, не имеющей здесь рукавов. Этот тип покроя по современном распространению в применении к женской рубахе можно было бы назвать преимущественно восточно- и южно-славянским.

У финнов Поволжья, чувашей и в угорской группе этот покрой совсем не встречается. Что касается происхождения термина, которым определяется главный характеризующий покрой признак рубахи — плечевые вставки „полика“, то, несмотря на широкое его распространение у всех трех групп русского племени, он не получил еще надлежащего раз‘яснения. М. Р. Фасмер сопоставляет термин палика (который он считает только великорусским диалектическим) с греческим pallikó: pallion, „mantile“[3]). Может быть, термин находится в какой-либо связи

---

[1]) Познанский. Одежда малороссов. Тр. XII Арх. С'езда. Москва, 1905 год 194 стр.

[2]) Niederle, L. Zivot starych slovanu. D. I, sv. 2, стр. 482, рис. 59.

[3]) Фасмер, М. Р. Греко-славянские этюды III. Греческие заимствования в русском языке. Спб. 1909. стр. 139 и 5.

Преображенский, А. Этимологический словарь русского языка, в 11. М. 1915.

с эполетами. Материально плечевые и грудные нашивки возможно также ведут начало от византийских пурпурных оплечий и других орнаментированных нашивок, спускавшихся от плеч поверх рукавов до локтя и являвшихся первоначально знаками отличия в облачениях знати варварских стран [1]).

Третий тип покроя рубахи представляет собою рубаху без рукавов с лямками (см. рис. 3). По своему происхождению такая рубаха связана с предыдущим типом, но в своем дальнейшем развитии она не имеет с ним ничего общего. Стан таких рубах представляет собой высокую юбку, собранную сверху в сборы и снабженную одной или двумя лямками через плечи, иногда лямки заменяются лифчиком. Такого рода рубахи встречаются только у западных

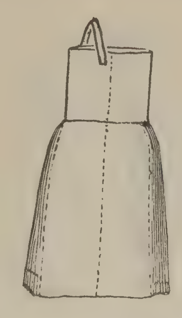

Рис. 3. Рубаха. Тип 3-ий покроя (западный) с лямками. Женская рубаха прикарпатских славян (Лопашево).

Fig. 3. Chemise. 3-me type de la coupe (d' ouest) avec des sangles. Chemise de femme des slaves de montagnes Carpates.

славян, напр. чехов, у которых этот покрой известен еще на миниатюрах XIV века [2]) (см. рис. 4). Он известен также в Швеции [3]). У восточных славян мы видим его, напр., у северных великоруссов только в покрое прямого сарафана. Этот тип, к которому относятся и современные женские рубахи городского класса, преимущественно может быть назван западно-славянским и западно-европейским.

Женская рубаха рассматриваемого мещерского района, насколько принимаются во внимание чисто деревенские образцы из самотканого материала, явно принадлежит ко второму, т. е. восточно-славянскому типу и, следовательно, по покрою резко отличается от женской рубахи волго-финской и, отчасти, и западно-финской испытавшей на себе два очень сильных влияния—великорусское и западно-европейское. Никаких элементов ни в покрое, ни в распределении украшений со стороны волгофиннов здесь незаметно. Женскую рубаху мещерского края всецело следует отнести к тому славянскому потоку, которому принадлежит и язык рассматриваемого района. Как выше было сказано женская рубаха в Мещерском крае в некоторых случаях еще играет роль выходного костюма, как это же характерно для волго-финской рубахи. Еще сравнительно недавно можно было видеть под самым Касимовым девушек из деревень Волково и Марьино, щеголявших в одних шитых рубахах с красивыми браными подолами. Рубахи высоко поддергивались за пояс, надетый под живот

---

1) Кондаков, Н. П. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. Спб. 1906, стр. 102.

2) Zibrt C. Dejiny kroje w Zemich ceskych. Pr. 1892, стр. 376.

3) Heikel Axel. Die Volkstrachten in den Ostseeprovinzen und in Setukesien. Hels 1909, часть 2, стр. 76, № 478.

(д. Шостье), так, чтобы видны были густо увитые оборами ноги в лаптях. „Вековечные девушки так бывало в одной рубахе всю жизнь и проходят" (с. Ветчаны, Курша). Праздничная рубаха, так называемая „посвяток", шилась одностанной, т.-е. из одной ткани целиком, в отличие от будничных „навздевных" рубах с посконными станами.

„Посвяток" кроме бранья обычно украшался кумачевыми частями. В С.-З. углу Касимовского уезда, а также в Егорьевском, из кумача делались и рукава, и плечевые вставки. В остальных центральных районах области кумач, главным образом, вшивался в плечи и на грудь и по нему вокруг разреза ворота прокладывались шелковые ленты „торочки" и ряды блесток, нашиваемых также у основания и концов рукавов. По самому разрезу ворота прокладывали черный плетешек. Застегивалась рубаха медной пуговкой с правой стороны, а с левой пришивали кумачевый подполок. Такие рубахи справляли себе и девушки невесты и молодухи в первые годы замужества, только с той разницей, что у замужних она обычно, настолько покрывалась верхним выходным костюмом, что для украшения часто оставались видимыми только концы рукавов и, отчасти, ворот. Подолы, хотя и выставлялись из под панев во многих районах, но почти всюду, за малыми исключениями (Волково, Марьино, Мелихово Касимовского у., Потапьево и др. Елатьем. у), оставались белыми, так что молодые женщины, стараясь украсить свою рубаху, должны были ограничиваться только тем, что пробирали по подолу ажурную сквозную строчку.

Рис. 4. Девица в рубахе с лямками на чешской миниатюре XIV века (по Zibrt).
Fig. 4. Fille à chemise avec des sangles sur une miniature du XIV-me siècle.

„Эта рязанскии натыкають падол-ат бумагай краснай али шлёнкай (цветной шерстью), а у нас дѣйки ходють уфси у бьелых страценых" (Мышцы), с чувством превосходства своего наряда обычно заявляли старухи.

В рубахах „горемычных", которые носят по печали „подбелу", т.-е. под белый платок (Курша), кумач не вшивается, подолы даже там, где обычно их натыкают, делаются белыми, строчеными (Мелихово), но ворот всегда расшивается красным. Не вшивался „кумак" и в подвенечные рубахи (Лубеники, Увес), которые тем походили на печальные; да и, действительно, со слезами одевалась в нее невеста к венцу своими подружками.

В Давыдове, Тумского района, обычные длинные в старину рукава на подвенечной рубахе у невесты перед от'ездом в церковь перевязывались, чтобы рук не было видно. Только, бывало, перед едой дома крестная развяжет. Такие длинные рукава узкие к концу и широкие у основания обыкновенно забирали „заскали", за локоть, чтобы

образовался „наплыв“ (с. Увес), особенно пышный, если рукава делались кисейные и имели длину аршина два (с. Ижевское). С возрастом количество украшений на рубахах уменьшается, и старухи, которые кроме рубахи прежде тоже ничего не надевали, разве у плеча где-нибудь пропустят розовую натканку. Зато, по покрою старушечьи рубахи часто сохраняют архаичные черты, давно исчезнувшие у молодежи.

Но рубаха в изученной области не является однородной в пределах типа. С первого же взгляда различаются три подтипа, обладающие каждый определенной территорией распространения и связь с целым рядом этнологических черт разных групп населения, чем обнаруживают свою историко-культурную реальность. Первый подтип близко подходит к описанному типу и может быть охарактеризован следующими

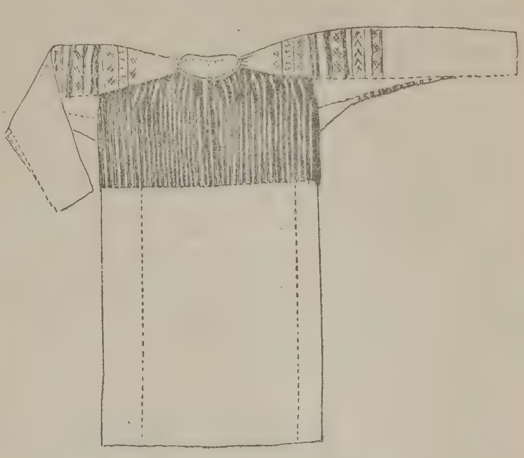

Рис. 5. Женская рубаха Мещерского края. Подтип 1-й типа 2-го с прямыми поликами. Вариант 1-ый (Касим. у., с. Нарма).

Fig. 5. Chemise de femme du région de Meschtschera. Gouvern. de Riazane. 1-re soustype du 2-me type. Modification 1-re

чертами: стан сшивается из трех или четырех полотнищ или точей тремя способами: а) стан в четыре или три точи: среднее полотнище перекидывают через голову и в нем вырезается ворот, а два другие целиком или одно, разрезаемое вдоль на две части, пришиваются к бокам (см. рис. 5); б) стан из трех точей: одно полотнище перегибается через одно плечо (встречается через правое и через левое) и сшивается на одном боку, а другой бок образуется согнутым вдоль другим полотнищем, так что швы приходятся не на самом боку, а несколько отступя от него (см. рис. 6); наконец, в) стан из четырех точей: одна на правой, другая на левой стороне, и швы проходят: один в середине спины, другой в середине груди и два по бокам (см. рис. 7). Все три способа наблюдались мною часто в одном селе, напр., в Залесье, и в этом подтипе они не имеют, повидимому, никакого этнологического значения всецело находясь в зависимости от экономических соображений, напр., от количества холста, предназначенного для рубахи. От количества точей зависит ширина и густота сборок у ворота и пышность рубахи. К такому стану пришиваются на плечах в виде лямок два четырехугольных куска материи, называемые здесь „ластовицы“, иногда „полика“, в ширину полотна и в длину всего плеча (см. рис. 2-b). Из оставшегося отверстия образуется ворот: спереди делается прямой разрез посреди груди (сантиметров

20 — 25), который по местной терминологии собственно и называется „воротом“; отверстие стягивается сборами до величины шеи, образуя „порединку“, которая обшивается цветной, чаще красной узкой „обшивкой“. К левой поле подшивается подполок, чтобы тела не было видно. Ворот застегивается на пуговку, пришитую с правой стороны. К стану пришиваются рукава. Рукава образуются из двух частей: из верхней, собственно рукавов, которые представляют собой перегнутую вдоль точу длиной до кисти, и нижней,— широкого у основания „клина“, почти вдоль всего рукава. Для клина разрезается отдельная точа материи вдоль наискось, и получают два клина на два рукава. Клин также нередко образуется из отреза вдоль на одну треть той самой точи, которая идет на изготовление рукава. Отрезанная полоса точи перерезается еще раз по диагонали и из обоих треугольных половин сшивается „клин“ под рукав. При этом часто сам рукав суживается к концу, в таком случае от него отрезается не прямоугольный, а скошенный кусок, благодаря чему образуется „клин“ еще более широкий в основании.

Стан рубахи делается не целый, а рубаха поперек делится на две части — верхнюю, как бы блузу, называемую „рукавами“ и нижнюю — „подставец“ часто из более грубой посконной ткани. Вообще материалом для рубахи этого варианта служит холст, шириною до 47 см. с затканными красной бумагой полосами — „браньем“. Чтобы „бранье“ и полосы пришлись на нужном месте, необходимо заранее при тканье иметь в виду все детали покроя и размеры той вещи, для которой ткется данный материал. Характер задуманной вещи отражается на всем ходе работы, связанной с приготовлением материала, во всяком случае, начиная с пряденья, когда приготовляются нитки нужной толщины,чтобы материя получилась желаемой добротности.

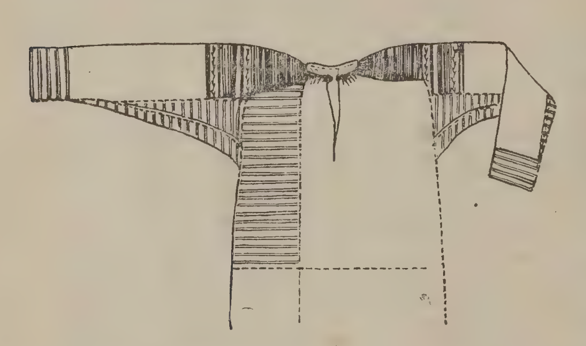

Рис. 6. Женская рубаха Мещерского края. Подтип 1-й типа 2-го с прямыми поликами. Вариант 2-й (Касим. у., с. Залесье).

Fig. 6. Chemise de femme du région Meschtschera du Gouvernement de Riazane. 1-r soustype du 2-me type. Modification 2-me.

В зависимости от толщины спряденной нити находится и число их в холсте, так как ширина последнего постоянна и зависит от устройства стана, собственно от длины берда. Различают холсты в различное число „пасм“, под которыми разумеется пучок ниток, состоящий из 10 „численок“ по три „зуба“ или оборота в каждом. Обычно

холст хорошей добротности снуется пасм в 10, т.-е. имеет по 300 нитей в каждом ряду основы. Далее, пряха должна высчитать из скольких полотнищ и какой длины она предполагает сделать стан у рубахи, затем, размер рукавов, так, чтобы браные полосы пришлись на своем месте у основания и конца рукава и, наконец, она должна принять во внимание и украшение поликов.

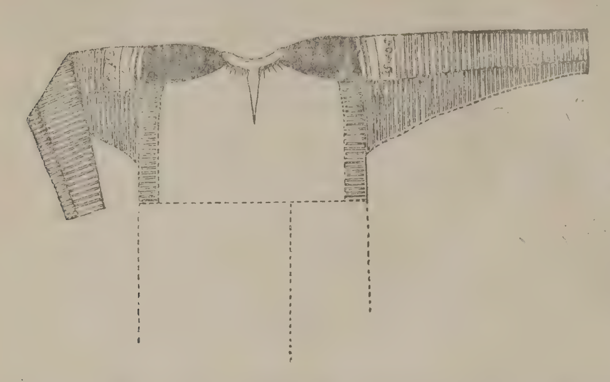
Даже траурная горемычная рубаха редко делается совсем белой. И на самой бедной рубахе можно обыкновенно видеть проложенную одну-две красных полоски у конца и у основания рукава и красную обшивку ворота.

Рубаха описанного покроя мною наблюдалась почти исключительно в северной части района. Наиболее ярко ее тип выражен в районе к северу от речки Нинур, первого притока реки Гуся в Меленковском уезде Владимирской губернии. Здесь мною она наблюдалась в д. Тимохино и Залесье, а также у женщины, взятой замуж из д. Бобров. Характерным для этого района является широкое употребление полосатой пестряди, т.-е. самотканного холста с поперечными полосками, чаще всего красными, а также голубыми, желтыми, подражающими сарпинке. Из такого холста-пестряди чаще всего делают верхнюю часть стана рубахи, при чем иногда не целиком, а так, что одна или две точи — пестрые, а остальные, в случе недостачи, — белые (см. рис. 5 и 6). Пестрядь же обыкновенно идет на клинья и под рукава. Но полика и рукава сверху обычно бывают украшены браньем, т.-е. узором из красной бумаги, который наносится во время самого тканья помощью бральниц, т.-е. длинных линеек (несколько более ширины холста), подкладываемых поперек холста под сосчитанные нитки основы; после того как пропущен красный уток (обыкновенно красная нитка вдвойне) бральница устраняется, и пропускают обыкновенный белый уток, затем снова ведут счет. В результате получается поперек холста с той и другой стороны, одна негативно другой, линия узора нитками, ныряющими в холсте сверху вниз.

Наиболее обыкновенным узором является здесь чередование двух пар параллельных линий, косо пересекающихся между собою и дающих фигуру в виде ромба с продолжающимися за вершины углов сторонами, называемую „репей“. Различные варианты этой основной фигуры известны под именем „обода“, „крюковины“ или „крюкальницы“ и пр.

Обыкновенно такая линия узора различной толщины и ширины в разное число ниток, чередуясь с просто, без узора вытканными красными полосами, образует на белом холсте более или менее широкие полосы, называемые „рубёжками“. Такого рода „рубёжки“ располагаются на холсте так, чтобы при кройке на основании рукава пришлось наиболее богатое широкое бранье, на концы рукавов победнее, иногда их здесь и совсем не бывает, особенно если рукава пестрядиновые. Наконец более богатое бранье предназначается и для поликов, для каждого по одной рубёжке. Подол здесь никогда не украшают и оставляют просто белым.

Никаких других способов, кроме бранья, нанесения узоров на рубахи, как то: вышивок, выкладок, мне наблюдать у этого варианта здесь не приходилось.

Кроме района Залесья этого покроя рубахи бытуют в рассматриваемом районе и далее на восток, а также и на юг. Этот покрой можно наблюдать в Тумском крае, где, однако, в довольно бойкой местности с отхожими промыслами он сильно модернизован под

Рис. 7. Женская рубаха Мещерского края. Подтип 1-й типа 2-го с прямыми поликами. Вариант 3-й (Касим. у., с. Залесье).

Fig. 7. Chemise de femme du région Meschtschera du Gonvern. de Riazane. 1-r soustype du 2-me type. Modification 3-me.

влиянием полугородских форм. Но далее к Оке, напр., в с. Ибердус, я наблюдал подобную рубашку в достаточно чистом виде, хотя исключительно только в образцах, имевших давность не более 15—20 лет. Здесь этот вариант рубашки, как и далее на восток, отличается полным отсутствием пестряди. Для украшения конца рукавов употребляется вышивка в виде простой строчки в одну нитку, образующей зигзаг. Узор называется „секирками" и вышивается так, что сначала по всей длине наносится один элемент узора в виде косо расположенных стежек „мышиные дорожки", а затем по всей линии прибавляется следующий элемент узора и т. д. Такого рода манера шитья пользуется особым распространанием среди волго-финских племен. Надо сказать, что к описываемому варианту покроя великорусской рубашки принадлежит в изучаемом районе и та новая волна проникающей в деревню моды, которая вообще всюду вытесняет и нивеллирует старые формы. Хотя рубаха этого нового наслоения и связана, вероятно, по существу, с рассматриваемой мной сейчас, но, будучи иной хронологически и по сопровождающим ее явлениям быта, она должна быть для удобства анализа по возможности строго от нее отличаемой. Так, на юге Касимовского уезда мы встречаем местами значительное распространение этого варианта покроя, но в виду того, что он там всюду явно сопровождается разрушением старинного костюма заменой его покупными тканями, а также и новыми формами костюма, мы его при географическом расчленении не принимаем пока во внимание.

Напротив, по направлению на восток я наблюдал этот тип до самого конца исследуемого района по его северной окраине, и здесь, хотя он и не отличался стариной, но сохранял самобытный характер. Так, в Которове Елатемского уезда, удалось встретить описываемый

тип рубахи из белого холста без пестряди с украшенными браньем поликами и основаниями рукавов, с обычным для этого варианта белым воротом и концами рукавов. Зато подолы в Елатемском уезде часто отделываются браньем (напр. деревня Потапьево, б. Елатемского, теперь Сасовского уезда).

Два следующих подтипа рубахи отличаются от только что описанного совершенно иным покроем поликов и рукавов. Вместо прямоугольных плечевых нашивок они имеют здесь трехугольные или, правильнее трапецевидные, которые никогда не доходят до края стана и врезаются в него на спине и спереди двумя острыми клиньями, отчего и весь покрой верхней части такой рубашки с „косыми поликами“ получает весьма своеобразный характер, резко отличающий ее от предыдущего. Однако, и между вторым и третьим подтипом разница настолько существенна, что их приходится рассматривать совершенно отдельно: во втором—поликѝ врезаются в стан не глубоко и к выступающим над плечами их частям пришиваются с обоих сторон по рукаву, в третьем же подтипе поликѝ глубоко расклинивают стан, и верхний край их становится в одну линию с плечевым краем стана рубахи.

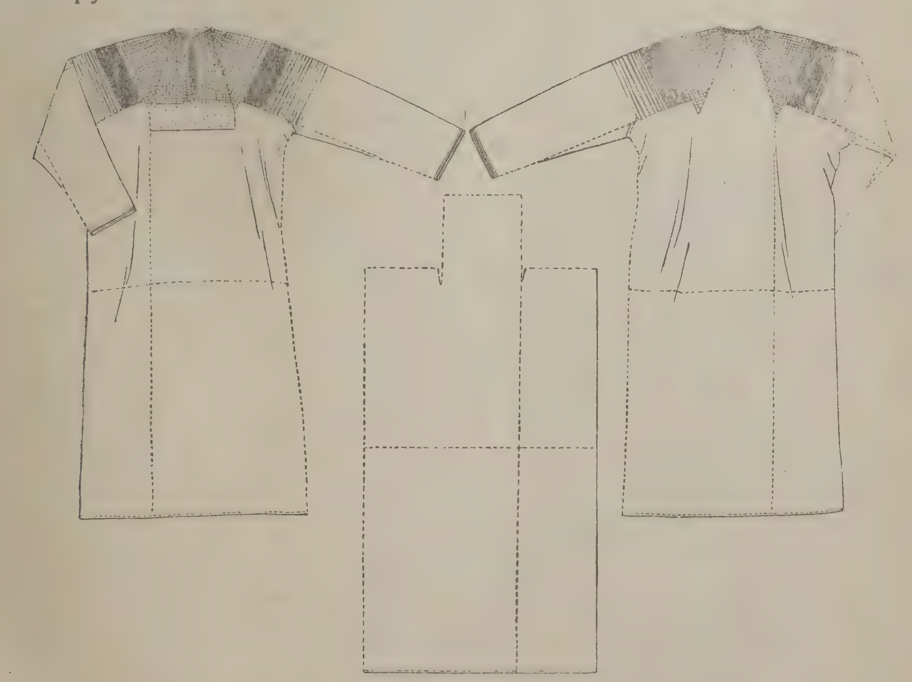

Рис. 8. Женская рубаха Мещерского края. Подтип 2-й типа 2-го, с косыми поликами (Касим. у., с. Нарма).

Fig. 8. Chemise de femme du région Meschtschera du Gouvern. de Riazane. 2-me soustype du 2-me type.

В наиболее целесообразных по покрою случаях второго подтипа точи при покрое стана располагаются так, как в мужских рубахах,

т.-е. одна точа, на которой вырезается ворот, перекидывается через голову, а бока образуются двумя другими или частями разрезанной вдоль пополам третьей точи, которые верхними краями пришиваются снизу к рукаву у основания. Но в отличие от мужской рубахи, которая кроится совершенно прямо, без поликов, т.-е. по первому туникообразному типу (перекинутая через плечо точа на плечах не разрезается), здесь в плечах стан расклинен косыми поликами, и рукава основанием пришиты к этим последним, кои своими острыми углами, продолжающимися и ниже рукава, отделяют в верхней части рубахи среднее полотнище от боковых. Полика̀, имеющие здесь форму трапеций, обращенных малым основанием к вороту, а большим к рукаву, боковыми, т.-е. нижними сторонами, в противоположность первому подтипу, пришиваются не к верхнему краю точи стана, а к боковому, т.-е. параллельно основе.

Таким образом, в данном случае для сборок у воротника остается вся поперечная верхняя сторона средней точи на груди и на спине в полную ширину ткани. Собираются также и внутренние края поликов, отчего ворот получается очень сбористым. Рукава, напротив, у основания пришиваются совершенно без сборок. В отличие от предыдущего, рукава в большинстве случаев прямые без клиньев у основания, а лишь подобно мужской рубахе имеют под мышками квадратной формы ластовицы, часто из материи другого цвета. При таком покрое никаких обрезков при кройке не получается, в том числе и при кройке поликов. В этом последнем случае—квадратный кусок полотна во всю его ширину перерезается вдоль или поперек, смотря по тому, снабжен ли этот кусок с обоих сторон натканками или браньем, нужными для украшения обоих плеч. Если натканки проходят по обоим краям, то разрез проводят между ними параллельно им, т.-е. поперек полотна, если же натканки—только с одной стороны, то кусок перерезают вдоль ткани, чтобы розовые полоски оказались на обоих половинах, но в таком случае на рубахе они лягут не поперек плеча, как обычно желательно, а как нибудь косо, что, однако, тоже оживит плечо. От каждой полученной половины, имеющей приблизительно размер 46$\times$23 см. отрезается от узкой обязательно одинаковой в обоих кусках стороны трехугольный клин, вершина которого направлена в сторону браной натканки, а основание имеет ширину 10—12 см. Клин одного куска пришивается к другому куску—к узкой стороне лоскута, вершиной к получившейся малой стороне, а основанием, увеличивая еще более ширину, к широкой, так что получается трапеция с параллельными сторонами, равными 56, т.-е. 46+10 и 36, т.-е. 46—10 (см. рис. 9).

Однако, подобного рода покрой, за исключением поликов, не всегда соблюдается. Напротив, стан часто сшивается из трех точей, и боковое полотнище имеется только с одной стороны. В таком случае для того, чтобы вставить полик на другом плече, необходимо сделать вертикальные надрезы в передней и задней полке, на

глубину входящих туда клиньями углов полика, т.-е, при взятых нами размерах поликов, на 28 сантиметров, т.е 56, деленное пополам. При этом становится необходимым при вшивании рукавов к поликам срезать на величину рукава внешние от надрезов куски переднего и заднего полотнища (см. рис. 9). Отрезанные куски в этом случае могут итти только на подполок ворота. Очень часто перестают пользоваться швом и на другом плече рубахи, врезая полик так, как описано, но независимо от места прохождения шва боковой точи. И, даже в случае первого варианта описанного покроя, полика часто врезают помимо швов, в самоё среднее

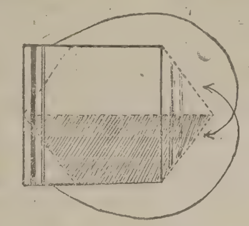

Рис. 9. Первый способ кройки косых поликов.
Fig. 9. 1-re méthode de la coupe des insertions des épaules.

полотнище, что уменьшает количество сборок у ворота спереди, которые, в случае мало-мальски грубого полотна, поместить все бывает трудно. Обыкновенно поступают так: сшитый стан перегибают вдоль на три части и по двум складкам делают надрезы для поликов.

Иногда в вырождающихся случаях (см. рис. 10), когда рукава и полика делаются из одной отдельной от стана ткани, они могут сливаться вместе, и рукав тогда доходит до самого ворота, как в некоторых случаях в первом подтипе этого типа, но здесь его будет отличать то, что полотнище стана имеет на верху вырез, и рукав все-таки частью пришит к стану параллельно основе, а не целиком параллельно утку, как всегда в первом подтипе (Фомино).

В противоположность первому, этот второй подтип более связан с некоторыми замкнутыми районами северной части бывшего Касимовского уезда и имеет меньшее стремление к распространению и вытеснению старых форм, которое заметно присуще, как мы это еще увидим ниже, первому подтипу. Второй подтип покроя с косыми поликами и пришитыми к ним рукавами мы находим в таких этнологически

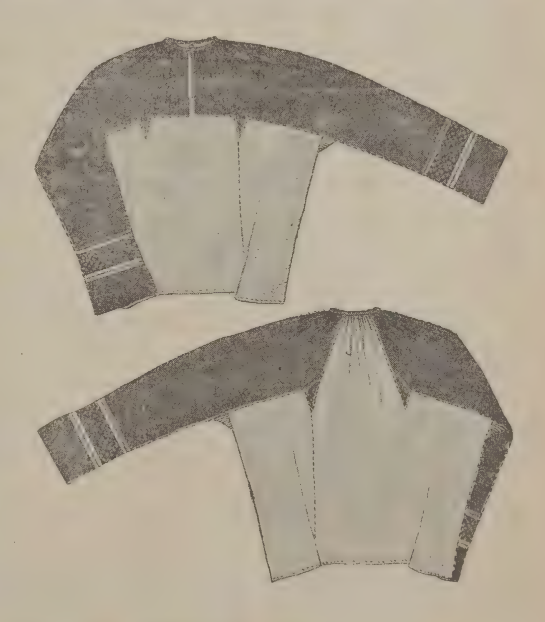

Рис. 10. Женская рубаха Мещерского края кумачная „под красный платок". Подтип 2-й типа 2-го с косыми поликами (Касим. у., Парах. в., д. Фомино).
Fig. 10. Chemise de femme du région de Meschtschera dû Gouv. de Riazane. 2-me soustype du 2-me type.

и диалектологически самобытных районах бывшего Касимовского уезда, как, напр., Курша и Парахино. Этот подтип также встречается в соседних этим районах Акулове, Колесникове, Обляшове, Неверозе и, наконец, существование подобного покроя мною отмечено на севере, отчасти в районе предыдущего подтипа по речке Нинур (Тимохино, Нарма, Фомино). Характерным для этого подтипа всюду является кумачевая нашивка вокруг ворота на груди в виде четырехугольной или трапецевидной формы нагрудника. В районе Курши Ветчанской волости, а также и Нармы, рукава у этих рубах часто из пестряди, из кумача, у концов прямые, реже с кружевами. В Курше у основания рукавов браные полоски. Покрой обычно из трех полотнищ, из которых одно образует бочек. В Колесникове и Акулове рукава к концу сужены и снабжены „грыбатками", т.-е. сборками. Покрой тоже в три полотнища, чаще с двумя бочками. Так же с двумя бочками кроится рубаха и в Обляшове (Неверовской волости). Но здесь имеется одна очень любопытная подробность: боковое полотнище кроится „заступом". Покрой этот заключается в особом способе получить скошенный клин. Состоит он в следующем: на стан рубахи отводится не три полотнища, как обычно, в длину рубахи, а три с третью. При чем эта треть используется в высшей степени рационально и оригинально. Два полотнища аршина по 1 $^1/_2$ идут на спину и грудь, затем отрезается кусок полотна, длиною в 1 $^1/_2$ раза больше, т.-е. 2 $^1/_4$ арш. Из этого куска должны выйти две боковые точи рубахи, длиною по 1 $^1/_2$ арш. каждая. Для этого все полотнище перегибается три раза, и вдоль двух полученных складок делается разрез в противоположных направлениях до середины полотна. Затем полотно разгибается, и концы надрезов соединяются по средней линии вместе, Получаются два куска длиной по 1 $^1/_2$ арш. каждый с широким выступом. От этих выступов срезают вдоль их у каждого куска по клину с основанием, равным половине ширины выступа, т.-е. одной четверти ширины всей ткани. Полученные клинья, достигающие в длину 12 вершков (т.-е. $^1/_3$ длины всего куска), переносятся из одного куска к другому и вшиваются там в уступ, по форме им тождественный (см. рис. 11). В результате получаются два скошенных полотнища нужной длины для бочков рубахи. Древность и самобытность того покроя очевидна. Поэтому можно допустить, что и покрой

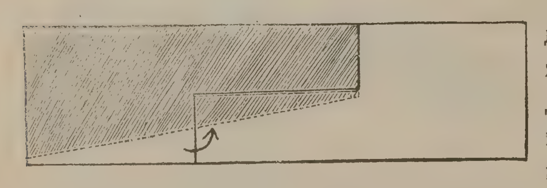

Рис. 11. Способ кройки „заступом" скошенных боковых точей женской рубахи. (Касим. у., д. Неверовские выселки).

Fig. 11. Méthode de la coupe de cotes fauchés de chemise de femme.

с двумя бочками, не имеющий уже выступов, все-таки древнее для описываемого подтипа покроя рубахи, чем покрой с одним бочком. Ниже нам еще придется встретиться с этим покроем, характерным

для некоторых из рассматриваемых районов, главным образом, в применении ко второму подтипу первого туникообразного типа покроя, к которому, как мы уже указывали, данный подтип второго типа имеет некоторое тяготение.

Третий подтип, наиболее распространенный и типичный для Мещерского края, характеризуется глубоко врезанными в стан плечевыми клиньями „косыми поликами“ и рукавами, пришитыми непосредственно к стану рубахи. Стан рубахи или целый до подола или с подставкой сшивается исключительно из трех точей, из которых одна боковая. Изредко наблюдаются рубахи из четырех точей и почти нет примеров покроя в три точи с двумя бочками. Боковая точа чаще ставится с правой стороны, чем с левой, покрытой, следовательно, одним сплошным полотнищем перекинутым через левое плечо, так что на нем нет шва. Правое плечо, напротив, имеет в этом случае шов. Место для поликов отмечается перегибом сшитого стана вдоль на три части. По направлению складок проводится надрез на глубину 25—30 сант. На плече, со стороны которого пришита боковая полка, разрез обыкновенно приходится как раз на шве, который в этом случае просто распарывается на должную длину или оставляется не сшитым. Полученные разрезы раздвигаются вшиваемыми туда клиньями, косыми поликами из холста или более яркой материи (кумача). Полика, в таком случае, скраиваются или так, как было указано для предыдущего подтипа, или иначе, со швом не сзади, а на плече. Для этого берут квадратный отрез холста, сгибают пополам вдоль и, разделив полученный четырехугольник, длиною, допустим, 45 см., шириною, следовательно, 22, 5 см., на три части, перерезают его наискось с трети одной стороны на треть другой, полученные куски перерезают по средней линии и получают четыре прямоугольных трапеции, которые сшивают попарно сторонами, образующими прямой угол.

Таким образом, каждый сшитый кусок опять имеет форму трапеции, длинная сторона которой равняется, приблизительно, 60 см. (см. рис. 12.) Перегнутые пополам они вшиваются вышеуказанным образом в плечи (Мелихово, Которово

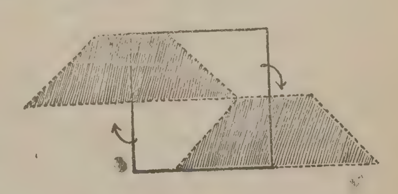

Рис. 12. Второй способ кройки косых поликов. (Елатемский у., с. Которово).
Fig. 12. 2-me méthode de la coupe des insertions fauchées en épaules.

Елат. у.), так что рубаха становится широкой и пышной в плечах. Типичными для нее являются также очень широкие у основания рукава, суживающиеся к концу. Вследствие большой длины плеч, спускающихся к локтю, собственно рукава могут быть небольшого размера, сантиметров 35. Но обычно делали рукава значительной длины, сантиметров 75 и больше. При этом их собирали в складки за локоть. Покрой их следующий: квадратный отрез полотна 45 $\times$ 45 см. перегибают вдоль на одну треть; с выступающей трети срезается клин, т.-е. треугольник, одна сторона кото-

рого равна половине ширины ткани, а другая трети. Этот клин повертывается на 180 градусов вниз и пришивается к выступающей части (см. рис. 13). Остается теперь пришить вторую переднюю сторону большого трехугольного клина, который образовался из нарощенной малым клином выступающей трети, и рукав готов.

Этот клин приготовляется сразу для обоих рукавов из отдельного отреза холста нужной длины $\frac{45.2}{3} = 30$ см., перерезаемого по диагонали. Таким образом, рукав в типичных случаях имеет ширину у основания 46 сант., у конца 15 см. Конец рукава может быть еще несколько сужен—сантиметров

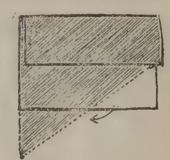

Рис. 13. Способ кройки рукава женской рубахи Касимовского уезда, деревни Большие Пекселы.

Fig. 13. Méthode de la coupe d' une manche de chemise de-femme.

до 10, лишь бы пролезала рука. Благодаря всему этому рубаха приобретает особый мешковатый и в тоже время живописный вид, красота которого еще усиливается благодаря своеобразно расположенному орнаменту (см. рис. на табл. 1).

Рубаха третьего подтипа, как сказано, наиболее характерна для рассматриваемой области. Мы ее встречаем здесь всюду, за исключением С.-З. части, где господствует первый и второй подтип. Но, как показали подробные исследования на месте, рубаха подобного покроя и в северо-западных частях бывшего Касимовского уезда, являлась наиболее древней и ныне, повидимому, подстилает обе более новых формы. Так, в Парахинском районе, по реке Гусю, на расспросы старух: отличалась ли чем рубаха их бабушек от тех, которые они носили сами и их матери, мне удалось много раз услыхать: „тады дапреш нас старухи нас(ш)или рубахи-ти с хрёстами". Как можно было судить по рассказам, рубахи эти были со спусками, т.-е. рукава пришивались как будто не к поликам, а к стану, и на спусках был нашит крест красный из затканок. Уже одно описание показало, что мы здесь имеем дело с иным покроем рубахи и другим расположением украшений. Однако, мне долго не удавалось достать такого рода рубаху, чтобы посмотреть ее самому, что всегда необходимо, так как осмотр вещи дает много новых деталей, не выявленных устным описанием. „Ис цаво, какую старину захател", говорили обычно старухи, „такой рубахи ни у каво не найти". Но мне все-таки посчастливилось найти 90-летнюю старуху в другом районе, в Курше, Дарью Гусеву, которая продолжала шить рубаху „по старому" с „хрестами", в какой она и на барщине работала и в какой ходила ее мать. Когда она принесла мне материнскую рубаху, я сразу убедился, что она действительно отличалась от господствующих здесь ныне форм и имела покрой, распространенный всюду южнее, т.-е. третьего подтипа (см. рис. 14). Заходит ли этот покрой еще севернее и западнее в нашем районе, решить не берусь, но думаю, что, поскольку туда имели распростране-

ние другие части костюма, всегда сопутствующие третьему подтипу в районах, где он еще продолжает бытовать, и рубаха с косыми поликами описываемого подтипа могла иметь место. Также как для второго подтипа, для рассматриваемого — характерно украшение ворота кумачевым четырех-угольным в форме трапеции нагрудником, на который часто нашиваются еще „торочки“, то-есть шелковые ленты и блестки. Наиболее типичными по расположению и характеру орнамента можно считать рубахи южной половины, прилегающей к Спасскому, Касимовского у., на восток от реки Оки. Здесь мы находим весьма изящную по типу узора рубаху, напр., в районе деревень Пекселы и Мышцы (одна этнографическая группа), а также Увеса (см. рис. 15).

Узор обыкновенно располагается следующим образом: рукава выкраиваются из браного холста, при чем бранье располагается только у основания рукава, а концы рукавов или совсем остаются белыми или вышиваются узкой красной строчкой. Ластовицы у рукавов, „клинья“, как их здесь называют, делаются всегда белыми и, согласно указанному выше покрою, собственно рукав, покрытый браньем, кажетсяспереди более узким, а сзади широким и как бы богаче украшенным. Затем узо-

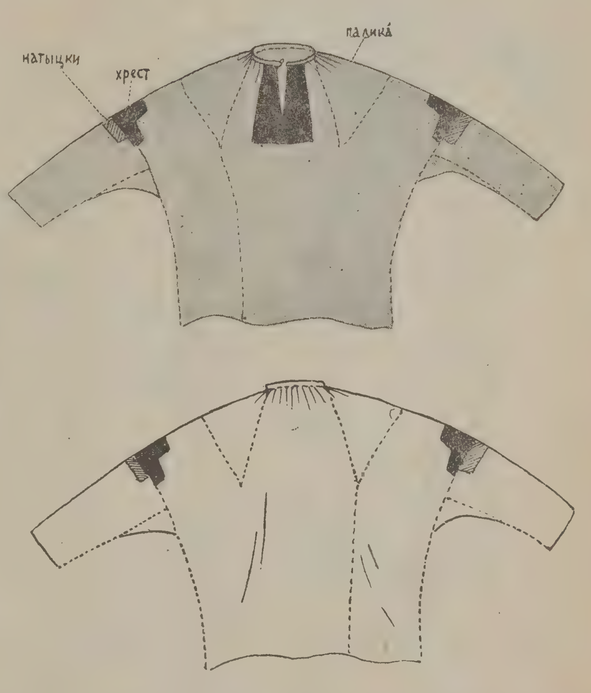

Рис. 14. Женская рубаха Мещерского края ($^1/_{18}$ нат. вел.). **Подтип 3-й типа 2-го с косыми поликами (Касим. у., д. Курша Ветчанской вол.).**

Fig. 14. Chemise de femme du région de Meschtschera. 3-me soustypedu 2-me type.

ром украшается и плечевая часть стана рубахи за поликом. Браные полосы здесь обычно нашиваются сверху и располагаются не поперек, как в рукаве, а вдоль по плечу, называясь „мышками“. Только у самого края плеча, у того места, где пришивается рукав, накладывается „пришивок“ в виде полосы шириной сант. 5, вышитой на руках, а чаще просто кумачевой, направленной вертикально поперек плеча, превышая по длине и спереди и сзади браную часть рукава. Вся узорная часть плеча, если его развернуть, имеет, таким образом, форму буквы Т, ножкой направленной к вороту.

Полика́ делаются или белыми или кумачевыми. В первом случае по шву иногда обкладывают ситцевой красной полоской, которая, как и в большинстве случаев, могла здесь заменить бывшую вышивку, прекрасно сохранившуюся, напр., на рубахе из Ламшинских выселок на реке Ламше на левом берегу Оки, выселившихся некогда туда из Спасского уезда, села Б. Юшты, лежавшего верст на 25 ниже на том же берегу реки. На груди, как сказано, нашивается большой трапецевидный нагрудник, а самый разрез ворота вышивается часто шелком. Обшивка ворота вокруг шеи „передница“ имеет на себе бранье. Под обшивкой спереди подшивается еще с каждой стороны разреза ворота по рубчику из ситца, так называемые „выглацки“.

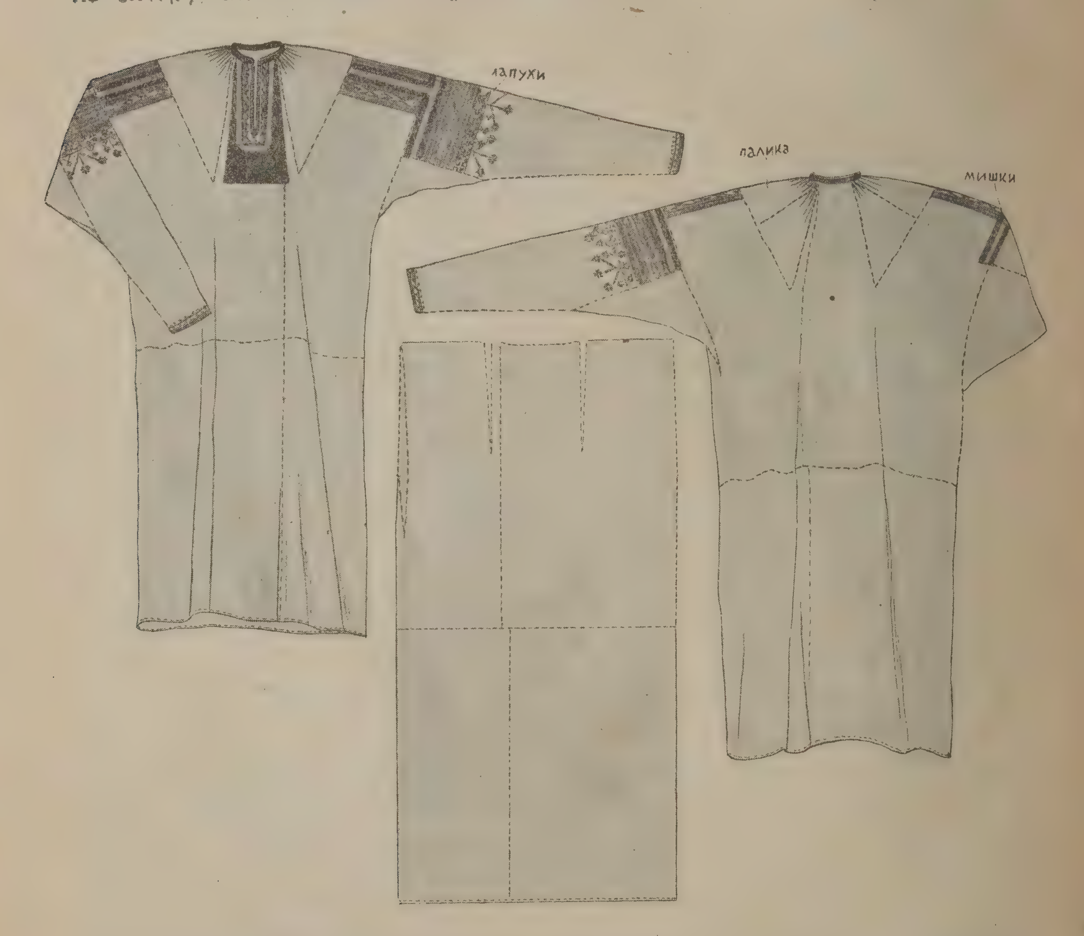

Рис. 15. Женская рубаха Мещерского края (1/18 нат. вел.). **Подтип 3-й типа 2-го с косыми поликами. (Касим. у., д. Большие Пекселы).**

Fig. 15. Chemise de femme du région Meschtschera. 3-me soustype du 2-me type.

Переход браных полос на плече и рукаве к белому полю рубахи не оставляется обыкновенне резким, а разрешается довольно крупной вышивкой в виде распускающихся с границы плотного бранья схематично

стилизованных растений, называемых здесь „лопухами“, или, в районе села Инякина, „елками“. Характерно для описываемого района то, что, кроме бранья, здесь на затканых полосах холста для рубах вырабатывается узор совсем иными приемами, чем описанное выше бранье. Это так называемая „выкладка“. Выкладка, как и бранье, делается прямо на стану во время приготовления самой ткани, но отличается тем, что в случае выкладок узор не продолжается во всю ширину основы, а лишь захватывает ее отдельные участки, которые, благодаря этому, могут делаться из ниток разного цвета. Узор при этом совершенно одинаков на обоих сторонах холста, чего нет в случае бранья. Выкладывание ниток производится просто пальцами, без каких либо приспособлений. Техника напоминает собой технику тканья паласов (ковров без ворса) в пределах Средней Азии. Узор исключительно прямолинейно-геометрический в большинстве случаев очень простого рисунка: обыкновенно белые и цветные параллелограммы и их сочетания на красном фоне. Весьма близкие к этой форме по украшению и покрою рубахи имеются в с. Инякине, вообще в этнографическом отношении заметно отличного от Пексельского района, хотя и включаемого жителями пригородных к Касимову сел вместе с последними в группу „ягуток“, как они называют не-

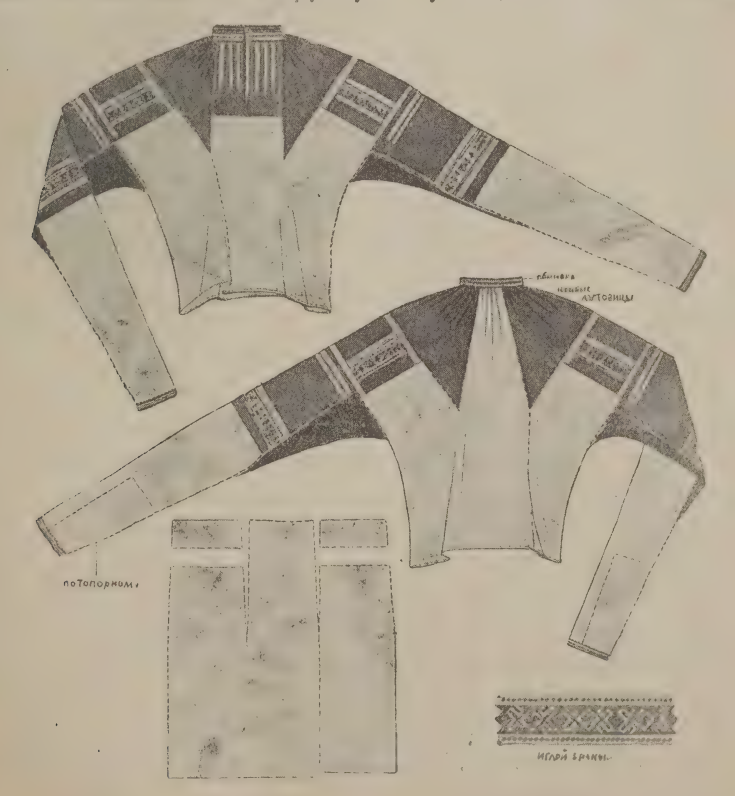

Рис. 16. Женская рубаха Мещерского края (1/18 нат. вел.). **Подтип 3-й типа 2-го, с косыми кумачевыми поликами. (Елатемский у., с. Которово).**

Fig. 16. Chemise de femme du région Meschtschera. 3-me soustupe du 2-me type.

сколько презрительно обитателей южных деревень. Здесь нет только плечевых накладок, отсутствующих на некоторых образцах рубах и в Пекселском районе, напр. в Мышцах. Зато плечевые нашивки встречаются и в восточной части исследуемой области, именно в восточной части Елатемского уезда (с. Саватьма). Узор лопухами или елками на рубахах туда не идет, но зато известен по западную сторону Оки, в районе Урядино, где, кроме того, существует еще особая разновидность рубахи данного варианта с длинными рукавами, скроенными „заступом“ или, как здесь говорят, „по топорному“ (см. рис. 16). Способ кройки совершенно тот же, как выше было описано для боковой точи в стане рубахи (см. рис. 17). Здесь только важно заметить, что рукав делается с браньем у основания, поэтому ткачиха заранее должна иметь в виду, что рукава к рубахе она будет кроить „по топорному“ и, следовательно, соответственно должна распределить „рубцы“ так, чтобы они находились друг от друга на расстоянии превышающем длину рукава на одну их треть. Рукава обычно в этом покрое делаются длинными и расширяются у основания клиньями, чтобы можно было „заскать рукав за локоток“.

Ясно намечаются два района на левом берегу Оки, где при описанном покрое рубахи мы видим подобные рукава: западная часть исследованной

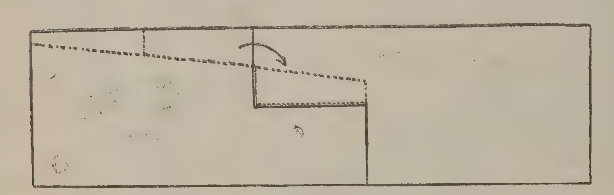

Рис. 17. Способ кройки рукава „по топорному“ к рубахе—рис. 16.
Fig. 17. Méthode de la coupe d' une manche à dessin № 16

области, непосредственно примыкающая к незаселенному болотистому пространству реки Пры, где вообще подобный способ кройки клиньев оказывается распространенным, — это селения в бассейне реки Ламши и между последней и рекой Окой (приходы Китовский и Чарусский) и более восточная, приблизительно на той же широте,—район Которова, между Касимовым и Елатьмой. Для обоих районов характерно также отсутствие вышивок и господство браного прямолинейного геометрического узора. Напротив, в центральной части Касимовского уезда, где имеют некоторое распространение на рубахе вышивки, особенно вышеописанные лопухи, мы этого способа кройки не встречаем. Из других местных особенностей третьего варианта рубахи обращает на себя внимание спорадическое бытование браного подола. Его мы находим в Касимовском уезде только на самом юге, в с. Мелихове и в районе г. Касимова, далее в Елатемском уезде: с. Которово, Потапьево. В остальном районе подолы только строченые белой ниткой.

Все три описанные подтипа являются вполне самостоятельными и на почве Мещерского края генетически друг с другом не связаны. Хронологически возможно, как было указано выше, считать более

новым для района только первый подтип, во всяком случае, утверждать о его недавнем продвижении и распространении со стороны С.-З. угла б. Касимовского уезда. Наступание этого подтипа с прямыми поликами обнаруживается как в постепенном вытеснении второго подтипа, которое происходило всюду на глазах прошлого поколения, так и внесением в этот второй подтип некоторых особенностей первого, замена браного холста с узором, расположенным на вполне определенных местах, пестрядью, заменяющей собой ситец, влияющего прототипа; сюда же относится исчезновение вышивки ворота и характерного трапецевидного нагрудника на рубахе второго подтипа в области соприкосновения с первым. Возможно, однако, что первая волна рубахи с прямыми поликами обнаружилась и несколько раньше еще в пору, когда узорное бранье определяло характер этой формы на территории, в которую втягивался и С.-З. угол Касимовского уезда, прежде всего — район Залесья, где мы находили рубахи, скроенные по первому подтипу, но с бранными поликами и рукавами. Это могло относиться к тому времени, когда вся эта часть древняя Тумская, Гусская волости составляли в XVI, XVII в. часть не Рязанской губернии, а Владимирской, и население тянуло к своему административному центру г. Владимиру [1]). Влияние волны, принесшей первый подтип, заметно и на третьем подтипе, на самом западе его современной границы. Это влияние сказывается, напр., в распространении в с. Чарусе и прилегающих деревнях рукавов из синей набойки и исчезновение нагрудника вокруг ворота, на рубахах с косыми поликами третьего подтипа. Труднее определить взаимоотношения второго и третьего подтипа с косыми поликами между собой (см. карту).

Мы уже выше указывали, что третий подтип во всяком случае, нигде не является более новым сравнительно со вторым но даже, напротив, выказывает следы своего древнего пребывания и на территории, где позднее господствовал второй подтип (Курша, Парахино). В то же время третий подтип встречается с бо́льшими архаизмами в покрое, чем второй, на данной территории. Ни образцов с очень длинными рукавами, ни применения к рукаву приема кроить с заступом при втором подтипе мне встречать не пришлось, что, конечно, можно отнести и к чистой случайности. Но за крепость традиции второго подтипа на территории современного его бытования как будто бы говорит самобытность и отсталость тех этнографических групп, у которых мы ныне его встречаем—у Куршаков и Парахинцев — дроворубов и смолокуров, не знающих отхожих промыслов. Однако же, мы увидим далее, при анализе прочих частей костюма, что эти группы не всегда жили той отсталой жизнью, в какой мы застаем их в современных экономических условиях, а, напротив, выказывали черты более богатой старой культуры.

---

[1]) Готье Ю. В. Замосковный Край в XVII веке. М. 1906, стр. 557 — 559.

В настоящих рассуждениях мы, вообще, касались самого поверхностного слоя возможных изменений. Чтобы подойти к более глубоким хронологически эпохам, следует выйти из нашей замкнутой области и исследовать вопрос в пределах тех территорий, которые оказываются захваченными данными культурно-историчесткими фактами. Только исследовав интересующие нас явления на всей зянятой ими территории и выяснив помощью историко-культурного анализа все последующие перемещения, возможно будет подойти к эпохам и территориям, где происходила в определенной историко-экономической, политической, этнической и, вообще, культурной среде выработка данного бытового факта. Вопрос этот в целом крайне сложен и требует детальной проработки материала по всем отдельным территориям, что еще мало доступно по состоянию соответствующих коллекций наших краеведных, а также центральных музеев. Но, все-таки, возможно наметить для нашего материала главнейшие соответствия.

Первый подтип следует считать, преимущественно, северно-великорусским, так как этот покрой является основным для всех северно-великорусских губерний, а в южной Великороссии получил распространение явно в связи с северными влияниями, главным образом, в однодворческих районах, среди потомков служилых людей московских, у которых, как показал в своем прекрасном исследовании о великорусских говорах Д. К. Зеленин [1]), господствует не южно-великорусский а дворянский сословный костюм, развившийся в Москве на основе северных форм. Этот подтип имеет вообще ряд разновидностей, из которых, прежде всего, следует отметить рубаху с весьма широким на сборке, почти без обшивки, воротом, в который может пройти голова, очень пышными из целых полотнищ рукавами на сборках, нередко сливающимися с поликами, так что они своим основанием участвуют в образовании ворота, и почти всегда бедную узорами (см. рис. 2-а). Эта разновидность, по связи своей с территорией древней Новгородской области и сопутствующему ей чаще накладному (надеваемому через голову) сарафану из прямых полотнищ, может быть для Великороссии обозначена как Новгородская, но элементы ее известны также у русских в Галиции. Она не касается рассматриваемого нами района, где мы имеем дело с другой разновидностью, которую проще всего назвать московской, так как ее мы находим, главным образом, в Московской, Владимирской, южных уездах Тверской, частью Смоленской губернии, и, вообще, обыкновенно, при сарафане-клиннике в его распространении как на север [2]), так и на юг Великороссии.

[1]) Зеленин, Д. К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПБ. 1913, § 21, стр. 54—61.

[2]) См., напр., фотографию с такой рубахи, к сожалению, лишенную какого бы то ни было описания, Новгородской губ. (в книге Б. М. и Ю. М. Соколовых „Сказки и песни Белозерского края“ 1951, стр. XXXII), где она бытует явно в сопровождении головных уборов южно-великорусского типа.

Эта разновидность отличается от предыдущей узким воротом, часто с цветной обшивкой, иногда с воротником, браными или вышитыми поликами и рукавами с клиньями. По сравнению с новгородской разновидностью здесь заметна близость к южно-великорусским формам, что еще более подчеркивается сопровождающим эту рубаху женским головным убором — кичкой и сорокой. Поэтому, может быть, и не вполне прав Д. К. Зеленин в утверждении, что в распространении одежды на средине Великорусской области смешанной переходной полосы почти нет.

Московская разновидность нашего первого подтипа женской русской рубахи вытесняет заметно иной формы рубаху, местами еще недавно известную в южных уездах Московской губернии, напр., в Верейском, с гос-

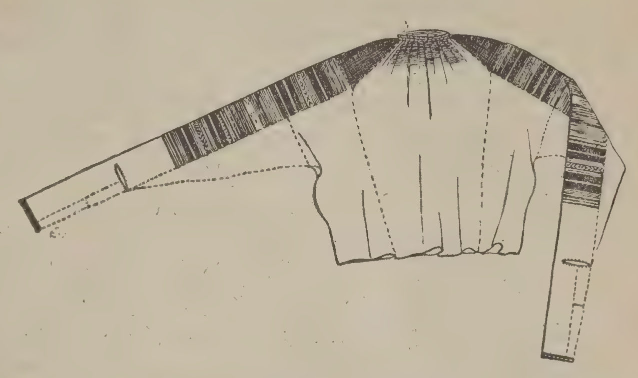

Рис. 18. Женская рубаха (1/20 нат. вел.). **Промежуточная форма между 1-ым и 2-ым подтипом 2-го типа покроя. Вариант южно-великорусский. (Моск. губ., Верейский уезд, с. Спас Косицы „Шувалики").**

Fig. 18. Chemise de femme. Forme intermediaire entre 1-r et 2-me soustype du 2-me type de la coupe. Modification des Grands Russiens mèridional (Gouvern. de Moscou).

подствовавшим некогда при ней паневным южно-великорусским комплексом костюма [1]). С этим процессом преобразования и нивеллировки женского костюма Московской губернии на основе северных московских форм, незаконченным еще в половине прошлого века, связано указанное выше распространение Московского покроя рубахи из Владимирской губернии в пограничные области Рязанской и вдоль северной полосы Средне-Великорусских говоров с запада на восток.

Труднее обстоит вопрос с двумя прочими подтипами рубахи, рубахи с косыми поликами, рассмотренными нами в отношении к Мещерскому краю. Эти формы, которые особенно характерны для изучаемой области, оказываются, вообще, очень мало известными. До сих пор рубаху с косыми поликами мы знали почти исключительно в Рязанской губернии, где она имеет распространение в средней ее части, не проникая, повидимому, в „степь". Н. И. Лебедева, внимательно изучавшая народный быт Рязанской губернии, не находит, по ее словам, уже этих рубах к югу от реки Прони в Михайловском, Скопинском, южной части Прон-

1) Чернышев, В. Несколько сведений о быте и говоре „шуваликов" Верейского уезда. Изв. Слав. Русск. Отд. Акад. Наук, т. X, 1905 г., кн. 2, стр. 364.

ского, в Данковском и Раненбургском уездах, и только на восток от устья реки Прони эта рубаха уходит довольно далеко на юг по Ряжскому и Сапожковскому уездам, где она известна по коллекциям Румянцевского музея в Борковской волости Сапожковского у. Рубаха с косыми поликами не всречается там только в самом юго-восточном углу, в однодворческом районе, между реками Парой и ее притоком р. Бердой, но в Пронском уезде она известна как у помещичьих, так и у казенных крестьян. Отсутствие рубахи с косыми поликами в Рязанской губернии сопровождается одной любопытной чертой, которую мы рассмотрим ниже, это заменой обычного для Мещерского края так называемого мордовского лаптя с низким бортом и кручеными ушниками —толстоголовыми, высокобортными лаптями московского типа. Повидимому, во всем степном районе мы имеем значительное влияние костюма Московских служилых людей так называемой украинской сторожевой линии. Но, кроме этой последней формы, получившей значительное распространение в южной Великороссии, мы встречаем здесь в Тульской, Орловской, Смоленской, Калужской губерниях рубаху другого вида, хотя и имеющую прямоугольные полика, как в первом подтипе но по способу, каким они вшиваются в рубаху, приближающуюся ко второму, рассмотренному нами в Мещерском крае подтипу. Плечевые нашивки нижним краем прилегают не к верхнему краю стана рубахи (т.-е. параллельно утку ткани), а к боковому краю собранного у ворота полотнища, т.-е. параллельно основе (см. рис. 18). Такой покрой имеет и упомянутая выше старинная рубаха южных частей Московской г., напр. „шуваликов" Верейского уезда (сравни подобную рубаху из села Спас-Косицы с рубахой первого варианта из села Смоленского того же уезда в коллекции Румянцевского Музея), но и в южно - велико - русских губерниях эта рубаха находится в положении вытесняемой первым подтипом, а не наоборот. Покрой этот вообще отличается видимо древностью у восточных славян, так как кроме южно-великорус-

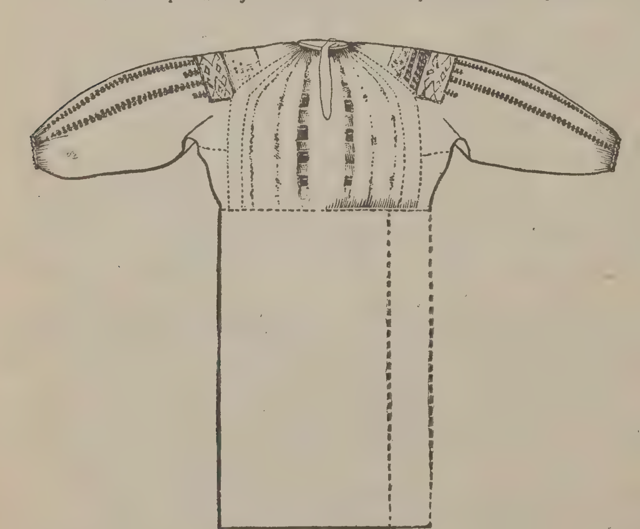

Рис. 19. Женская рубаха. (1/20 нат. вел.). **Промежуточная форма между 1-ым и 2-ым подтипом 2-го типа покроя. Вариант украинский (Полтавский уезд).**

Fig. 19. Chemise de femme. Forme intermédiaire entre 1-r et 2-me soustype du 2-me type de la coupe. Modification du Oukraïna.

сов мы его встречаем среди старинных рубах Украйны в виде очень интересной разновидности (характерно пришивание широкого рукава прямым основанием в угол образованной внешним краем полика и стана, как на рис. 19, и сопровождающее этот покрой богатство цветного шерстяного узора, напоминающего отчасти мордовский по технике и расположению полосами вдоль рукавов и вдоль груди и спины по сторонам), которую следует назвать „южно-русской“ или „украинской“, т. к. она известна нам в качестве древнейшего слоя в южной части Киевской губернии (Чигиринский уезд, № 4028 Румян. Музея) в Полтавской губ. (№ 4051), а также распространена у русин Бессарабии (Хотинский уезд) и Галиции (напр. Стрыйский округ Сокольского у.) и у русских восточной Венгрии (у Гуцул в Мармороши). У южных славян, напр., сербов, мною выяснены подобного покроя и узора рубахи (к сожалению не достаточно датированные) и у южных славян, напр., сербов, с довольно часто встречающимся у них последующим слиянием полика с рукавом (см. рис. 20), но с обычным распределением плечевого узора на месте, где прежде находился шов (№ 183 Рум. Музея) [1]. По отношению к рассмотренному мною в Мещерском крае второму подтипу эта рубаха формально является весьма особой разновидностью второго подтипа с заменой косых остроугольных поликов прямоугольными. Косые полика в этом втором подтипе в Мещерском крае могли появиться при воздействии третьего подтипа в его типичной для Мещерского края форме. Здесь еще следует заметить, что характерная кумачевая или ситцевая нашивка у ворота в виде ромбического нагрудника на рубахах второ-

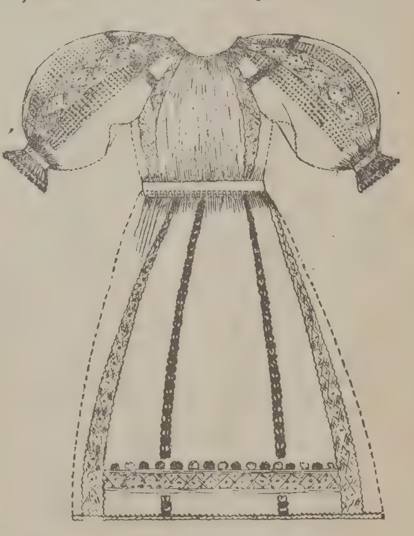

Рис. 20. Женская рубаха-платье ($^{1}/_{20}$ нат. вел.). **Промежут. форма между 1-ым и 2-ым подтипом 2-го типа покроя. Вариант южно-славянский (Сербия).**

Fig. 20. Chemise-robe de femme. Forme intermédiaire entre 1-r et 2-me soustype du 2-me type de la coupe. Modification de slaves de sud (Serbie).

го подтипа и третьего в Мещерском крае, наблюдается также в южной части Московской и южно-великорусских губерниях (напр. Тульской, Смоленской, Юхновский уезд) именно на рубахах указанного покроя. Вопрос о

[1]) Подобное последующее слияние рукава с поликом в данной разновидности известно и в Галиции, как это было прекрасно выяснено Ю. А. Самариным, по моему поручению просмотревшим богатое собрание таких рубах в Киевском Державном Музее, за что я приношу ему свою благодарность.

Следы украинского варианта на севере доходят до Смоленской губ. (Дорогобужский у.)

том, имеют ли что нибудь общее эти нашивки с подобным же украшением ворота рубах иной генетической группы, напр., первого туникообразного типа поволожских финнов, а также болгар Македонии, мы пока оставляем в стороне.

Территория распространения своеобразного покроя клиньев „застулом" не поддается пока точному определению. Нам еще придется остановиться на этом при рассмотрении вопроса о покрое шушпанов и нагрудников Мещерского края. Сейчас же я могу сказать, что в южной Великороссии этот способ кройки мне известен по материалам Русского Музея пока только у однодворцев Землянского у. Воронежской г., по преданию считающих себя переселенцами из Тамбовской губ.

Третий, наиболее типичный для Мещерского края подтип женской рубахи, кроме указанного его бытования в северной половине Рязанской губернии известен по материалам Румянцевского Музея в Мосальском уезде Калужской губерн. (инв. № 3660). Летом 1925 года рубаха с косыми поликами третьего подтипа была зарегистрирована Н. И. Лебедевой во многих частях Калужского и Брянского Полесья, главным образом, среди древнейшего по Д. К. Зеленину населения края, монастырских крестьян, в верховьях р. Ресети бассейна Оки (Подбужская волость) и по р. Болвè и р. Ветьме бассейна Десны (Бучинская волость). В прочих южно-великорусских губерниях рубаха с косыми поликами, повидимому, мало известна. Это заставляет предполагать какие то древнейшие связи в населении Рязанского и Калужского Полесья, о чем нам придется еще говорить в дальнейшем.

---

2. Понева.

Хотя рубаха с поясом, как мы видели выше, и является в Мещерском крае древнейшим выходным девичьим костюмом, но, в отличие от волго-финских и чувашских племен, непременной принадлежностью костюма замужних женщин в рассматриваемой области издавна являлась понева, позднее местами заменившаяся сарафаном, а ныне юбкой. Понева представляет собою род шерстяной обыкновенно более или менее ярко окрашенной юбки, в простейшем случае распашной, т.-е. с разрезом спереди или сбоку, в более совершенном виде, с прошвой, т.-е. со вставкой в разрез куска иной ткани, напр., полотняной вышитой или окрашенной. По своему географическому распространению среди русских племен понева связана с южно-великорусской исторически, этнографически и диалектологически ясно выраженной группой. Распространению поневы в северную Великороссию кладет предел сарафан, который, однако, сам глубоко проникает в южно-великорусские области вместе, как показал Д. К. Зеленин, с наплывом туда московского служилого сословия, посылаемого для защиты границ древнего московского государства. Как принадлежность высших классов сарафан стал как бы модным костюмом и, в связи с этим, получил свое дальнейшее распространение среди южно-великороссов. Напротив, понева, архаичная по существу, в отличие от сарафана, была чисто народным костюмом и, повидимому, никогда не играла заметной роли в костюме высшего городского класса уже с первых шагов русской государственной жизни. Во всяком случае мы почти не видим поневы в древне-русской миниатюре и иконописи, начиная с X века. Не знаем ее также и в греческом искусстве юга России и в многочисленных изображениях скифо-сарматской эпохи. В то же время несомненное родство поневы с малорусской плахтой и некоторыми элементыми южно-славянского костюма, обще-индо-европейское происхождение самого термина понева [1]) (глагол пять, распять, пну,

[1]) Преображенский, А. Этимологический словарь русского языка. Вып. 11, Москва, 1915.

попона; индо-европейское. pân—кусок материи, (s) pen—прясть. Matzenauer считает заимствованным из греческого pynion —уток, pyny ткань) [1]) —говорят за прочность народных традиций, с нею связанных, и заставляют дорожить ею как ценным обломком неясных пока культурных отношений в древнейшую эпоху жизни русского племени.

Термин понева в древней русской письменности встречается уже начиная с XI века, в смысле полотнища, ткани, пелены (linteum) и и плаща (chlamys) [2]). Так в Новгородской Триоди постной говорится „въ багъряницѣ мѣсто пон带ваю прѣпоясася; оумываю оубы ногы, отираю же и поняваю“ [3]) „понявами и вонями обив, Иосиф во гробѣ новѣ положи“ (Воскресная Триодь Цветная 87). В других славянских языках слово понева употребляется обыкновенно в смысле покрова, одеяла, так чешское ponwa, покров для телеги (Ранк), черногорское понява — клетчатая шерстяная ткань, одеяло [4]).

Труднее чем историю термина проследить развитие поневы, как определенной части женского костюма. Несмотря на видимую элементарность поневы, даже простейшие по покрою ее образцы обнаруживают особенно в способе, как она носится, некоторые черты, которые необ‘яснимы из современного ее элементарного вида, и заставляют предполагать несколько более сложные стадии в ее эволюции. Это последнее вытекает из рассмотрения основных форм великорусской поневы в связи с родственными ей типами костюма. Для истории развития поневы, конечно, прежде всего, представляется существенным то обстоятельство, что понева не представляет собой куска целой ткани, обертываемой поперечно вокруг стана, а составляется всегда из нескольких полотнищ, расположенных вертикально даже тогда, когда они по длине почти не превышают возможную ширину ткани. Отличается в этом смысле от поневы восточно-болгарская фута, которая, напр., в Тырнове играет роль открытой спереди юбки, сшитой из двух полотнищ черной шерстяной ткани, расположенных одно над другим. Спереди к такой футе надевается еще шерстяной передник —престилка. К этому типу примыкают румынская и молдаванская поясная одежда катринта (catrinta или мадьярское katrincza) [5]), а также, отчасти, малорусская дерга с запаской. Плахта, состоящая из четырех вертикально расположенных полотнищ ткани, в этом смысле может быть включена в одну группу с поневами. В само́м своеобразном покрое плахты, при котором часть точей должна носиться наизнанку и прикрываться несколько другими—возможно проявляется тот самый

[1]) Matzenauer. Cizi slova v recech Slovanskych Brunn. 1870 стр. 280. Цитировано по Преображенскому.

[2]) Будилович, А. Первобытные славяне. Ч. II. Киев. 1882, стр. 68.

[3]) Срезневский, А. „Древние памятники русского письма и языка“. Изд. Акад Наук, X в., стр. 445—446.

[4]) Ровинский. Черногория. Т. II, ч. I, стр. 495.

[5]) Fischer, E. Die Haar und Kleidertracht Vorgeschichtlicher Karpathen und Balkanvölkerschaften. Arch. f. Anthrop. VII, 1909, стр. 10.

процесс, который вызвал так называемое „подтыкание“, т.-е. загибание за пояс наизнанку углов и подола поневы в Галиции [1]) и в южной Великороссии, особенно в ряде уездов Орловской, Калужской и Тульской губерний, где поневы соответственно с этим вышиваются и украшаются в нужных частях с изнанки. По способу укрепления на теле помощью кушака плахта остается ближе к южно-славянским поясным костюмам и отличается от поневы всегда собранной на гашнике, по аналогии с мужскими штанами. По покрою и характеру ткани плахта и понева значительно различаются, хотя и имеются между ними некоторые переходные формы. Плахта сшивается из двух точей, которые при надевании перегибаются пополам, так что образуют костюм в четыре полотнища. Точи „реди“ сшиваются до половины или немного больше. Сшитой частью покрывается задняя часть тела, а не сшитые „крылья“ свободно висят поверх [2]). Плахтовая ткань всегда шерстяная красного или синего цвета с выработанными гарусом на стану (просто пальцами) весьма разнообразными цветными узорами, представляющими собой чаще всего различные модификации орнаментальной формы розетки.

Тип плахты встречается главным образом в левобережной Украине (в Полтавской, Воронежской, Черниговской до Новгород-Северского и Глуховского уездов на севере, в Харьковской и Екатеринославской губерниях) и частью в Киевщине (Радомысловский и Киевский уезды). Он проникает с перенесением на него термина „поневы“ в Белоруссию, в северные уезды Черниговской губернии (Мглинский, Сурожский, Стародубский уезды) и в Великороссию, в Севский уезд Орловской губернии [3]) и Дмитровский — Курской губ., отличаясь от украинской плахты несколько характером рисунка и, местами, способом носки узкими концами вперед, как в Екатеринославской губ. [4]), и с подтыком за пояс правого угла задней сшитой части, подобно поневе, напр., в юго-западной части Севского уезда [5]). Повидимому, такая понева типа плахты была некогда известна в Гомельском уезде Могилевской

---

[1]) Головацкий, Я. Ф. О народной одежде и убранстве русинов или русских в Галиции и Сев.-Вост. Венгрии. СПБ. 1877, стр. 61, 71.

[2]) Ф. К. Волковым приводится загадочное для меня описание как-бы общего для всей Украйны весьма своеобразного покроя плахты из трех точей, соединенных между собой в форме буквы Т, к сожалению, без точного обозначения мест ее бытования. „Украинский народ, его прошлое и настоящее“. Т. II, стр. 572. Мне этой формы подтвердить на материале пока не удается.

[3]) Могилянский, М. Н. Поездка в Центральную Россию для собирания этнографических коллекций. Материалы по этнографии России. Т. I. СПБ, 1910, стр. 11 и рис. 19.

Тарачков, А. С. Путевые заметки. Орел. 1862. (Орл. Губ. Вед. 1862. № 17), стр. 196.

Зеленин, Д. К. Великорусские говоры. СПБ. 1913, стр. 172, 173.

[4]) Бабенко, В. А. Этнографический очерк народного быта Екатеринославского края. Екатеринослав, 1905, стр. 50.

[5]) Святский, Д. О. Крестьянские костюмы в области соприкосновения Орловской, Курской и Черниговской губ. Отт. Живой Старины. 1910, в. I—II, стр. 3.

губернии; по сведениям из Вылевской волости она состояла из несшитых полотнищ, пришитых только у пояса [1]). Понева плахтового покроя известна также в Смоленской губ.: так в Поречском уезде синяя клетчатая понева одевается, как плахта, но „крылья“ соединяются спереди и сшиваются в свою очередь по краю. По покрою такая понева представляет собой два длинных полотнища наложенных друг на друга и сшитых вместе с обоих сторон на треть длины по диагонально противоположным краям.

В отличие от типа плахты настоящая понева состоит всегда в основе из трех точей шерстяной ткани, которые сшиваются вместе боковыми кромками, образуя четырехугольный плат, верхний край которого собирается на гашнике. Такая понева надевается так, что между краями остается щель спереди или чаще сбоку, с правой или левой стороны, как мы видим это также в соответствующем южнославянском костюме, напр., у черногорцев [2]) Васоевичей, где аналогичный поневе суконный поясной костюм „ирам“ из клетчатого черного сукна одевается щелью на правый бок.

Дальнейшие варианты в типе поневы сводятся к различным способам выработки самой шерстяной ткани для поневы узора и расцветки, что надо считать наиболее существенными признаками при классификации понев, так как последние являются, собственно, единственными предметами быта, в связи с которыми ныне удерживаются, а ранее, повидимому, вырабатывались все разнообразные технические и художественные приемы тканья, выбора узоров и окраски шерстяного материала, которые теперь явно обнаруживают резкие районные различия.

В зависимости от того, что понева многих районов получила усовершенствование в виде прошвы, т.-е. вставки между сходящимися свободными полами из более легкой не шерстяной материи, так что в результате получился род костюма, похожего на юбку, возможно провести и другое деление поневы на две группы: поневы без прошвы и понева с прошвой. Такого рода поневы с прошвой имеют распространение среди различных вариантов понев, классифицированных по первой группе признаков, часто бытуя наряду с поневами без прошв в одной этнографической группе в качестве более праздничного костюма. Однако, наблюдаются самобытные районы, где понева с прошвой совсем неизвестна, и другие, где, напротив, она обладает исключительным господством. Кроме того, заметно, что культурно-исторические явления, под влиянием которых дифференцировалась или, напротив, нивеллировалась на большой территории техника выработки поневной ткани отразились и на типе прошвы, почему в последней нельзя видеть исключительно нового явления, появившегося в истории поневы под влиянием новых, проникавших в поневную Русь западных юбок.

---

[1]) Миллер, В. Ф. Систематическое описание коллекций Дашковского Этнографического Музея. Вып. III. Москва, 1893, стр. 141.

[2]) Ровинский, П. Черногория. Т. II, ч. I. СПБ. 1897, стр. 522.

Как мы увидем ниже, прошва уже долго жила одной жизнью с поневой. Возможно, что одного происхождения с прошвой так называемая „притычка“, холстяная вставка спереди в юбках у мещанского населения Галиции, которая по словам наблюдателя, вшивается „для сбережения материи“ [1]).

Наиболее загадочным в поневе является указанный выше способ носки ее с подтыком подола, наблюдаемый чаще в поневе без прошвы, но также и с прошвой. Обыкновенно углы поневы не симметрично с обоих сторон загибаются снаружи кверху и засовываются за пояс. И без того часто очень короткая с разрезными полями понева, оставляющая незакрытой большую часть рубахи у подола и спереди в разрезе поневы, превращается в довольно неуклюжей формы трехугольный мешок, по местному — „кулек“, прикрепленный к поясу сзади и, обыкновенно, украшенный парчей и позументами. Ни целесообразности, ни красоты в этом незаметно. Всего скорее мы имеем здесь дело с каким-нибудь пережитком, связанным с историей развития поневы. Действительно, на стыке двух типов поясной одежды—плахты и поневы в Трубчевском уезде Орловской губернии была зарегистрирована реликтовая понева типа плахты весьма оригинального вида с перекидываемой через плечо одной ее частью. Вот как эта понева описывается в хранящейся в Архиве Русского Географического Общества, богато иллюстрированной старой рукописи Сполохова, по сокращенному изложению Д. К. Зеленина [2]): „две сшитых полосы шерстяной ткани составляют кусок шириной $1\frac{1}{2}$ аршина и длиной — одна полоса — $1\frac{1}{4}$ арш., а другая—$3\frac{1}{4}$ арш.; понева эта не вздергивается сверху на шнуре, а закладывается с левого бока под кушак, обтягивает зад, после чего длинный конец ее перегибается внизу и идет к верху правого бока, пропускается через кушак и висит концом напереди через плечо“. Весьма возможно, что эта последняя форма свидетельствует что плахта-понева претерпела некоторое воздействие плечевой одежды, подобной лору женских византийских облачений, известных в миниатюрах X и XI века и влиявших через княжескую и боярскую среду на народный костюм. Действительно, вглядываясь, напр., в женское одеяние на изображениях русской княжеской семьи Ярополка в Трирской Псалтыри, относящихся к XI в., мы легко заметим элементы, близкие к формам поневы. Так мы видим на княг. Ирине (в католичестве Гертруде), вместе с мужем Ярополком просящей благословение ап. Петра (миниатюра на 5 л. обор.) [3]), по-

---

[1]) Головацкий, Я. Ф., loc. cit. стр. 21.

[2]) Зеленин, Д. К. Описание рукописей архива Русск. Геогр. О-ва, вып. II. 1915 г., стр. 965. На приложенном к рукописи рисунке перекидывания через плечо конца поневы, однако, не оказывается.

[3]) Der Psalter Erzbischof Erberts von Trier. Festschrift der Gesellschaft fur nützliche Forschungen zu Trier. 1901. Tafel 42, стр. 174.

Кондаков, Н. П. Изображение русской княжеской семьи на миниатюрах XI века. СПБ, 1906, табл. I и VI.

верх голубого платья особое одеяние, называемое лором; это—род плата, который с плеч по груди спускается к поясу и им плотно закрепляется на теле, при чем длинный конец пропускается из под пояса и перегибается около правого колена и затем обычно перекидывается, по словам Н. П. Кондакова [1]), на левую руку, а в данном случае закрепляется под тем же поясом (см. рис. 21). К поясу же несколько сбоку подвешен также напоминающий поневу парчевый плат, украшенный драгоценными каменьями и кораллами. Этот плат в царских византийских облачениях заменяется обычно тоже парчевым трехугольно-овальным ѳоракием, висящим от пояса до колен, как мы видим его в костюме св. Ирины на другой миниатюре [2]) той же псалтыри (лист 10 обор.). Конечно, эти формы не могли быть источниками, из которых развилась понева, имевшая несомненно иные прототипы, но, повидимому, влияние византийских облачений, сказывалось как на весьма обычном украшении выходного народного платья парчей и позументами, так, м.-б., и на способах загибания и закладывания подола понев за пояс и их покрое, вместе с плахтой, из вертикальных полотнищ, что особенно заметно при сравнении вышеописанной реликтовой поневы из под Трубчевска с византийским лором. На совершенно иных связях поневы с плечевым костюмом мы еще остановимся ниже, когда будем касаться вопроса о взаимоотношениях поневы и сарафана.

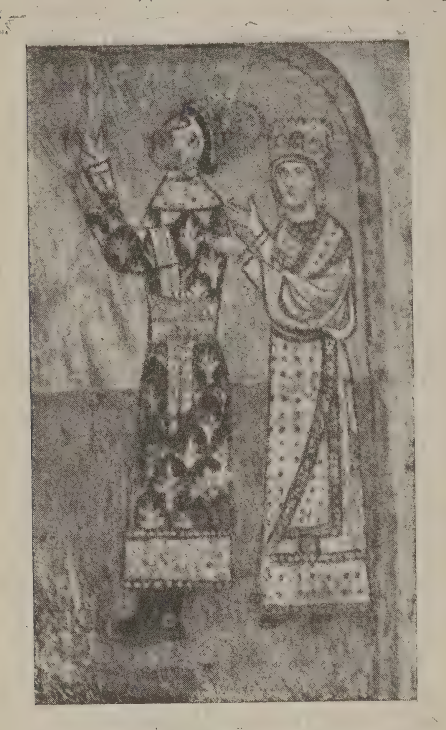

Рис. 21. Миниатюра Трирской Псалтири XI века: князь Ярополк и княгиня Ирина.
Fig. 21. Miniature du Psaltiri de Trier, XI-me siècle. Prince russe Iaropolk et princesse Irène.

В типе поневы мы различаем по технике ее изготовления и сопровождающим чертам три главных подтипа.

1) Поневная шерстяная ткань легкая (уток и основа шерстяная), изготовленная на двух ремизках по типу холста (см. рис. 22), однородного синего или черного цвета, в большинстве случаев покрытая крупными клетками из пропущенных тонких белых или цветных нитей, редко гладкая. Понева без прошвы или с синей обычно китайчатой

---

[1]) Кондаков, loc. cit. стр. 16.
[2]) Der Psalter... Tafel 75, стр. 176.
Кондаков, loc. cit. табл. IV.

прошвой. Подол и прочая поверхность поневы часто украшается всевозможными нашивками кумача, лент, позумента, вырезанными из материи узорами, напр., квадратной спиралью (Орловская губ.), а также вышивкой гарусом и т. п. При сшивании точей в промежутки между ними вшиваются иногда кумачевые вставки. Носится такая понева обычно с подтыканием подола. Клетчатая разновидность этого варианта имеет широкое распространение, являясь главным видом поневы всех южно-великорусских губерний (Тульской, Орловской, Калуж-

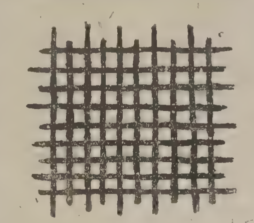

Рис. 22. Тканье поневы легкой, первого подтипа (южно-великорусской).

Fig. 22. Tissage d' une paniova (qualite d' un jupon) legere du 1-r soustype des Grands Russiens méridionals.

ской, Курской, Воронежской, большей части Тамбовской без северных уездов и южной половины Рязанской). К этому варианту поневы примыкают и некоторые формы малорусской дерги, главным образом в Воронежской, Харьковской и Полтавской губерниях, из трех точей гладкой черной или красной ткани иногда в клетку (Биручский у. Воронежск. губ.). Отличается дерга от поневы, главным образом, способом укрепления ее на теле без гашника просто кушаком.

2) Поневная ткань двойная: сверху шерстяная, снизу холстяная, перетканная друг с другом с пробором сложного узора на четырех ремизках (основа и уток смешанные — шерстяной и портяной). Ткань обычно красная с синими полосами в основе и утке, дающими при пересечении клетку трех оттенков. Понева всегда с цветной красной прошвой, не доходящей до самого подола, где проходит шерстяная узорная, широкая кайма. Этот подтип, впервые мною встреченный и не бывший еще известным в литературе и в музейных собраниях, будет подробно описан ниже.

3) Поневная ткань тяжелая, толстая, изготовленная тоже на четырех ремизках, но с другим порядком их движения. Основа исключительно холстяная сканая, уток шерстяной красный и синий, в случае узорной ткани, с примесью еще белой холстяной нитки. Ткань двухцветная или красная поперечно полосатая синими „дорогами" или с одноцветным синим полем и красной каймой на подоле. Узора в клетку в этом варианте не бывает. Также, как и предыдущий, этот вариант имеет чисто островное распространение и подобно ему до сих пор оставался мало известным.

Рассматриваемая область, Мещерский край, входя всецело в территорию бытования поневы, определяется главным образом поневой второго и третьего подтипа, тогда как типичный для Великороссии первый подтип почти не получает здесь распространения, а поскольку встречается здесь или является позднейшим приобретением, или представлен более редкими специфическими разновидностями.

Сравнительно еще недавно, почти на памяти живущего самого старшего поколения бабушек, знавших крепостное право, понева или,

как ее здесь обычно называют, „понька“ была единственным и обязательным женским костюмом как у барских, так, и у казенных крестьян. Только в половине прошлого века началось исчезновение поневы. Повидимому, переломным моментом была эпоха севастопольской обороны, когда возвращавшиеся в 1856 году солдаты принесли с собой новые вкусы и стали смеяться над старыми порядками, так напр., вспоминает об этом бабушка Евдокия Яковлевна Фортинская (венчалась в 1856 г.) в большом казенном селе Шостье, где ныне все пожилое поколение помнит только сарафаны. „Я поньку не насила, а мать мая крицала, кады панёву и кицку скидаула“, разсказывает другая старушка, Марфа Холостова, также из казенного села — Увеса.

Но и теперь понева не всюду одинаково вышла из употребления. Можно еще встретить отдельных пожилых женщин (очень старым старухам здешнюю поневу тяжелую трудно носить), которые не расстаются с своим традиционным костюмом и продолжают еще надевать на себя поневу, приберегая ее также местами на смерть, чтобы лечь в ней в гроб. Но таких осталось уже не много.

Поневу носили исключительно замужние женщины, но в отличие от некоторых других обрядовых частей, например, головного убора, одеваемого после венца, понева являлась в большинстве случаев венчальным нарядом: в ней невеста появлялась уже перед теми моментами свадебного обряда, которые символизируют вступление в брак. Обыкновенно обряд надевания поневы совпадает с сажанием невесты на посад (с. Мелихово). Обряд заключается в том, что невесту насильно „загоняют“ в „поньку“ (Усково, близ Савватьмы Елатемского у.)—„вот тады у них крик-ат биваиць“ вспоминают старухи (Шостье). При этом местами знают формулу (поговорку), с которой невеста входит в поневу, раскрытую перед ней: „хацу вскацу, хацу не вскацу“ (с. Усково), но в большинстве случаев реального обряда никто уже не застал, и воспоминание о нем сохранилось даже у самых старых старух только в форме несколько комического разсказа (Курша, д. Ивановская). В одевании невесты обыкновенно принимают участие крестный и крестная. Крестный потрясет поневу три раза, а крестная оденет ее на невесту (Курша). Обряд надевания поневы на невесту известен и в ряде южно-великорусских губерний, знаменуя собой как бы признание зрелости, совершеннолетия невесты [1]). В рассматриваемой области этот обряд может не совпадать с свадебным и быть вполне самостоятельным. Так в Спасском уезде, в селении Борок, близ ст. Шилово, девчата лет по восемнадцати надевают поневу на покос, обряда прыганья в поневу нет, но поговорку слышали. В Токмакове, Елатемского уезда, поневу в первый раз надевали на сестру братья, когда ей исполнялось сем-

---

[1]) Зеленин, Д. К. Обрядовые празднества совершеннолетия девиц у русских. Жив. Старина, 1911 г., в. 2.

надцать лет, после этого девица сама уже по праздникам должна была выходить в поневе. Но зато в некоторых, правда, немногих районах, наоборот, было забыто первоначальное значение обряда надевания поневы, сомволизирующего совершеннолетие, и понева по анологии с чисто женскими частями костюма (кичкой, навершником) стала считаться признаком замужества. Так, без поневы, в одной рубахе, венчались в Волкове и Марьине, на правом берегу Оки, против г. Касимова, и, возвратившись от венца, дома одевали поневу. Иногда поневу одевали тут же по выходе из под венца в церковной сторожке (Колесниково). Это значение поневы, как костюма замужней женщины, местами оказывается настолько прочным, главным образом в северных районах края, что, например, в Курше, вековечные девушки не могут носить поневы и всю жизнь должны проходить в одной рубахе, надевая только иногда поверх девичью юбку называемую „подолом“.

Вне связи с этим стоит весьма распространенный обычай менять дома подвенечную поневу на другую более нарядную. В соответствии с печальным настроением всей первой части свадебного обряда невеста одевается к венцу в „горемычную“ поневу, которую вообще носят „по печали“ в случае смерти кого-либо из родных (Лубеники, Чарус). Напротив, уже в доме мужа молодая облачается в праздничный костюм, главную часть которого составляет во всей центральной области края синяя тяжелая понева (особенно с прошвой). Местами молодая носит эту поневу лет пять по всем праздникам, после этого меняет ее на поневу „простушку“ (Папушево, Спасского уезда). Обыкновенно невеста заготовляет себе поневы с девичества, и они составляют ее приданое. У иной богатой невесты бывает „панёв двинацать сботано“—рассказывают крестьянки (Марьино, Волково).

В тех районах, где одновременно бытует и тяжелая (третий подтип) и легкая (первый подтип) поневы, обыкновенно, как увидим ниже, по исполнении 40—45 лет женщина сменяет первую на вторую (д. Александровка, район с. Чаруса). В большинстве случаев во всем Мещерском крае поневу носили до самой старости, хотя старухам иногда не возбранялось показываться и без поневы в старушечьем навздёвнике или шушпане: „на старуху, кто пасмотрит“. В поневе обычно клали в гроб, иногда из экономических соображений заменяя шерстяную поневу особой „смертной“ из крашенного холста. В с. Шостье, где поневу сравнительно давно перестали носить, хоронили пожилых женщин без поневы в одних шушпанах.

Понева первого подтипа легкая, как ее здесь называют, получила широкое распространение только в позднейшее время. За исключением немногих мест удалось всюду установить, что ей предшествовали совершенно иные формы. Встречается первый подтип в Мещерском крае в нескольких разновидностях всегда с прошвой. Мы находим

здесь: а) обычную синюю поневу в клетку по здешнему „десятинами“, б) поневу красную с синими и полу-синими квадратами шахматного рисунка и, наконец, в) гладкую черную без рисунка. Синяя клетчатая понева, если не считать селений явно переселившихся с юга, например, Ламша на левом притоке Оки того же имени (выходцы из деревни Юшта Спасского уезда), встречается в районе к северу от Касимова, вдоль дороги Касимов-Муром, Касимов-Елатьма (Дмитриевская волость Касимовского у., дерев. Барсуки Елатемского уезда). Здесь понева обычного южно-великорусского облика с клеткой из двух белых, трех зеленых и трех красных нитей, но с той разницей, что прошва здесь не синяя, как обычно в южных губерниях, но красная, украшенная лентами, а подольник поневы, расшитый простым цветным геометрическим узором (трехугольники, ромбы) продолжается под прошвой, как это характерно для следующей разновидности, красной шашечной поневы, от которой была заимствована и характерная для Мещерского края не синяя прошва.

Очевидно, синяя клетчатая понева заняла здесь место этой разновидности первого подтипа, которая в свою очередь являлась упрощением значительно более сложного по технике второго подтипа. Красная шашечная понева действительно примыкает к территории синей и частью проникает в нее (напр. дер. Земская близ Касимова, на дороге Касимов-Владимир). Отсюда красная понева тянется вдоль северной границы Касимовского уезда на восток, до крайнего С.-З. угла рассматриваемой области, где непосредственно смешивается со вторым подтипом, почти всюду его сопровождая и давая по технике изготовления ряд переходных форм (Тумский район, с. Нарма, с. Палищи до дер. Кузьминой на север). Характеризуется эта понева тем, что поле ткани является не одноцветным, а представляет шашечный узор, образованный пересечением чередующихся как в основе, так и в утке красных и синих широких полос, почему у крестьян она известна под именем „полосатки окнами“. Под прошвой проходит шерстяной широкий подольник, из той же ткани, как понева. Прошва всегда или цветная красная или белая холщевая с браньем. Подобно синей клетчатой поневе красная шашечная обладает положительной активностью и, получая местами несколько более широкое распространение, вытесняет заметно в качестве легкой и не дорогой старушечьей формы и третий подтип поневы (тяжелую поневу) в области его господства (напр., район села Чарус в бассейне реки Ламши).

Наконец, первый подтип имеет в крае еще одну разновидность, наиболее своеобразную. Это—поневу черную гладкую без всякого рисунка. Такую поневу мне пришлось встретить только в одном месте Мещерского края, в с. Папушеве Спасского уезда, на правой стороне, недалеко от устья р. Пры. Эта понева бытует здесь с обычной для южно-великорусской клетчатой поневы синей китайчатой прошвой. Подол и края пол обшиваются шерстяным красным поясом сантиметра два шириной, обычным для понев этого края. Пояса эти,

называемые здесь мутовязами [1]), плетутся и дергаются на руках пропусканием одних петель в другие и стягиванием их. Характерной особенностью этих понев является гофрировка их. Понева складывается в довольно мелкие вертикальные складки „граночки", перевязывается в нескольких местах поперек и хранится так под какой-либо тяжестью, как под прессом. Эта редкая здесь особенность не стоит, однако, вполне одиноко. Гофрированные поневы известны кое-где в южной Великороссии, напр., в Тамбовской губ., Добринской волости, Лебедянского уезда (понева клетчатая синяя из многих полотнищ), но наиболее часто встречается гофрировка юбок и ее сородичей у русин и южных славян, напр., гофрированный фарбан у лемков [2]), сложенные в густые „ресы" (сборки) исподницы гуцулок [3]) и гофрированные черные шерстяные футы болгарок Терновского округа (колл. Румянцевского Музея). Длинные до пят гофрированные юбки (андерокас) с квадратной вставкой спереди из дешовой материи „для экономии" (по словам наблюдателя) встречались в половине прошлого века у литовцев близ Мариамполя Сувалкской губернии [4]).

Это широкое островное распространение гофрированных юбок показывает, что и в Папушеве гофрированные черные поневы могут быть невполне случайным местным капризом народной моды, а осколком каких-либо более древних форм, прибывших сюда и не потонувших вполне в море обычного типа южно-великорусского костюма. Однако, в селе Папушеве черная понева „гранками" не является единственной. Она встречается здесь на ряду с третьим вариантом, с тяжелой поперечно-полосатой поневой и по отношению к последней играет роль обычную для первого варианта в изучаемой местности: молодая носит сначала тяжелую поньку, а лет через пять надевает „простушку гранками".

Наиболее замечательным в Мещерском крае является второй вариант, он имеет ясно ограниченное распространение по р. Нарме и Гусю и отсюда на восток до истоков р. Пры (Бусаевская, Прудковская и Палищинская вол.).

Здесь особенно резко выделяется самостоятельная этнографическая область Парахинская, слывущяя наиболее „серой" и отсталой в этом крае и затем Тумский район, известный как центр важной кустарной, особенно деревообделочной промышленности и развития плотничного дела. В XVII веке весь этот край входил во Владимир-

---

[1]) Термин, довольно широко распространенный как в южных, так и в северо-великорусских диалектах (Псковская г., Сибирь по Далю, т. II, стр. 917, 3 изд.), этимологически связывают с основой мотать (Преображенский. Этимологический словарь). Этот термин вошел в язык средневековых евреев: так словом мутувуз "מוטובוז" Исаак бен Моисей из Вены в комментарии Ор-Заруа (1240—1260) переводит талмудическое митна-веревочка, см. Гаркави А. Я. О славянских словах, встречаемых у еврейских писателей. Тр. Вост. Отд. Арх. Общ., ч. 14, 1869 г., стр. 129.

[2]) Волков, Ф. К. Украинский народ в его прошлом и настоящем. Т. II, стр. 573.

[3]) Головацкий, Я. Ф. О народной одежде. 1877 г., стр. 71.

[4]) Миллер, В. Ф. Систематическое описание коллекций. В. 2-й, стр. 21 и 23.

ский уезд, составляя волости Тумскую, Гусскую, Мечевскую, Муромское сельцо и отчасти стан Тарутской Остров [1]). Мы уже видели, при анализе рубахи, влияние со стороны Владимира на этот край, но характер остального костюма и, особенно, поневы ставит нас лицом к лицу с самобытной культурой, резко отличной от всего окружающего. Замкнутый район с малым развитием отхожих промыслов, до последнего времени находившийся в стороне от главных путей, соединявших Владимир с Рязанью,—Парахинская волость вовсе не обнаруживает примитивных черт в костюме. Напротив, мы здесь встречаем поневу наиболее технически развитую и художественно богатую во всей Великороссии. Здешняя понева представляет собой узорную шерстяную юбку с кумачевой или полотняной браной прошвой, не доходящей до подола, который часто составляет значительную часть поневы, наиболее устойчиво сохраняющую узор. Основное поле поневы обычно красное и по нему выступают синие полосы или прямоугольники, составляющие фон для сложного, главным образом, свастического или мэандрового орнамента, выраженного белой ниткой. Рассматривая такую поневу, мы видим как бы две самостоятельные ткани: обычную холстяную в качестве подкладки и с таким же простым крестообразным пересечением нитей утка и основы —шерстяную, на лицо. Обе эти ткани взаимно проникают друг в друга, так что белая выступает на лицевую сторону тонким белым орнаментом, а шерстяная совершенно аналогично, в свою очередь, образует красный рисунок по белому полю изнанки (см. таб. VII). Чтобы получить ткань подобной выработки, мастерица снует основу одновременно из белой и „суко́нной“ (шерстяной) пряжи так, что две нитки белые чередуются с двумя нитками суконными [2]). „Беру зуб (две нитки) белый да зуб красный; красный кружок (т.-е. вертикальный ряд, в пересечении с которым уточного ряда получится квадрат, называемый у крестьян „кругом“) насную, синие наставлю, а белую нитку все одну не отрывая веду“. Ткут поневу на обыкновенном стане „на колодах“, но с особым широким бердом, называемым „по́нешницей“. на четырех подножках, т.-е. на четырех „нитценках“, или ремизках: „два цапка белых и два цапка суконных“ (красных и синих), т.-е. двумя ремизками захвачены все белые нитки, каждой ремизкой через одну, а двумя остальными также—суконные. Челнока все время два, белый идет постоянно один, а красный чередуется по счету с синим. „Сначала одну белую потоплю, ширяю белый уток внизу, потом одну красную подыму, пускаю красный уток наверху, потом другую белую потоплю и другую красную подыму“ и т. д. (см. рис. 23). Счет приходится вести весьма сложный, требующий большого внимания. Надо

---

[1]) Готье, Ю. В. Замосковный край, стр. 557—559.

[2]) На рис. 23-ом для наглядности введено некоторое упрощение: белые и окрашенные шерстяные нитки основы чередуются не попарно, как следует, а по одной. Проникновенне одного слоя ткани в другой, благодаря этому, на чертеже выступает рельефнее.

все время держать в голове: все возможные сочетания по два из четырех частей основы, управляемых движением четырех подножек, чередование белого и шерстяных челноков и отсчет красного и синего утка; но это дает лишь фон, т.-е. простую не узорную ткань или, вернее, одновременно две самостоятельных ткани одну над другой. Самое сложное—получить белый узор. Для этого недостаточно движения нитей основы, приводимых помощью четырех ремизок, необходимо еще переводить часть ниток одного „цапка" в другой перед каждым движением челнока с утком. Это производится посредством бралок, или бральниц—особых деревянных линеек, которыми сзади берда и, следовательно, сзади ремизок перебирают по счету нити основы: одни поднимая наверх, другие—опуская вниз. Все время работают двумя

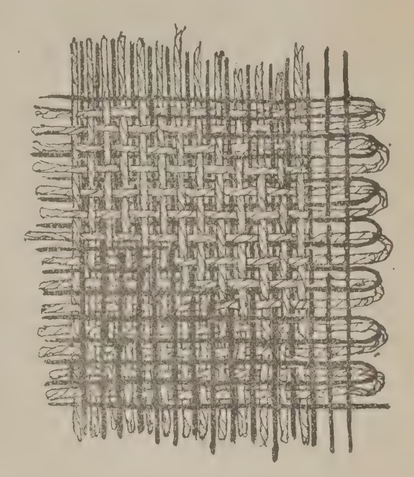

Рис. 23. Двойное тканье узорной поневы 2-го подтипа.

Fig. 23. Tissage double d' une panïova façonnée, 2-me soustype du région de Meschtschera.

бралками: одной берут, другая остается подоткнутой. В истории развития ткацкого станка бральница является предшественницей ремизки и берда, как это можно видеть, напр., в ткацком станке у киргиз-казаков [1]). В развитии же ткацкого станка с ремизками бральница сохранилась в случаях, когда необходимо перебирать основу руками для получения сложного узора. Работа, понятно, идет крайне медленно. „Дзень адну полъсу праткешь вдваем, а жа всю поньку ту шысь гривен дадут", рассказывала старуха Пелагея Зиновьевна Романова, мастерица работать поневы, в деревне Давыдове. Далеко не все умели выбирать на поньке узор. Это требовало особой сметливости и напряженного внимания в работе. Потому, бывало, последнее время находились одна—две мастерицы поневницы на целую округу, которые знали всю эту сложную технику, и им обычно отдавали заказы. По своему духовному уровню мастерицы заметно выделялись от окружающих. Именно они бывали часто в то же время еще песенницами, сказочницами, бабками-повитухами и пр. Такова, напр., Пелагея Зиновьвна в Давыдове, бабушка Лукерья в Уляхине—последние хранительницы этого, теперь уже окончательно забытого, искусства.

Этот подтип понев, называемых на месте „круглянками" (кругом называют рисунок в форме ромба или квадрата) или „поньками, зеркалами братыми" (в отличие от „полосаток", „окнами" первого варианта), образует две группы. Одна из них, бытовавшая почти до

---

[1]) Куфтин, Б. А. Киргиз-казаки. Очерк культуры и быта. Москва, 1925 г., см. чертеж ткацкого станка с одной ремизкой и бердом в виде меча.

начала XX века в Парахинской волости и распространенная некогда в Тумском районе по реке Нарме до деревни Уречиной, пограничной с „Куршей“, отличается крупно-шашечным полем с сравнительно более слабо развитым подольником (см. табл. IV, рис. 2). Другая группа, хронологически более древняя и значительно ранее исчезнувшая со своей территории в бассейне озера Великого по речке Посерде в Прудковской и Палищинской волости, характеризуется поперечно-полосатым полем, более мелким рисунком и сильно развитым подольником (см. табл. IV, рис. 1), в технике выработки которого заметны черты третьего подтипа.

Парахинская и Тумская понева дает значительное разнообразие узора. Крестьянки ткачихи обыкновенно различают поньки „коситницы“, „полукоситницы“, „грабельницы“, „репетницы“, „конитницы“ по особенностям рисунка белого узора, а также поньки „по уголышкам с черню“ (см. табл. V, рис. 1), „по уголышкам с синью“, „глазастая крупным братая“ (см. табл. VI), по характеру поля, наконец, по орнаменту „подольников“—с „зеркальником“, с „подзором“, с „кривульками“, „мышиными тропками“ и т. д. Узор поневы состоит из ромбической или чаще квадратной сетки с заключенными в центр каждой клетки звездой, представляющей собой модификацию креста (см. табл. V, рисунок 3) или свастики, усложненная форма которой известна здесь иногда под простым названием „репья“. Но характеризуют поневу и дают ей наименование не эти, казалось бы, наиболее бросающиеся в глаза части узора, а менее с первого взгляда заметный рисунок самой сетки и фигур, заключенных в ее стенках. Хорошо выраженная мэандрическая линия дает название коситницы, которая считается наиболее дорогим и нарядным типом; прерывающийся мэандр — „полукоситницы“ (см. табл. VI, рис. 2); расположенные четырехугольником гребенки или грабельки дают название „грабельницы“ или „гребешотницы“; четырехугольник с зубчиками внутрь — „репетницы“ (см. табл. V, рис. 3); наконец, расположенная по стенкам сети свастика образует орнамент поневы „конитницы“ (см. таблицу V, рис. 1 и VII, рис. 1). Последнее название связано с названием свастики в этом положении — „ко́нями“ или, как мне старались об'яснить крестьянки, „конёвыми голяшками“. Это название является одним из немногих заставляющих подозревать здесь животный орнамент, подчиненный самостоятельной прямолинейно-геометрической орнаментальной стихии, подобно тому, как мы это видим, например, в Корельском и Остяцком орнаменте. О поглощениии животного орнамента говорят также смутные представления о каких-то животных терминах узора, сохранившиеся в памяти народа. Так, в Залесье крестьяне, посылая меня в Парахино, говорили: „туда ступай, там увидишь поньки тканые и „змеями“ и „ястребами“. Тоже, в другом месте говорили о Курше: „там, в Курше, за Тумой, „поньки шо жмеями“. В этом последнем случае под змеями, видимо, разумели поперечную полосатость понев третьего подтипа. Так, самих парахинских крестьян часто называли

„жмеи парахинские“ за их привычку носить полосатые „тяжевые“ портки. Что же касается названия „ястреба“, то женщины его не знают, как не знают большинство из них и названия „конитницы“.

Возможно, однако, что термин „ястреб“ некогда действительно применялся к какому либо свастическому орнаменту, как это мы видим, напр., в мордовском „кавал“—коршун (с. Шокша Темников. у., Тамбовской губ.).

В настоящее время даже парахинские бабы уже перестали носить свои браные поневы и во множестве переткали их на юбки. Из трех понев выходят две шерстяных юбки: одна красная, другая синяя с красным. Скоро исчезнут там последние образцы этого замечательного вида великорусского народного ткацкого искусства и костюма, не успевшего еще в достаточной мере попасть в центральные музеи.

Значительно труднее составить представление о второй группе понев данного подтипа. Она известна мне по очень немногим образцам, которые удалось найти на месте. Прежде чем исчезнуть эта понева претерпела значительные изменения: бранье совершенно исчезло, сохранившись лишь на подольнике. Сама же понева превратилась в „клетчатку“, шашечницу, описанную выше в числе разновидностей первого подтипа. В Государственном Музее Центрально-Промышленной Области хранятся два вывезенные мною образца такой поневы с полным узором. Один образец очень рваный, из Палищинской волости д. Боброво близ Нармы Бутыльской, выпорот из старого одеяла. Другой же из Прудковской волости представляет собой целую поневу, сшитую из полотнищ двух отличающихся друг от друга по узору материй, что, возможно, произошло лишь благодаря ошибке в счете во время тканья. Один узор такой же, как на первом образце, другой отличается тем, что те же элементы рисунка как бы иначе раздвинуты, так что ромбы первого превратились в квадраты.

Вся понева поперек как бы делится по узору на две части, нижнюю несколько меньшую по величине, представляющую подольник, и верхнюю, где располагается главный узор. Сравнительно с первой Парахинско-Тумской группой узор несколько проще: в стенках основной ромбической сетки мэандр и свастика заменены городками, узор весь мельче, как бы более сжат, не имеет того пышного декоративного вида, каковой присущ первой группе. Зато узор подольника более ярок. Он состоит из широкого поля, покрытого одним только орнаментальным мотивом, свастикой, расположенным сплошными диагональными рядами. Это поле пересекают поперечные довольно широкие ленты из синих полос, разрезая целые фигуры свастики настолько, что ее части теряют между собою связь и соединяются друг с другом в иные прихотливые сочетания. Как часто бывает при развитии такого рода прямолинейного геометрического орнамента, бывшее поле превращается в основной орнаментальный мотив, а самый узор в поле. Этот узор называется здесь „крюковником“ (д. Тимохино-Рязанова близ с. Нармы-Бутылок).

Нижняя часть подольника без узора лишь с узенькой каемочкой называется „по́кромью“. Шерстяной браный подольник проходит и под прошву, которая, таким образом, занимает только верхнюю часть поневы в этом месте (см. табл. IV, рис. 1).

Обычно понева снуется и ткется в виде длинного куска ткани, где каждая точа поневы имеет свое место и отделяется от соседней не имеющими узора достаточно широкими промежутками, чтобы, по разрезании всей поневной ткани на три точи и подольник, они, подоткнутые и подшитые могли придать поневе достаточную крепость и прочность у пояса, где проходит гашник, и у подола, где понева трется о голени и задевается пятками при ходьбе. Эти промежутки обычно протыкаются сразу двойной шерстяной ниткой, окрашенной в синий или желтый цвет, полосами, чтобы и подоткнутый подол был достаточно наряден. На севере Палищенской волости, где узорная поневная ткань давно выродилась и заменилась шашечной, подольник, сохранившийся только под прошвой, ткется несколько иначе, чем в рассмотренном случае. Как сказано выше, в нем замечается родство с третьим подтипом. Основа делается вся белая сканая, т.-е. из ниток, свитых вдвойне из посконной пряжи.

Но, благодаря тому, что нитка утка более мягкая туго не натягивается и в то же время плотно прибивается бердом одна к другой, основа снаружи не видна, и ткань получает несколько особый характер, напоминая плетень на частоколе (см. рис. 24). Узор при этом может оставаться почти таким же, как на выше описанном подольнике, но встречаются и иные загадочные мотивы, как-бы обнаруживающие некоторое сходство с черемисскими, но по недостатку подобного материала не дающие возможности себя расшифровать (напр. рис. 30).

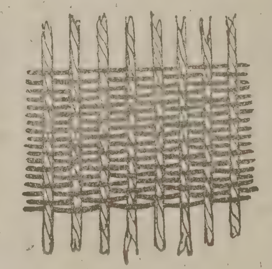

Рис. 24. Тканье по посконной основе в две ремизки на простейших образцах поневы 3-го подтипа.

Fig. 24. Tissage à la chaîne de chanvre avec deux lissés et marchepieds sur les modèles plus simples de panïova de 3-me soustype du région de Meschtschera.

Что касается свастического узора, то его богатство здесь весьма любопытно. Оно находится в вероятной связи с другой группой этнографических памятников края с поразительными по разнообразию и колористическому богатству концами полотенец касимовских татар, выполненных также на ткацком станке „выкладной“ (см. гл. I, Рубаха, стр. 39) техникой „тӧшӓуле“. По общему характеру прямолинейного геометрического орнамента, техническим приемам и разнообразию рисунка „тӧшӓуле“ касимовских татар стоят близко с крымско-татарскими стенными полотенцами „хыбрыс“ с узорной выкладкой „шилтӓр“, но последним совершенно чужд свастический мотив, хотя мэандр „бурма су“ (крутящаяся

вода) [1]) довольно обычен, а в памятниках архитектуры орнамент китайского типа из пересечения и переплета зигзагообразных лент имеет свастический характер (см., напр., колонку справа от входа в Текие около Зинджирлы Медресе в Бахчисарае). Это, между прочим, лишний раз показывает, что происхождение свастического узора не может быть об'яснено из одной техники, как результат случайного расчленения прямолинейных геометрических форм, и что касимовские татары восприняли этот тип узора из местной до-турецкой среды, так как свастические формы совершенно чужды и для турецких племен Сибири и Средней Азии.

Не получила достаточно широкого распространения свастика и в орнаменте Украйны [2]), за исключением севера Полесья и Черниговской губернии, где, как и в южно-великорусском орнаменте, свастика обычна и иногда является основой орнаментального стиля [3]), близко родственного корельскому, который особенно хорошо известен в шитье головных уборов. Среди угро-финских племен свастический орнамент получил преобладание кроме корел также у остяков, широко развивших его употребление (в противоположнсть мнению Гейкеля [4]) об отсутствии свастики у финнов к востоку от Волги, хотя о свастике у остяков упоминает еще Стасов [5])), в вышивке женских рубах, покрытых иногда сплошным свастическим узором [6]); свастика встречается в прямолинейном геометрическом рисунке на берестяной посуде остяков и вогулов. У волго-финских народов хотя свастика и известна, но органически вошла в орнаментальный рисунок только у мордвы мокши [7]) и, отчасти, у мари (черемис). У чуваш же как верховых (вирьял), так и у низовых (анатри) свастический орнамент совсем не выражен. Это же можно сказать, повидимому, относительно, вотяков.

Древнейшее распространение свастики в Европе с ранне-металлической эпохи, в противоположность Древнему Востоку, где свастика почти неизвестна, и движение ее по азиатскому материку в истори-

---

[1]) Куфтин, Б. А. Южно-бережные татары Крыма. Журн. Крым. № 1, 1925 год, стр. 29.

[2]) Так среди более двух тысяч изданных С. А. Кулжинским писанок (Описание коллекций народных писанок, 1899) нет ни одной с свастическим узором.

Правда, известно, например, развитие свастического орнамента в Зинькове Летичевского у. Подольской губ. на глиняной посуде, но в данном случае это явление чисто реликтовое, более, вероятно, древнее, чем появление славян.

[3]) Могилянский, Н. М. Поездка в Центральную Россию для собирания этнографических коллекций. Материалы по этнографии России. Т. I. 1910 г., стр. 16 и табл. II.

[4]) Гейкель, А. О. О народном орнаменте финских племен. Труды 2-го Областного Тверского С'езда в 1903 г. Отд. III и V, стр. 124.

[5]) Стасов В. В. Русский народный орнамент. Собрание сочинений. Т. I, стр. 202

[6]) Изделия остяков Тобольской губернии. Этнограф. Коллек. Тобольск. Музея. Об'яснительный указатель. Ежегодн. Тобольского Музея. В. 19, Тобольск. 1911 г. см. рис. рубахи на отдельной таблице.

[7]) Heikel, A. O. Trachten und Müster der Mordvinen Hels. 1899, см., между прочим, табл. 32—34.

ческое время из Индии, в связи с распространением буддизма, заставляет многих принимать индо-европейское происхождение свастики [1]). Мы не станем касаться этого сложного вопроса о древнейшем приурочивании этого свастического знака к той или иной гипотетической культуре и его происхождении [2]), так как нас интересует сейчас главным образом определение той значительно более поздней этнической среды, в которой получил развитие вышеописанный свастический мотив Мещерского края. В этом случае следует решить, принесен ли данный орнамент славянской колонизацией вместе с самой поневой и русским покроем рубахи или он принадлежал туземному до-славянскому слою. Вышеуказанное распространение свастического узора на территории восточной Европы говорит скорее за его не славянское здесь происхождение. Действительно, сравнительно незначительное развитие свастического элемента у восточных славян, за исключением некоторых групп великороссов, главным образом, южных и прилегающих к ним малороссов Полесья, и отсутствие свастики в разнообразном узоре плахт и соответствующих частей костюма балканских славян, с одной стороны, и пышный расцвет свастического узора особенно у касимовских татар, в противоположность прочим туркам, а также у западных финнов (корел) и волго-финнов со следами вытеснения его у последних растительным орнаментом (тюльпан, розетка и др.) и, наконец, у финно-угров (остяков), — с другой, предполагает древнейшее бытование свастического орнамента в бассейне верхнего Днепра, Оки и верхней Волги и внедрение его в принесенный славянской колонизацией великорусский костюм. Следует здесь отметить, что свастический знак в Касимовском уезде известен на одном перстне славянской эпохи из поздне-финских курганов близ Поповки (г. Касимов), раскопанных Нефедовым [3]) в 1877 году.

Что касается прямолинейно-меандрового орнамента, то он в хорошо развитой форме засвидетельствован раскопками Н. И. Лебедевой и моими уже на керамике ранне-бронзовой поры (по типу прибли-

---

1) Wilke G. Kulturbeziehungen zwischen Indien, Orient und Europa. Leipzig 1923, стр. 96.

2) О свастике см. Wilson Th. The swastica. Waschington, 1896 (с картой распространения свастики в Старом и Новом Свете и библиографией).

Hoernes M. Urgeschichte der bildenen Kunst in Europa. Wien, 1896, стр. 331—334.

Steinen Karl v. d. Prähistorische Zeichen und Ornamente. Bastian Festschrift. Berlin, 1866 (Происхождение свастики путем схематизации линейного изображения летящего аиста).

Gobet d' Alviella. La migration des symboles. Paris, 1891 (Автор дает родословное древо свастики, выводя ее из одного центра).

Бобринский, А. А. О некоторых символических знаках, общих первобытной орнаментике всех народов Европы и Азии. Труды Ярославского Областного С'езда. М. 1902 г., стр. 66—75.

Zmigrodzki M. Zur Geschichte der Svastika (Arch. Anthrop. XIX. 1890).

3) Нефедов. Отчет о раскопках в Касимовском уезде. Антроп. Выставка. Т. II. прилож., стр. 56.

жающейся несколько к донецкой срубной культуре) найденной на Оке близ г. Касимова в 1924 и 1925 г. вместе с тонкой кремневой индустрией [1]).

Третий подтип поневы, называемой „тяжелой", занимает всю остальную область Мещерского края и заходит, отчасти, в северо-западные районы, где господствует вышерассмотренный второй подтип. По технике изготовления поневной ткани он отличается от второго, а также и от первого (одно-шерстяной поньки) тем, что шерстяная крашеная нитка в основу совсем не входит. Основа состоит исключительно из белой посконной пряжи, скрученой („сканой") вдвойне. Уток проводится и прибивается так, чтобы нитки основы с лицевой стороны не были видны, поэтому эта ткань никогда не может быть клетчатой, а только гладкой или поперечно-полосатой, как здесь говорят, „дорогами". Только среди этого подтипа в Мещерском крае встречается понева без прошвы. Эта последняя, как ее местами здесь называют, „понька-растополка" (с. Мелихово) занимает центральный и южный район Касимовского уезда и встречается одинаково как у помещичьих, так и у казенных крестьян: с. Шостье (каз.), с. Пекселы (пом.), с. Увес (каз.), с. Лубонос (каз.), с. Инякино (каз.), с. Мелихово (пом.)—с той разницей, что у помещичьих она в последнее время отчасти стала заменяться в праздничном костюме поневой с прошвой (с. Мелихово), тогда как у казенных понева вообще уже в половине прошлого века почти совсем исчезла и ныне уже не наблюдается. Так, в большом казенном селе Инякине, где уже давно ходят в сарафанах, Бабушка Марфа 80-ти лет знает, что мать ее венчалась в поньке-растополке, но к старости бросила носить поневу. Мелиховские старухи, которые и теперь еще одеваются в поньки, тоже помнят, что инякинские бабы носили „поньки без прошевьёв: с прошвай та ани уж ни захватили". Тоже и в казенном селе Шостье, 80-летняя бабушка Евдокия Яковлевна Фортинская, по мужу Лебедева, разсказывает, что до севастопольской обороны у них все ходили в поньках без прошвы, с прошвой же только по другим деревням носили. Также рассказывали мне и в Лубоносе. Теперь поневы без прошвы можно еще видеть и в Пекселах и Мелихове. В Пекселах так даже до самого последнего времени прошва не вошла в употребление. Поневы здесь представляют собой прямоугольный плат, сшитый из трех полотнищ и вздернутый сверху на толстом шерстяном гашнике. Длина плата равняется, приблизительно, 120-ти см., ширина не превышает 55 см. Стянутая несколько на гашнике, чтобы образовались более пышные складки, понева обертывает стан сзади и соединяется полами впереди, образуя более или менее широкую щель, через которую видна белая рубаха и кисти красного шерстяного пояска (см. таблицу I). В длину такая понька едва доходит до колен, и ниже ее спускается подол белой рубахи. Такого вида понева одевается и в будни и в праздник. В Мелихове также еще до сих пор можно

1) Лебедева Н. И. „Отчет о летних раскопках 1924 г. по археологии в окрестностях г. Касимова. Вестник Рязанских краеведов, 1925 г. № 1, стр. 5.

видеть женщин, одетых в поньки-растополки, но в праздничную поневу уже вшивают холстяную с кружевами со „строкой“ (особой вышивкой по выдерганной ткани) и натканками прошву. В поньку с прошвой обыкновенно наряжали и невесту к венцу, с прошвой же клали и на смерть, как в торжественный костюм, хотя традиция, видимо, была связана более с понькой-растополкой.

В остальных районах мы видим поневу всюду исключительно с прошвой и, несмотря на отсталость некоторых районов, как напр., „Курша“ (по р. Курше), по выработке ткани и художественности выполнения более совершенного типа.

В поневе третьего подтипа возможно наметить по характеру ткани три главных группы. Начнем с наиболее территориально обособленных. Первая группа известная у населения под именем „браная тяжелая понева“. Браная понева третьего подтипа отличается значительной плотностью и толщиной, так что небольшая понева из трех шерстяных полотнищ длиной около 55 см. достигает иногда весом до трех фунтов (с. Которово). Снуется такая понева из толстых сканых ниток, довольно редко расположенных в основе. Тканье так же, как у второго подтипа идет на четырех ремизках с выбором узора помощью бральниц. Но работают попеременно на двух подножках рядом, тогда как во втором подтипе на нечетных и четных. Сначала опускают первую и вторую ремизку, затем третью и четвертую; далее опять первую и вторую, затем третью и четвертую и т. д. Благодаря этому, уток образует большие петли, проходя и ныряя сразу через две рядом нитки основы (см. рис. 25). Прибивается уток к утку плотно, и основа совсем не видна. Таким образом, если при обычном тканье поньки на шерстяной основе на один сантиметр приходится 6—8 ниток утка, то при данном способе их умещается почти вдвое больше — 10—15 ниток. Понятно, что ткань, особенно при толстых нитках основы, получается очень тяжелая. Ровного красного поля без всякого рисунка в области Мещерского края мне видеть не приходилось; в большинстве случаев нитки утка чередуются

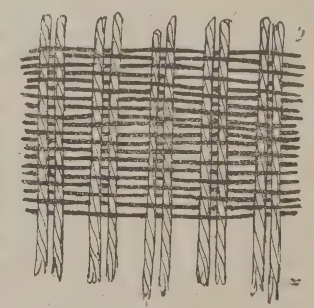

Рис. 25. Тканье по посконной основе в четыре ремизки на узорных образцах поневы третьего подтипа.

Fig. 25. Tissage sur le fond de chanvre avec quatre marchepiede sur les modèles ornes de paniova de 3-me soustype.

красными и синими полосами. При бранье узора, также как во втором подтипе, пользуются бральницами сзади берда и белым утком, но в виду того, что тканье при этом отличается большой густотой, белая нитка значительно тонет в шерстяных, и с лица рисунок часто слабо заметен, напротив, с изнанки хорошо виден (см. табл. V, рис. 2). При этом ткань получается двойная, но в виду

того, что узор густой, нижняя портяная ткань всюду плотно соединена с верхней. Самый узор на этой поневе значительно проще и однороднее, чем на браной поневе второго подтипа. Если во втором подтипе уток имеет часто более 150 различных положений, т.-е. при тканье на ремизках требовалось не менее 150 ремизок, что не имеет смысла, в данном случае можно было бы обойтись иногда 30-ю ремизками. В основе мы видим здесь ту же ромбическую сетку. Но рисунок внутри сетки упрощен: это — обыкновенно расположенные рядом ромбы с заключенными внутри их теми же фигурами меньшей величины. В главных сетках клетки обыкновенно помещены те же ромбы. Однако, часто можно заметить вписанную в ромб свастику (см. рис. 26) [1]. Трудно установить по характеру орнамента, с чем мы имеем дело в данном случае: с упрощением ли сложного орнамента второго подтипа при перенесении его на технику третьего, или, напротив, браная понева третьего подтипа является здесь прототипом для второго.

В дальнейшем, при анализе географического распространения этих понев, мы еще будем принуждены вернуться к этому вопросу, хотя решить его окончательно пока не удастся.

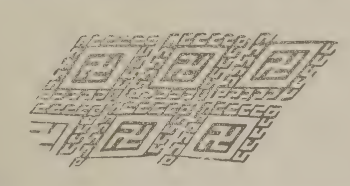

Рис. 26. Свастический узор на тяжелой браной поневе третьего подтипа.
Fig. 26. Dessin svastique d' une panïova lourde de 3-me soustype. (Gouvern. de Tambove).

Внизу браный рисунок поневы замыкается особой каймой, которая носит название „подольника“ и „покроми“. Обыкновенно кайма состоит из чередующихся красных и синих полос с выбранным по ним белым рисунком: зигзагообразные линии, так наз., „кривульки“ по краям и „огнивцы“ (фигурки из пересеченных под очень острым углом двух линейных отрезко́в), чередующиеся с „глазками“ (ромбиками), по среднему пояску (см. табл. II, рис. 2). Рисунок подольника весьма устойчив, и его мы видим всюду на поневах этой группы, даже тогда, когда узор остальной поверхности поневы значительно упрощен, что замечается на будничной поневе „рядушке“.

Эта группа понев всегда имеет здесь прошву, чаще всего полотняную с браньем и шитьем внизу. Иногда прошва сверху еще зашивается кумачем или ситцем. Шерстяного подольника под прошвой обыкновенно не бывает, и прошва доходит до самого низа подола. Распространена эта понева в двух значительно отдаленных пунктах области. Прежде всего, браная красная понева характерна для Куршинского района и не выходит за пределы семи деревень этой волости, соприкасаясь на севере и северо-западе с областью поневы второго подтипа. Эта понева встречается у „Куршаков“ еще до настоящего времени.

Орнамент у куршинской поневы исключительно ромбический, по местному „челноками“, тождественный во всех семи деревнях волости.

[1]) Для ясного различения орнамента на рис. 26 ромбическая сетка сильно расширена; в действительности она состоит из очень узких сжатых ромбов.

Ромбическая сетка крупная: длинная ось ромба равняется ширине одного полотнища ткани (см. табл. II, рис. 2). Длина поневы 60—65 см. Понева здесь очень редко, во время непогоды, подтыкается „куликом“. Для этого внизу по углам прошвы пришиваются петли, помощью которых подол укрепляется на поясе.

Второй район бытования красной браной поневы „бранки“ находится в Елатемском и Темниковском уездах, близ тракта Касимов—Темников, к северу от р. Мокши. В настоящее время понева здесь вышла из употребления, особенно браная, но мне удалось установить ее бытование по расспросным сведениям до села Криуши Темниковского у., а также найти ее образцы в селах помещичьих Нарме, Савватьме (Елатемского у.) и Токмакове (Темниковского уезда). Сходство здешней поневы с куршинской в технике полное (см. табл. V, рис. 2), но узор иногда более сложен и свастический орнамент хорошо выражен (см. рис. 26). Повидимому, прежде поневы вырабатывались здесь различных узоров. Так, мне называли „поньки клюшницы“ (с. Нарма, Елат. у., д. Усково), „кляпишницы“ (д. Усково) „челноками браные“ (с. Которово). Однако, установить все эти формы на образцах оказалось невозможным. Надеваются здесь поневы иначе, чем в Курше, где как и в прилегающем районе второго варианта (напр., Нарма-Бутылки) понева одевается так, что прошва приходится на левом колене. Напротив, в Елатемском уезде понька носится прошвой на правую сторону (с. Которово, д. Ускова близ Савватьмы).

Вторую группу поневы третьего подтипа составляют синие поневы или „синятки“. Главное их отличие от первой группы сводится к окраске ткани. Поневы-синятки имеют ровное синее поле и красный подольник с браной синей ниткой узорной каймой. Местами наблюдается по полю поневы белый узор холщевой ниткой значительно более простой, чем в предыдущей группе, чаще же всего ограничивающийся только одним подольником, где белой ниткой пробирается рисунок каемки. Отличается понева этой группы часто и выработкой ткани. Тканье нередко несет признаки упрощения. Наблюдаются поневы в „2 цапка“ (2 ремизки), в три цапка, но также и в четыре цапка с особым чередованием подножек: ткачиха все время ходит только по одной подножке, последовательно по первой, второй, третьей и четвертой, опять первой и так делее. При этом уток пропускается в верхний зев, образованный одной поднятой ремизкой и тремя остальными, отчего ткань получает особый характер. Шерстяной уток все время пробегает поверх трех подряд ниток основы, ныряя под одну (см. рис. 27). Снизу же, следовательно, наоборот, остаются покрытыми утком только нитки кратные четырем, остальные же нитки белой основы видны. Ткань получается односторонняя плотная и внешне становится похожей на ковровую, только вместо ворса — густой горизонтальный покров шерстяной пряжи. Хорошая понева должна быть твердая, не сгибающаяся в мелкие складки, как „доска“, говорят в д. Жданове. Чаще всего синяя понева встречается наряду с полосатой, но в таком слу-

чае она обычно рассматривается как более парадная праздничная: „синюю поньку по доброму надеваем, красную по печали“. Бранье на синих поневах было некогда шире распространено, чем теперь. Так, в Телебукине старушка Настасья Филипповна помнит „синие бранки челночками“: „с изнанки виден был забор, с лица она вся синяя, только узор, как тканье“,— техника, видимо, близкая вышеописанной в первой группе. В Шостье, по ее же словам, тоже была бранка только без прошвы. В настоящее время браные синие поневы мне пришлось наблюдать только в районе Колес-

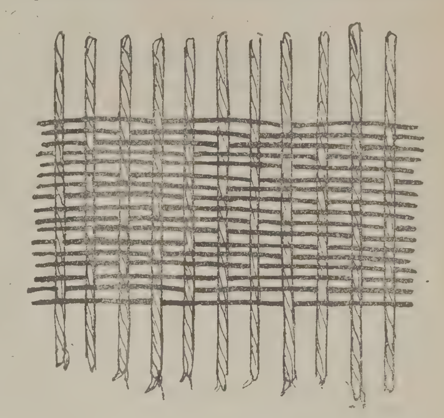

Рис. 27. Тип тканья односторонего по посконной основе, в четыре ремизки на поневах „синятках“ 3-го подтипа в Мещерском и Калужском Полесье и на синих латышских юбках.

Fig. 27. Tissage à la chaîne de chanvre avec quatre lisses et marchepieds sur les paniovas bleues du 3-me soustype et sur les jupons bleus de Lattes.

никова и Акулова. Узор большею частью незатейливый: прямоугольниками расположенные пять белых крестиков, с одним в середине, так называемые „скамеечки“, покрывают ткань в шахматном порядке, отчего в результате слияния этих элементов получается ромбическая сетка (см. рис. 30). Выполнен узор вышеописанной техникой двойной ткани.

На узоре подольника синей поневы наблюдаются четыре главных элемента узора, видимо, родственных друг другу: 1) „огнивцы“ описанные для первой группы (Ибердус, Волково-Марьино), 2) „ушки“ или „челночки“ в виде пары флажков с остроугольными глубокими выемками, направленными в противоположные стороны (Колесниково, Акулово, Телебукино, Бетино), 3) „развилки“, тоже называемые „челночками“, в виде иглы для плетения сетей или примитивного челнока для тканья (Чарус и Китово) и, наконец, 4) „репьи“, образованные косым пересечением двух пар параллельных отрезков (Темирёво Елатемского уезда).

Окраска шерсти в темно-синий цвет производится исключительно покупной краской кальгой; повидимому, собственная синяя в противоположность красной, добываемой из корня марены, не была и раньше в ходу у крестьян, хотя изредка в синевато-чернильные тона окрашивают шерсть раствором коры дуба и железного купороса.

Это заставляет предполагать более новое появление синей поневы сравнительно с красной. Но очень широкое распространение у русских, а также у финских племен окрашивания шерсти в синий цвет (вспомним, напр., синий цвет плахт, южно-великорусской клетчатой поневы, а также синий цвет в вышивках шерстью у мордвы, особенно „мокши“, марийцев“ и даже остяков) указывает, повидимому,

на достаточно древнее употребление синей окраски. Всего скорее синий цвет заменил собою черный, первоначально естественный цвет шерсти. Это положение черного на месте синего заметно до сих пор на ряде образцов узорной поневы Мещерского края.

Однако, синяя тяжелая понева уже вполне выработалась, повидимому, в эпоху, к которой относится этно-культурная связь Мещерского края с районом верхней Оки и Десны, где, напр., в Калужской губ., на водоразделах Угры и Болвы сохранились острова синей тяжелой поневы, тождественной с рассматриваемой, наряду с другими элементами костюма, общими в обоих районах; вспомним указанное выше географическое распространение рубахи с косыми поликами третьего подтипа. Имеющаяся в Румянцевском Музее тяжелая понева из Калужской губ., единственный известный мне образец такой поневы, и хотя не удалось пока еще вполне подтвердить ее бытование там, наличие в Калужской губ. других видов поневы, соответствующих мещерским, напр., красной шашечной с белой и красной прошвой в Мосальском уезде, делают вполне достоверной старую датировку Калужской поневы Румянцевского Музея. В точности совпадая по технике с „синяткой" Мещерского края (см. рис. 27), Калужская синяя понева по узору тождественна с красной тяжелой браной поневой, т.-е. первой группы, особенно из района Елатемского уезда (см. табл. VII, рис. 2). Также, как последняя, калужская понева покрыта белым узором в виде ромбической сетки с городковым орнаментом в ее стенках (см. рис. 28). Красный подольник несет на себе обычные и в Мещерском крае „огнивцы", чередующиеся с ромбическими „глазками". Прошва этой поневы красная, вполне соответствующая рассматриваемым. Характерной является желтого цвета шерстяная подкладка под подолом калужской поневы, наблюдаемая почти всюду на синих и красных тяжелых поневах Касимовского (Чарус, Бетино, Пекселы) и Елатемского уездов (Которово, Савватьма, Веряево), а также на старинных образцах двойной узорной поневы (второй подтип) в Парахинском районе. Эта желтая подкладка, называемая „подтыка" (Жданово), натыкается на общем куске со всей поне-

Рис. 28. Часть ткани синей тяжелой поневы 3-го подтипа Калужскй губернии с изнанки.

Fig. 28. Fragment d' une panïova bleue façonnee du 3-me soustype (Gouvernement de Kalouga).

вой шерстью, окрашенной в яркий темно-желтый цвет отваром череды (Bidens tripartitus)—краской, известной местами и у Тамбовской мордвы.

Совершенно тождественная с мещерской синей поневой по выработке и окраске ткань известна еще у латышей Курляндской губ. на женских юбках с красным полосатым подольником.

Синяя тяжелая понева в Мещерском крае распространена, главным образом, в районе реки Пёт, к западу от Мокши (с. Темирево, Потапьево, Пёг с приходами Елатемского уезда), отсюда вверх по Оке вдоль правого берега (села: Бетино, Лом, Телебукино Касимовского уезда) до изгиба Оки на запад от г. Касимова и отсюда далее на левый берег Оки (с. Ибердус, Колесниково, Чарус) и к югу от Пры (Папушево). Всюду здесь синяя тяжелая понева имеет прошву. В районе, где бытует понева без прошвы, синяя форма отмечена мною в Пекселах и Инякине. Напротив, в с. Мелихове она не получила распространения. Прошва имеет тот же характер, что и в рассмотренных выше подтипах Мещерского края: или белая узорная или красная. Исключение составляет Папушево Спасского уезда, где мы видим обычную для южной Великороссии китайчатую синюю прошву. Шерстяной подольник под прошвой в большинстве случаев отсутствует. Однако, все-таки, он отмечен мною в с. Темиреве, Веряеве и Марьине.

Из способов украшения прошв, кроме бранья, в районе распространения этой группы понев получило развитие вышивание мережкой: „пельцы“ или „строка“, как его здесь называют. Особенно своеобразны вышитые гарусом („шленкой“) „пельцы“ в Бетинской волости (см. табл. II, рис. 1). В основе их рисунка лежит вписанная в квадрат крупная восьмилучевая звезда, у которой все входящие углы между лучами прямые. В зависимости от расцветки самой звезды или, напротив, поля квадрата, выступают различные геометрические фигуры из квадратов и треугольников, что вносит большое разнообразие в характер узора отдельных образцов, по рисунку всегда остающихся одинаковыми.

Наконец, третья группа понев третьего подтипа (тяжелой поневы) представляет собой поневу полосатую без узора. По отношению к двум предыдущим по технике и распространению эта группа понев не может считаться вполне самостоятельной. Полосатая понева является, повидимому, вырождением на данной территории красной браной поневы, всегда обладающей полосатым полем, частью, может быть, прототипом всего третьего подтипа как об этом позволяют судить примитивные образцы поневы-растополки (без прошвы), преимущественно поперечно-полосатые. Однако, последнее следует утверждать с значительной осторожностью, пока не установлены исходные формы поневного одеяния, история его развития и влиявшие на него части костюма, от которых понева могла приобретать в разное время те или иные элементы тканевой выработки и окраски.

Я в данном случае не подвергаю сомнению первоначальность самой формы „поневы-растополки“ безусловно более древней сравнительно с поневой с прошвой, имеющей шерстяной подольник, но только выработку ткани и узор.

Подобно тому как среди синей тяжелой поневы в Колесникове и Акулове наблюдается переход от браных форм к „ровным“, т.-е. к поневе-синятке без узора, в районе красной браной поневы и в соседстве с ней в Курше и Акулове можно видеть постепенную утрату узора на браной поневе и переход ее к полосатке третьей группы.

В технике выработки самой ткани тоже наблюдается упрощение: обыкновенно полосатая понева ткется в „два цапка“, что дает при толстой сканой основе вышеуказанную ткань в виде плетня на частоколе (см. рис. 24). Поскольку эта группа обладает еще теперь положительной активностью, всюду в крае заметно вытесняя вместе с красной шашечной поневой браные узорные образцы, о ней и с этой точки зрения можно говорить не как о реликте, а как о трансформирующейся форме. Особенно полосатая понева характерна для района, где господствует понева без прошвы. Здесь эта последняя отличается густой поперечной полосатостью и отсутствием на подольнике обычного в других районах ее распространения узора в формах, указанных для синей поневы.

Только здесь в области поневы-растополки полосатка является часто (с. Мелихово) единственным видом поневы без сопровождающих ее других форм. Напротив, поласатая понева совсем не представлена в районе второго варианта (узорной свастической двойной поневы) в Тумском крае и Парахине. Здесь при замене узорной формы более простой господствует всецело своя шашечная разновидность. Однако, все-таки мне пришлось встретить в Фомине Парахинской волости один старинный образец поневы полосатки, в которой обычные синие полосы были заменены черными, окаймленными белой ниткой. Повидимому, это невполне растворившийся след каких-либо старых переселений.

Какая именно группа поневы проникла далеко на север в пределы Владимирской губернии до р. Клязьмы, как об этом свидетельствует старое топографическое описание Владимирской губернии XVIII века, сказать трудно. Возможно утверждать наверное только то, что мы имеем там не обще-южно-великорусскую синюю клетчатую с синей же китайчатой прошвой поневу, а какую то мещерскую из красной или синей шерстяной ткани и с белой полотняной прошвой. Так в описании говорится: „живущие во Владимирском и Судогодском округах, за рекой Клязьмой, к Мурому женщины большей частью одеваются в поньки, кои весьма сходствуют с юбками, но только половина оных должна быть или синяя или красная, а другая белая“ [1]). Существование поневы в Ягодинской волости Судогодского уезда подтверждаются еще известиями конца XIX века [2]).

Окидывая теперь общим взглядом все виды поневы Мещерского края, не трудно заметить территориальное выступание двух высоко развитых форм, по отношению к которым остальные являются как бы их

---

[1]) Топографическое описание Владим. губ. 1784 г. Влад. 1906, стр. 10.

[2]) Владимирский земский сборник. 1885 г. № 9—10. Прилож. стр. 10.

упрощением (см. карту). Одна из первых двух поневъ (второй подтип) с свастическим орнаментом обладает резко ограниченной областью распространения в С.-З. углу Касимовского уезда, другая (первая группа третьего подтипа) отличается разорванной (вследствие вклинивания в ее центр синей поневы) территорией в западной и восточной части края (Елатемский и Темниковский уезды). Наконец, третья форма понева-растополка занимает южный выступ Касимовского уезда. Первая форма (второй подтип) более нигде вне Касимовского уезда не встречается, во всяком случае, до сих пор встречена не была, хотя сопровождающая ее всюду в указанной области легкая красная понева-шашечница известна, как видели выше, в Мосальском уезде Калужской губ. В той же Калужской губернии бытовала и тяжелая синяя браная понева с прошвой. Но примитивная ее разновидность без прошвы также нигде вне Мещерского края и его колонизационной территории на нижнем Поволжьи (Саратовской губ.) пока неизвестна. Это заставляет относить появление в Мещерском крае всех своеобразных типов поневы к древним эпохам славянской колонизации, а не к поздним переселениям, напр., рязанцев степняков, хлынувших через Оку в XV—XVI в. от ногайских и крымских набегов, как это полагал Д. К. Зеленин [1]), не имевший еще возможности по состоянию литературного и музейного материала различать северо-рязанскую поневу от южно-рязанской и, вообще, южно-великорусской. Также по моему невозможно связывать происхождение поневы в Мещерском крае и со случайными выходцами из за польскаго рубежа „полоняниками" и белоруссами, влиянию которых приписывает Д. К. Зеленин дзекающие и кагокающие говоры и южно-великорусский костюм (поневу и рогатую кичку) в Лукояновском уезде Нижегородской губернии и в восточных уездах Владимирской губернии. У меня не имеется данных, чтобы судить, какого рода понева была распространена в Ардатовском и Лукояновском уездах Нижегородской губернии, но, если, как можно полагать относительно Владимирской губернии, и туда проникла понева, которую мы наблюдаем в пограничных с Ардатовским уездом частях Темниковкого у., возможно, придется и там искать иного общего с Рязанской и Тамбовской Мещерой источника указанных диалектологических и этнографических особенностей. Во всяком случае совершенно необ'яснимо с точки зрения новейших переселений с запада: как в Мещерском крае могли сосредоточиться две из трех основных, рассмотренных выше форм поневы с определенными территориальными границами, тогда как во всей остальной южной Великоруссии получил господство только первый подтип, и тот почти исключительно в виде клетчатой разновидности без прошвы или с синей прошвой, которая почти неизвестна в Мещерском крае.

Наиболее естественно видеть в обладателях мещерского типа поневы древнее славянское население края, оттесненное за Оку более

---

[1]) Зеленин, Д. К. Великорусские говоры, стр. 320 и 497.

новой обширной волной, которая, захватив всю южную Великоруссию, принесла с собой южно-великорусские акающие говоры и клетчатую синюю поневу, намеченное выше сходство которой с плахтой (и отчасти с дергой) по технике обработки шерстяной ткани, по весьма обычной синей окраске и клетчатому полю, позволяет искать происхождение ее в среде более близких к южно-русской ветви групп восточных славян. В свою очередь, указанная связь (отчасти сказавшаяся на говорах) мещерского костюма с Калужской губернией подтверждает эти отношения. Там мы находим острова коренного населения в наиболее глухих областях полесья с хорошо выраженным архаичным бытом и языком, которые не допускают возможности говорить о их позднейшим переселении из за Окских областей Рязанского края. Очевидно, эти остатки того же самого населения, которое, некогда занимая обширную область вдоль берегов Оки, оказалось разорванным более новым потоком южной колонизации.

На этих отношениях основаны, с одной стороны, коренное различие северо-рязанских (мещерских) и южно-рязанских говоров [1]), несмотря на значительное выясненное Д. К. Зелениным перемешивание населения севера и юга, с другой,—заметные совпадения мещерских говоров с западными и юго-западными южно-великорусскими, часто в наиболее архаичных чертах. Так, возможно, что мена *в* на *у* неслоговое, переходящее далее в *j* (иногда вторично в *h*) касимовских говоров [2]) не столько принадлежит к территориально далекой Северо-Двинской группе (где эта особенность встречается в Вологодской губ., Шенкурском у. Архангельской губ., в восточных уездах Олонецкой и Новгородской, в Слободском уезде Вятской губ. [3]), в противоположность обоим говорам Владимиро-Суздальской области цокающему и не цокающему, не знающих по В. Чернышеву [4]) этой черты) северно-великорусского наречия, лежащего в основе мещерских говоров, сколько относится к тому слою, который об‘единяет, хотя и при ином консонантизме, мещерские говоры с юго-западными южно-великорусскими, также знакомыми с этой чертой [5]) (особенно некоторыми калужскими к югу от р. Угры: Мещовского, Мосальского и Жиздринского уездов) [6]) в противоположность южно-рязанским, не имеющим ее, также как и некоторых других,

---

[1]) Шахматов, А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Петр. 1909, ст. 35.

[2]) Будде, Е. Ф. К истории великорусских говоров. Казань, 1896 г., стр. 147—152, 302—314, 318—320.

[3]) Дурново, Н. Н., Соколов, И. И. и Ушаков, Д. П. Очерк русской диалектологии. Москва, 1915 г., стр. 24.

[4]) Чернышев, В. Сведения о говорах Юрьевского, Суздальского и Владимирского уездов. Сб. II отд. Ак. Наук. Т. LXXI, № 5, стр. 34—35.

[5]) Шахматов, А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Петроград. 1915, стр. 290.

Дурново, Н. Н., Соколов, И. Н., Ушаков, Д. П., loc. cit, стр. 29.

[6]) Дурново, П. Н. Диалектологическая карта Калужской губернии. 24 стр.

напр., отмеченного в Касимовском уезде (с. Шостье) изменения группы, согласная + *j* в двойную согласную: на*л'л'*уть, селе*н'н'*а и т. п. [1]).

В этом последнем явлении, характерном для малорусских и белорусских говоров [2]) необязательно видеть заимствование из белорусского, т. к. оно не находится, вообще, по словам Шахматова, в каком-нибудь несогласии с основными чертами русской фонетики (сравни, напр. средно-великорусское архаичное треттий и обычные формы через упрощение— третий, птичий) и, по его мнению, высказанному в 1898 году „надо отказаться от мысли, что в подобном произношении курских и калужских говоров сказалось белорусское влияние" [3]). Может быть, по мнению Будде [4]), ассимиляция звука *j* предшествующей согласной есть явление, внесенное в вятический говор колонизацией Северян, которых он считает предками северо-малорусских племен. Но, как показывают исследования А. М. Селищева сибирских говоров, это явление, некогда значительно более распространенное, являлось основным для многих других русских наречий [5]).

Не вполне понятно, что имеет в виду Е. Ф. Будде, сравнивая также отмеченные им в Касимовском уезде дифтонгическое *ѣ*, дифтонги *уо*, *уа*, звук *оу* и долгие гласные, с северо-малорусскими и частью южно-белорусскими чертами [6]).

Эти явления в большинстве случаев имеют совершенно различную природу в сравниваемых Будде говорах: с одной стороны, дифтонгизация *о* в связи с различением старых праславянских (сравн. сербохорватский и словянские языки), восходящих и нисходящих ударений в великорусских говорах [7]), с другой дифтонгизация долгих *е* и *о*, явившихся вследствии выпадения *ъ* в следующем слоге в малорусских и белорусских; правда, Карский [8]) приводит и у белоруссов ряд примеров дифтонгизации, связанной со старыми восходящими ударениями, но это явление мало обычное.

Опубликованные в 1915 году А. А. Шахматовым материалы [9]) указывают на наличие подобного дифтонгического (очень слабо раз-

---

1) Будде, Е. Ф. К истории великорусских говоров. Казань. 1896, стр. 194.

2) Шахматов, А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Петроград, 1915, стр. 224, 286 и 306).

3) Шахматов, А. А. Евгений Будде. К истории великорусских говоров. Критический отзыв. Отт. из Сб. Отд. Русск. яз. и Слов. Акад. Наук, т. XVI, пр. № 2, стр. 41.

4) Будде, Е. Ф. О говорах Тульской и Орловской губерний. Отт. из СПБ. Отд. Русск. яз. и Слов. Акад. Наук, т. XXVI, 1904, стр. 4 и 11.

5) Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири Ирк. 1921. стр. 222.

6) Будде, Е. Ф. К истории великорусских говоров. Казань, 1896, стр. 251.

7) Шахматов, А. А. Очерки древнейшего периода истории русского языка стр. 81—82, 130—131, 189 и 304.

8) Карский, Е. Ф. Белоруссы. Т. II, стр. 126—129.

9) Тростянский, В. И. и Гришкин, И. С. Диалектологические материалы. Приготовл. к печати и снабдил примечаниями А. Шахматов. Сб. Отд. Рус. яз. и сл. Ак. Наук т. XCV в. 1, 1916 г.

Дурново, Н. Н. Диалектологич. разыскания. Ч. I, в. 2. М., 1918 г. стр. 54—55.

личимого) произношения, более до сих пор известного в некоторых северо-великорусских говорах (Тотемский у. наблюдения О. Брока, Грязовецкий уезд, — Мансикка и др.), также в Воронежской губ., Задонском и Землянском у., где по Зеленину, кагокающие говоры (каго, кагуа) однодворческих районов знают также смешения *у* и *в* [1]).

Значительно яснее говорят о связях рассматриваемых говоров с западными южно-великорусскими помимо восточных южно-рязанских дзеканье и джеканье (т.-е. произношение древних мягких *т* и *д*, как *дз*, *дж*.), наблюдаемое местами в Мещерских говорах (Тумский, Куршинский и Парахинский районы) [2]). Это явление, характерное для белорусских говоров наблюдалось раньше в Мосальском, Мещовском, Жиздринском уездах Калужской губернии [3]). Однако, распространенность дзекания в ряде северо-восточных говоров [4]) в Псковской губернии, Карачевском и Тверском уездах Тверской губернии, Моложском и Пошехонском уездах Ярославской г., в Сибири [5]) и, наконец, Волоколамском, Клинском и Бронницком [6]) уездах Моск. губ. не позволяет говорить об этой черте как об исключительно белорусской [7]) и об'яснять ее следами белорусских выселенцев. Скорее всего, поскольку также это явление вряд ли можно считать развившимся вполне самостоятельно, в различных говорах следует искать общего первоисточника.

Мы не будем сейчас подробно останавливаться до полного анализа всего костюма на выяснении этнических элементов, которые принимали участие в образовании населения Мещерского края, но нам

---

1) Зеленин, Д. К. Великорусские говоры. СПБ, 1913, стр. 108.

Спорадически-дифтогоническое *ѣ* и *о* отмечалось и в других южно-великорусских говорах: в Епиф. у. Тульской губ., Ряз. у., Пронск., Сапожск., Скоп. уу. Ряз. губ. (см. Тр. Диал. Ком. в. 5, стр. 96), в Зарайском. у. Ряз. г. (П. П. Свешников) в Мих. у. Ряз. г. (Н. И. Турченев, см. Б. М. Соколов „К вопросу о дифт. произн.". Тр. Диал. Ком., в. 8), Обоян. у. Курск. г., Ефрем. у. Тульск. г. (см. А. А. Шахматов „Очерк древн. пер." стр. 82) Корот. у. Вор. г. (Ив. Тесленко, см. Д. К. Зеленин „Вел. гов. стр. 110); Б. М. Соколов (loc. cit стр. 26) упоминает еще Московскую губ., ошибочно относя Зарайск. у. к Московской губернии.

2) Будде, Е. Ф. Отчет о командировке в Ряз. губ. Казань 1895 стр. 36—37, Будде Е. Ф. К истории великорусских говоров Казань, 1896, стр. 140—142.

3) Шахматов, А. А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей. Отт. журн. Нар. Просв. 1899 г., апрель, стр. 59.

4) Дурново, Н. Н., Соколов Н. Н. и Ушаков Д. Н. Опыт диалектолог. карты стр. 37—38, 41.

Шахматов, А. А. Очерк древн. пер. ист. рус. яз., стр. 380.

5) Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. Ирк. 1921.

6) Каринский, Н. М. О говорах вост. половины Бронницкого у. Изв. II отд. Ак. Наук 1903 г.

7) Любопытно отметить, что Карский Е. Ф. в Этнографической карте белорусского племени (Петр. 1917), проводя восточную границу белорусской народности, между прочим, по Десне, а не по р. Болве, т.-е. западнее чем на карте Диалектологической Ком. (см. исправлено № 2 в очерке к ней стр. 123), замечает, что белоруссы самого восточного края их территории уже сами не знают дзеканья, стр. 20—21, хотя, как указывалось выше, дзеканье известно даже в Мещовском уезде.

все-таки необходимо коснуться здесь некоторых вопросов, непосредственно связанных с распространением мещерской поневы и ее отношения к костюму, прилегающих северо-великорусских и южно-великорусских областей.

Район распространения мещерских понев находится в полосе средне-великорусских говоров, так называемого переходного типа, от северно-великорусских к южно-воликорусским, а вернее, говоров в основе северно-великорусских, испытавших на себе позднейшее влияние южно-великорусского вокализма. Будде, исследовавший Касимовские говоры, характеризует их как говоры шепелеватые, т.-е. имеющее средние звуки: Ч^{ц} (Ц^{ч}), Ж^{з} (З^{ж}), Ш^{с} (С^{ш}), Д^{з}, Д^{ж}, Т^{с}, цокающие, чекающие, знающие *г* взрывное, а не h (фрикативное), *т* твердое в третьем лице, единствен. и множ. числа, стяжение гласных в третьем лице ед. числа, *е* вместо *я* меж мягким согласным (грезь, взеть), *и* вместо ударяемого *ѣ* и др., т.-е. чертами, присущими, главным образом, северно-великорусским говорам, но в тоже время обладающими южно-великорусским вокализмом—аканьем, хотя соответственно измененным, а местами (Ветчаны, отчасти Тумский край) и *т* мягким в третьем лице ед. числа. Эти последние явления, особенно аканье, значительно легче приобретаемое, чем изменения в области консонантизма, показывают, по мнению Будде, что касимовский говор подвергся влиянию рязанских акающих говоров, а не обратно [1]).

Но сама северно-великорусская основа этих говоров настолько своеобразна, что не позволяет считать касимовцев просто переселенцами с севера, из Новгородской или Олонецкой губернии (Будде 250—251 стр.). Касимовский уезд был издавна занят какими-то особыми северно-великорусскими группами, сохранившими в своем произношении многие весьма архаичные черты. Шахматов вполне соглашается с этими основными положениями Будде. „Такие выводы, говорит он, я считаю весьма ценным приобретением для науки о русском языке и охотно ставлю их на-ряду с некоторыми обобщениями наших лучших исследователей, давшими возможность на основании данных языка говорить о первоначальной группировке русских наречий и о причинах, вызвавших появление той новой картины, которая развертывается перед наблюдателем. Автор прав, расширяя первоначальную границу северно-великорусского наречия: я думаю, что с полным основанием можно будет отнести весь древний Рязанский Край к области северно-великорусской; борьба со степью и татарское нашествие отодвинули древние племена первоначальных поселенцев к северу и северу-востоку, а их место заняли вытесненные с юга и юга-запада племена, вызвавшие своим движением падение Киева и перенесение центра русской жизни в бассейн Оки. Касимовцы — это остатки древне-русского населения, а население южных уездов Рязанской губернии — это пришельцы

---

1) Сравним также: Дурново, Н. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. I, в. I М., 1917, стр. 15, в. 2, 1918, стр. 83—84.

с юга и юго-запада, занявшие области, опустошенные княжескими усобицами, половецкими набегами и нашествием татар“ [1]).

С этими основными положениями Е. Ф. Будде, в выше данной формулировке Шахматова, очевидно, согласуются и выводы сделанные нами на основании изучения различных видов поневного одеяния. Вполне ясно, что синяя клетчатая понева границами своего распространения очерчивает область современного расселения южно-великорусской акающей и знающей *h* фрикативное народности, а поневы Мещерского края свидетельствуют о культуре древних колонизаторов Окского бассейна, принадлежавших скорее к северно-русским племенам. Однако, в этом последнем положении мы встречаемся, очевидно, со значительным затруднением.

Изучение великорусского народного костюма обнаруживает, как это показал Д. К. Зеленин [2]), разделение его на две части, соответственно двум ветвям великорусского племени. Зеленин устанавливает южно-великорусский комплекс: понева, рогатая кичка и северно-великорусский сарафан, кокошник, с оговоркой, что по отношению к головным уборам нет той правильности, как по отношению к сарафану и поневе. Москва по костюму принадлежит ко второй группе, и соответственно с этим наблюдается влияние северно-великорусского костюма на южно-великорусский, а не обратно, и проникновение первого на территорию второго в связи со служилой колонизацией степной окрайны Московского государства. Хотя, как увидим в следующей главе, это деление нельзя принимать полностью, но несомненным является отсутствие поневы в б. ч. Северной-Великороссии. Случаи нахождения поневы в области окающих говоров в Ю.-В. части Владимирской губернии, как мы говорили выше, Д. К. Зеленин приписывает влиянию рязанцев-акальщиков, отхлынувших за Оку от крымских и ногайских набегов в XV и XVI веке. Таким же образом Зеленин об‘ясняет существование поневы и в Касимовском уезде. Однако считать касимовскую поневу южно-рязанской оказалось нельзя, следовательно, она принадлежит более древнему слою населения Мещерского края и, таким образом, нарушает, если признать этот слой исключительно северно-великорусским, обычное представление о том, что северная ветвь великоруссов не знала поневы. В таком случае должен быть по новому поставлен вопрос о сарафане, о времени и источниках его появления, а также и о древности поневы и ее исчезновении у северно-великорусского племени. Что касается того, могла ли быть понева знакома северно-великоруссам или, вернее, северно-руссам до их соприкосновения с южно-великоруссами или (точнее) восточно-руссами до эпохи образования великорусского племени, не имеется положительных сведений. Но родство поневы и плахты и некоторых

---

[1]) Шахматов, А. А. Критический отзыв: Е. Будде. К истории великорусских говоров. СПБ, 1898 г., стр. 43—44.

[2]) Зеленин, Д. К. Великорусские говоры. СПБ, 1913, стр. 54—61.

южно славянских элементов костюма (черногорский „ирам“, серб.-болг. „фуга“), с одной стороны, и указанная выше древность самого термина понева заставляет предполагать общую основу восточно-славянского костюма своеобразно изменившуюся при столкновении обособившихся племенных групп с различными этнокультурными областями.

Как известно, северно-великороссы знают термин „понева“, как название костюма, а местами также и „плахта“ (в Тверской губернии головной золототканный платок). По Далю [1]) в Вологодской, Олонецкой, Новгородской и Архангельской губерниях „понявой“ называют широкую, не по росту длинную одежду, которая волочится по земле. „Эку, говорят, поняву надел, мешок мешком“. В Тверской и Псковской губерниях „поневнами“ называют женщин, ходящих в слишком обвисшем платье. Под понявой иногда разумеют и головной убор в виде фаты, плата, повязки.

В Вятской губернии сохранилось воспоминание об обряде надевания понявы на невесту, подобном южно-великорусским и рассматриваемого района. Так в Сарапульском уезде, в с. Сосновке Д. К. Зеленин [2]) записал народный анекдот о том, как невесту собирают к венцу. Дружка в сенях говорит: „Ширну—пырну в избу“. Отец невесты отвечает ему: „Не ширяй, не пыряй,—дай на воняву поняву надеть“. А невеста бегает нагая по лавкам, мать за ней рубаху носит: „Скачи, милая“; невеста отвечает: „Хочу—скочу, хочу—не скочу“. В данном случае в Вятской губернии, может быть, мы имеем дело с обрядом занесенным северо-рязанцами, если признавать связь их с Вятичами, устанавливаемую Е. Ф. Будде [3]) по Шахматову [4]) вполне основательно: „Будде провел слишком убедительные параллели,—говорит Шахматов,—между говорами вятчан и касимовцев, чтобы было возможно сомнение относительно близости этих двух племен, в настоящее время не граничащих друг с другом. Сходство между их говорами выражается не только в таких оригинальных чертах, как присутствие в них долгот и дифтонгов, но и в более мелких, напр.: ляхкая, носю, колотю и др.“ Однако, вышеописанный свадебный обряд отмечен кроме Вятской также и для Псковской губернии, хотя тоже сопостовляемой Будде [5]) по близости говоров с Касимовским уездом, но, во всяком случае, не находящейся с ним в тех отношениях, какие предполагались для Вятского края. Только вместо забытой поневы в Псковском обряде фигурирует пояс [6]) или юбка [7]).

---

1) Даль. Толковый словарь. 3 изд., 1907 г., т. III, стр. 739, 750.

2) Зеленин, Д. К. Обрядовое празднество совершеннолетия девиц у русских. Жив. Старина, 1911, в. II, стр. 241—242.

3) Будде, Е. Ф. К истории великорусских говоров. Казань, 1896, стр. 27—28, 48, 121, 151, 154—155, 174 и 255.

4) Шахматов, А. А. Критический отзыв. 1898 г., стр. 44.

5) Будде, Е. Ф. К истории великорусских говоров. Казань. 1896, стр. 253—254.

6) Сахаров, Н. П. Русские народные присловья в сказаниях русского народа. СПБ, 1885, стр. 291.

7) Даль. Пословицы русского народа. Москва, 1861, стр. 348.

Повидимому, действительно в северо-великорусских областях некогда была известна какая-то одежда под именем „понявы", вытесненная более модными формами, вносившимися в крестьянскую среду высшим сословием, вороятно, торговыми людьми, боярами и княжеской дружиной, почему тех, кто продолжал держаться прежнего костюма презрительно называли „понява", в смысле разгильдяй, ротозей: „Эка понява, весь в грязи выволочился" (Арх. губ.) [1]). Значительно труднее составить себе представление, о форме, какую имела великорусская понева. Самые языковые особенности наречий северно-великорусского сравнительно с южно-великорусским, белорусским и малорусским заставляют предполагать довольно продолжительное территориальное и культурное обособление отдельных ветвей восточных славян, во время которого не могла оставаться неизмененной материальная культура и, в частности, костюм. Действительно, археологические памятники, оставленные северно-русскими племенами в бассейне Западной Двины, Новгородской области, верховьях Днепра и Волги (Ростово-Суздальская область) обнаруживают в IX и X веке значительное влияние Скандинавской культуры, Востока через Волжскую Болгарию, Приуралье и Каспий и, наконец, туземной Литовской и, вероятно, несколько позднее Балтийско-Славянской.

Напротив, почти полное отсутствие византийских монет и предметов в наиболее богатых культурных памятниках, как, напр., Гнездовском могильнике [2]), близ Смоленска, указывает на крайнюю слабость сношений и какие то затруднения пользоваться в это время Днепровским путем „из Варяг в Греки", повидимому, окончательно утвердившимся только в X веке [3]).

Наиболее характерным памятником Норманской культуры можно считать новгордские сопки [4]), не проникавшие на Волгу, но распространившиеся на юг по верховьям Днепра, Десны и Сеймы до Черниговской и Курской губерний. Но памятниками, свидетельствующими о зачительном влиянии норманов среди колонизаторов Поволожья, являются курганы в Ростово-Суздальской земле [5]), с значительным процентом погребений через сожжение, по инвентарю почти тождествен-

---

[1]) Даль. Толковый словарь. 3 изд. 1907 г., т. III, стр. 750.

[2]) Сизов, В. И. Гнездовский могильник близ Смоленска. Маг. по Арх. России, № 28, СПБ, 1902 г., стр. 119.

[3]) Пархоменко, Вл. Три центра древнейшей Руси. Изв. II отд. Акад. Наук, т. XVIII, кн. 2, 1913 г., стр. 83—84.

Szalagowski Adam. Najstarsze drogi z Polski na Wschód w okresie bizantynsko-arabskim. Krakow. 1909.

[4]) Спицин, А. А. Сопки и жальники. Тр. Отд. Слав. и Русс. Арх., кн. 4, СПБ, 1899 г., стр. 149.

Спицин, А. А. Расселение древне-русских племен по археологическим данным. Отт. ж. М. Н. Пр. 1899 г., авг., стр. 9—11.

[5]) Спицин, А. А. Владимирские курганы. Изв. Арх. Ком, вып. 15, СПБ, 1905 г., стр. 96.

ные с одновременными шведскими [1]). Культура этих курганов представляет собой обедненный отголосок богатого Гнездовского могильника с перекрещенным влиянием Скандинавии и Востока.

О значительных связях с Востоком не только свидетельствует большое количество арабских диргемов, но и предметы восточной роскоши и искусства, найденные в Гнездове. Туземное Литовско-Латышское влияние сказывается на древнейших в крае удлиненных курганах с бедным инвентарем, распространенных по Западной Двине, в Новгородской области, по верхнему Днепру и Волге [2]), а также на низких курганах с кострищами X—XI века по Западной Двине и Мсте и южному побережью Финского залива, с вещами близкими Люцинскому могильнику. Кроме Литовско-Латышской группы в близком взаимодействии с северно-русскими находились и финские племена: Западная и Поволожская группы. При этом весьма рано происходит культурное выравнивание славянского и туземного население как на Западе, так и на Востоке.

Курганы XI, XII века, одинаковые в Петербургской и Ростово-Суздальской Области, имеют общий северно-русский характер и только поближе к Оке отличаются примесью финских вещей. Финские племена: чудь, весь, меря, живут по свидетельству летописи общей жизнью со славянами. Однако, несмотря на это; до настоящего времени сохраняются даже в самом центре древних славянских областей Тверской, Новгородской, Петербургской губ. целый ряд западно-финских племен со своим языком и особенностями быта. Изучение их культуры и языка сравнительно с волго- и восточно-финнами обнаруживает значительное влияние на первых славян, начиная с обще-славянской эпохи (уже в мордовском языке этих ранних славянских и прарусских заимствований совсем нет) [3]), а также германцев с до-готской эпохи и балтийцев.

Этими влияниями, как и более поздними, обусловливаются и те значительные изменения, которые переживал костюм прибалтийских финнов (покрой рубахи, выходной горничный костюм) сравнительно с финнами Поволожья, позднее попавшими в сферу волго-булгарской культуры. Детальное рассмотрение этих вопросов здесь неуместно, но нам важно остановить внимание на одной части западно-финского костюма, неизвестного ни у волго-финнов и чуваш, ни у восточных финнов: я имею в виду особую шерстяную юбку, бытовавшую еще недавно у прибалтийских финнов под именем хурсту [4]) или ursk (у кревингов) [5]). В настоящее время этот костюм вышел,

---

[1]) Спицин А. А. Древности Иваново-Вознесенск. губернии. Ив.-Возн. 1924, стр. 12.

[2]) Спицын, А. А. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. Отт. Тр. Отд. Слав. и русс. арх., кн. 4, 1899 г., стр. 2—3.

[3]) Mikkola J. J. Das Verhältnis des slavischen Wortes Kъnjiga zum ungarischen könyv „buch" und dem mordwinischen konov „papier" Fin. Ugr. Forsch. 1901, h. I, стр. 114.

[4]) Миллер. Системат. опис. коллекций Дашковского Музея. В. I, М., 1887 г., стр. 20.

[5]) Шегрен А. М. Извлеч. из отчета об. этн. эксп. в Лифл. и Курл. ЗГО II, 1847, стр. 256

Manninen J. Die Volkstracht der Kreewinen und ihre volkskundliche Verwandtschaft (нем. резюме) Eestirahva Muuseum, Tartu, 1925 год, стр. 133 и 158.

повидимому, совсем из употребления, но в коллекциях Румянцевского Музея имеются два образца подобной юбки ингров или ижорцев Петергофского уезда, вывезенные А. М. Раевской в 1868 году из деревень Усть-Радицы, Турова (или Шишкина) и Коскова или Ломоносова.

Хурсту представляет собой четырехугольный трапецевидной формы кусок шерстяной материи, в одном случае черной из продольных точей, в другом, что особенно интересно, клетчатой красной, синей, желтой на белой нитяной основе, весьма близкой по выработке поневным тканям. Такого рода плат обертывает левый бок и, помощью пришитой к двум его верхним углам лямки, прикреплется на правом плече. Правый бок остается открытым благодаря несходящимся полам этого одеяния (см. рис. 29). Не трудно заметить значительную близость западно-финской хурсту к более примитивным типам понев без прошвы. Отличает

Рис. 29. Женщины ижорки в юбках-плащах „хурсту“ по старым коллекциям Румянцевского Музея.

Fig. 29. Femme finnes d' Ingernlands en jupons-manteaux „khourstou“.

хурсту от поневы только способ укрепления хурсту на теле не в поясной части, а на одном плече. Иногда хурсту одевалось так, что левая рука была им прикрыта; получался как бы род плаща. Повидимому, хурсту генетически связан с платьем типа древне-русского корзно, застегивавшимся на правом плече сустугом-пряжкой. Об этом ясно свидетельствует сопоставление ижорского хурсту, эстляндского kôrt или kört, (что по Wiedemann'у означает обертываемый вокруг тела плат) с целым рядом аналогичных форм, некогда распространенных в женском костюме у балтийских племен, начиная с XII века и почти до наших дней, как это можно видеть из материалов, опубликованных А. Heikel'ем в его книге Volkstrachten in den Ostseeprovinzen und in Setukesien [1]). Таковы, например, старо-литовские margine — два куска сукна, которые обертывались каждое под рукой вокруг тела и застегивались на противоположных плечах пряжкой [2]), и латышские willaine от (wilna — шерсть) или sagscha (от segt — покрывать), скрепляемые огромной чашевидной застежкой фибулой — ssakta на

---

[1]) Heikel Axel. Volkstrachten in den Ostseeprovinzen und in Setukesien. Hels., 1909, стр. 13.

[2]) Appellgren-Kivalo, H. Finische Trachten aus der jungeren Eisenzeit. Hels., 1907.

груди или на одном плече [1]). Сюда же F. Kruse [2]) относит, сопоставляя все эти формы с греческим himation и римским laena, исчезнувшие уже при нем эстонские женские söbla (по его словам может быть от sabba-хвост) и coppa или capó „скандинавских женщин".

Эти формы делают весьма вероятным предположение о возможности развития поневы и плахты во взаимодействии с некоторыми плечевыми элементами костюма, которые сами с появлением верхних одежд с рукавами обнаруживают стремление превратиться в женском костюме в набедренное одеяние. Особенно при этом обращают внимание в кругу описываемых форм близкие типы выработки шерстяной ткани клетчатой, красной шашечной, наконец, синей с красной каймой, которые сохранились и в позднейших дериватах несшитых плащевидных форм — юбках литовцев и латышей, а также некоторые своеобразные способы одевать подобные плащи (фотография 57 у Heikel'я) вокруг бедер, подымая края и закрепляя их у локтя руки, что дает вид подоткнутой поневы.

Все эти данные, расширяющие этно-культурную область бытования рассматриваемых типов поневы-плахты и связывающие их в одну группу с плечевыми плащами лишь косвенным образом устраняют вышеуказанное сомнение в том: может ли рассматриваемая нами понева принадлежать древнему северно-великорусскому слою славянского населения Мещерского края.

Остается невырешенным, во-первых, вопрос, при каких условиях и в какую эпоху жизни северно-великорусского или северно-русского наречия происходило исчезновение поневы почти на всей его территории, во вторых, должно ли считать описанную группу мещерских понев характерной вообще для всей северно-русской ветви, если же нет, то в каких этно-культурных условиях происходило ее развитие. Первый вопрос тесно связан с другим — о происхождении „сарафана". На нем нам придется еще несколько остановиться в следующей главе. Что же касается второго, то надо заметить, что уже самое разнообразие мещерских понев, принадлежащих в основе к двум из трех подтипов типа поневы, указывает на то, что славянский слой мещерского населения, даже за вычетом элементов влияния южно-рязанской сильно акающей группы, не является однородным и предполагает несколько вошедших в него компонентов, правда, из какой-то, до известной степени, общей среды. Иначе пришлось бы видеть в главнейших подтипах мещерской поневы продукты более позднего расчленения на данной территории первоначальной формы, что вряд ли возможно, так как ясно выраженные границы распространения этих подтипов предполагали бы существование в Мещерском крае, по крайней мере, двух

---

1) Heikel, A. loc cit стр. 93—106.
Bielenstein, A. Holzbauten und Holzgeräte der Letten Teil, Petr, 1918, стр. 413, 703.
2) Kruse, F. Necrolivonica oder Alterthümer Liv-Esth und Curlands. Dorpat, 1842, Anastasis der Waräger-Russen. Analyse der Kleidung стр. 32—33.

самостоятельных областных центров развития, на что нет никаких исторических данных. Необходимо, конечно, принимать при этом во внимание и участие местного до-славянского населения, о чем мы, отчасти, уже говорили при обзоре поневного орнамента, учитывая, что сама поневная форма чужда финскому костюму.

Остановимся прежде всего на вопросе какие северно-великорусские (вернее северно-русские) группы принимали участие в образовании древнейшего славянского слоя в населении Мещерского края. Палеоэтнологические данные знакомят нас со славянским населением в пределах рассматриваемой территории не ранее XI века. Мы не знаем в Мещерском крае ни одного курганного погребения с сожжением, которые, исчезая, вообще, у русских славян, приблизительно, к самому началу XI века и даже раньше, дают возможность заключать, например, о значительном притоке в Ростово-Суздальскую область в продолжении X века славянского населения, пропитанного норманской культурой. Однако, и курганы XI века мало известны на севере Рязанской губернии, отличаются бедностью и плохо датируются. Из них курганы, раскопанные в Зарайском и Рязанском уездах, содержат общий для русских курганов мало выразительный инвентарь (трехшипные серги, бубенчики, малые проволочные височные кольца), не говорящий о связях ни со Смоленскими Кривичами, ни с колонизованной ими Ростово-Суздальской областью. Только Егорьевские курганы [1]) оказываются сродными с Ростово-Суздальскими.

Однако, это не заставляет думать, что славянской колонизации сюда не было и раньше. Проникавшие сюда частью славяне могли не пользоваться для погребения курганными насыпями, которые появились далеко не одновременно у различных восточно-славянских племен в различных случаях, приблизительно, между IX и XII в., а у некоторых же групп, повидимому, не появились даже совсем, что стояло в связи с запаздыванием внедрения курганного обряда, (распространявшегося с северо-запада и запада, частью под влиянием норманов, частью—местных балтийских традиций) сравнительно с течениями христианизации, проявлявшей тогда свое действие раньше, чем успел привиться курганный способ погребения. Так, повидимому, последний остался чужд некоторой части восточно-русских славян (Тмутараканское княжество), сидевших в низовьях Дона. Археологические данные, таким образом, не в состоянии пока полностью осветить ранние моменты славянской колонизации Мещерского края, где, действительно, могли играть роль племена, например, Вятичи, которые и по летописным данным в то время не оставляли после себя курганов, дающих пока почти единственный археологический материал для суждения об особенностях культуры различных восточно-славянских племен. Мы только можем положительно утверждать, что, поскольку Смолен-

---

[1]) Городцов, В. А. Древнее население Рязанской области. Изв. II отд. Акад. Наук. Т. XIII, кн. 4, 1908 г., стр. 144.

ские Кривичи, заселившие Ростово-Суздальскую область, являются племенем наиболее рано воспринявшим курганный способ погребения, они не играли сколько нибудь заметной роли в образовании населения Мещерского края X—XI века, и Ростово-Суздальская колонизация не достигала ни нижнего, ни среднего течения реки Оки. Скорее всего этому долго препятствовало значительное ядро туземного населения, лишь к XIII веку становившегося заметно русским.

Этот вывод находится в некотором соответствии и с диалектическими особенностями современных Мещерских говоров. Северно-великорусская их основа обнаруживает существенное различие от нецокающих говоров Ростово-Суздальской области (не знавших цоканья уже в памятниках XIII века, напр., „Житие Нифонта" 1219 г. и „Толковый Апостол", написанный в Ростове, и XIV века, как Лаврентьевская летопись 1377 г., написанная в Суздале или Нижнем Новгороде) [1]), захватывающих отсюда на восток почти всю Нижегородскую губернию, за исключением Лукояновского уезда, и далее—Среднее и Нижнее Поволожье (в частях, занятых в XVI веке и позже переселенцами из Суздальщины), на запад северные уезды Московской губернии и северо-западную часть Тверской, на север юго-восточную часть Ярославской и западную Костромской. Но даже и спорадически встречающиеся в Ростово-Суздальской области цокающие говоры, которые В. Чернышев [2]) рассматривает оставшимися здесь от первоначальной Новгородской колонизации, принадлежат той ветви Новгородского населения, которая незнакомством с меной *в* на *у* особенно резко отличается от господствующего в Мещерском крае произношения.

Значительно более говоры северных уездов Рязанской и Тамбовской губерний, с прилегающими частями южных уездов Владимирской и Нижегородской губерний, приближаются к Вологодско-Вятским [3]), которые расположены на север от Ростово-Суздальской области и ныне не соприкасаются с рассматриваемыми. Мы уже говорили выше о мнении Шахматова и Будде об отношении вятских говоров к касимовским. Некоторые же черты сходства Мещерских говоров с Владимиро-Волжскими могут частью покоиться на возможном позднейшем распространении Мещерского населения на север по Меленковскому и Судогодскому уездам вплоть до Владимира, о чем говорят еще недавно бытовавшие там формы мещерской поневы (см. выше), а также, повидимому, об'ясняться более сильным влиянием на говоры Владимиро-Поволожской группы акания, недостаточным усвоением которого северо-великорусскими говорами вызывается, например, замена *о* на *у*

---

[1]) Соболевский, А. И. Опыт русской диалектологии. Вып. I. Наречие великорусское и белорусское. СПБ, 1897, стр. 33.

[2]) Чернышев, В. Сведения о говорах Юрьевского, Суздальского и Владимирского уездов. Сборник II, Отд. Акад. Наук, т. LXXI, № 5, 1901 г., стр. 35.

[3]) Дурново, Н. Н., Соколов, Н. П. и Ушаков, Д. Н. Очерк русской диалектологии. Москва, 1915 г., стр. 43.

в начале слова за слог до ударения (утопри, угоро́т) [1])—почти единственная общая черта в соседних частях Рязанской и Владимирской губерниях, отсутствующая в Вологодско-Вятских говорах. Возможно было бы привести для доказательства различного происхождения населения прилегающих частей Рязанской и Владимирской губ., открытую именно здесь исследованиями Е. П. Чепурковского [2]) единственную резкую в Великороссии антропологическую границу между наиболее брахицефальным „Валдайским“ (средний головной указатель—83) и наиболее долихоцефальчым несколько темнее окрашенным „Рязанским“ типом (средний головной указатель—менее 80), но, повидимому, происхождение ее не об'ясняется исключительно направлением русской колонизации, но связано также с сохранением особенностей туземного до-славянского населения. Е. М. Чепурковский полагает, что древним является обнаруживающий более однородности восточный рязанский великоросс, продукт метисации первоначальных славянских колонистов с туземным финским также долихоцефальным [3]) населением, тогда как западный валдайский тип продвинулся сюда из белорусского Полесья после татарского нашествия, сменив старое, повидимому [4]), долихокранное курганное племя. Действительно эта смена курганного типа широкоголовым, заметная, например, в Новгородской губернии в жальниках XIII — XV века, обнаружена была А. Богдановым [5]) также при исследовании им старых московских кладбищ и недавно вновь подтверждена Дервизом [6]), доказавшим постепенное возрастание процента брахицефалов в Московском населении, начиная с XV — XVI вплоть до XVIII века.

---

[1]) loc. cit: стр. 27

[2]) Чепурковский Е. М. Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения преимущественно Великороссии в связи с колонизацией ее славянами. М. 1913.

Чепурковский Е. М. Распределение головного показателя русских крестьян по уездам. Рус. Антроп. Журн., т. 12, кн. 1—2. М., 1922, стр. 119—130.

Чепурковский Е. М. Антропология белоруссов. Курс белорусоведения. Москва, 1918—1920 г., стр. 145—151.

[3]) Бунак, В. В. Антропологический тип черемис. Русский Антропологический Журнал, т. 13, вып. 3—4. М. 1924, стр. 156, 160—162.

[4]) Талько-Грынцевич Ю. Д. Опыт физической характеристики древних восточных славян. СПБ, 1909. Хронологическая неопределенность, неодновременность и недостаточность картографиров. материала не позволяют вполне твердо опираться на выводы этой работы о типе славянских насельников территории Великороссии.

[5]) Богданов А. П. Доисторические Тверитяне по раскопкам курганов. Антропологическая Выставка, т. III, стр. 382 392. Известия Общ. Любителей Естествознан., Антроп. и Этногр., т. XXXV. Москва, 1882.

Богданов А. П. Древние Новгородцы в их черепах. Антропологическая Выставка, т. III ,стр. 462—475. Изв. Общ. Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, т. XXXV, М., 1882.

[6]) Дервиз Д. В. Черепа из старых Московских могильников. Русский Антропологический Журнал, т. 12, кн. 3—4. М. 1923, стр. 38.

Богданов А. П. Черепа из старых Московских кладбищ. Антропологическая Выставка, т. II, стр. 330—333. Изв. Общ. Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, 1879.

Однако, чисто исторически нет возможности допускать в после-монгольскую эпоху столь значительного отлива населения из Полесий, чтобы покрыть огромную территорию северной Великороссии одним господствующим антропологическим типом. Скорее указанное явление позволяет предполагать проступание сквозь курганное племя пока еще не обнаруженного, за отсутствием соответствующих памятников, древнейшего светлого брахицефального типа, распространение которого в таком случае не ограничивалось, как думает Е. М. Чепурковский, Прибалтикой [1]), а и в до-финскую эпоху значительно уходило на восток и северо-восток, проявляясь ныне, м. б., в типе зырян. Во всяком случае пока процесс смены антропологических типов на рассматриваемой территории, связанный кроме того с вопросом о неодинаковой устойчивости в наследовании различных признаков и отбором, не получит дальнейшей разработки в кругу антропологических дисциплин, будет осторожным рассматриваемые нами языковые факты и культурные типы, явно присущие восточно-славянской этнической среде определенной эпохи, не связывать с глубоко интересными расовыми различиями, пронизывающими, м. б., не только славянские, но и до-славянские пласты.

Палеоэтнологические памятники XII и XIII века дают рельефную картину распределения восточно-славянских племен в рассматриваемой области. Так, мы встречаемся с очевидным обрусением туземного населения Мещерского края, которое усваивает в это время курганный способ погребения и вносит, таким образом, в курганный инвентарь целый ряд мало известных до сих пор предметов своей культуры. Таковы курганы, раскопанные Нефедовым близ Касимова (около дер. Поповки) и в урочище Великом Парахинской волости [2]) и мною в с. Нарме Палищинской волости [3]). По культуре они почти тождественны с вещами, найденными близ Жабок [4]) Егорьевского уезда и в Заколпинском могильнике [5]) Меленковского уезда. Вместе с весьма своеобразными туземными предметами (ажурными бляхами, шумящими подвесками, спиральными кольцами, особыми гривнами с коническими головками на концах) здесь встречаются крупные височные кольца с завязанными концами так называемого кривического типа, дающие возможность установить некоторое влияние севера.

Одновременно с этим в юго-западных уездах Рязанской губернии появляются курганы так называемого вятического типа (с семилопастными подвесками и ажурными перстнями). Такие курганы раскопаны в Зарай-

---

[1]) Plane H. Some baltic problems. Journ of the Royal Anthrop. Jnst. V. LII, 1922, стр. 45.

[2]) Нефедов, Ф. Д. Отчет о раскопках в Касимовском у. Антроп. Выставка, т. II, М. 1878, стр. 50—60, 78.

[3]) Материалы хранятся в Гос. Музее Центр.-Промыш. Обл.

[4]) Aspelin I. K Antiquités du Nord Finno-Ougrienne. Livre III, стр. 195—196. Отчет Арх. Ком. 1893 г., стр. 31.

[5]) Макаренко, Н. Е. Новленский и Заколпинский могильники Влад. губ. Тр. Влад. Арх. Ком., кн. 10, Владимир, 1908 г.

Спицын, А. А. К истории заселения верхнего Поволожья русскими. Отт. из Тр. Твер. Арх. С'езда. Тверь, 1905 г., стр. 7.

ском, Рязанском и, наконец, Пронском уездах [1]). Они являются здесь самыми восточными из вятических курганов, занимающих область по обоим берегам реки Оки, отсюда на запад, т.-е. указанную западную часть Рязанской губернии, Тульскую, Калужскую, кроме самых западных частей Жиздринского и Мосальского уездов, где эти курганы соприкасаются с одновременными им курганами смоленских Кривичей, и южную часть Московской губернии до Клязьмы, которая служит северной их границей, отделяющей их от курганов тех же смоленских Кривичей. И всюду в очерченной области курганы с семилопастными подвесками появляются почти одновременно, не раньше конца XI века.

Указанные границы распространения курганов с семилопастными подвесками точно совпадают с показаниями летописи в расселении Вятичей. Киевский летописец Нестор [2]) в начале XII-го века, пользуясь современным ему расселением восточно-славянских племен, народными преданиями и некоторыми письменными источниками, среди которых по мнению А. И. Соболевского [3]) играла главную роль какая то статья, составленная в Новгороде с подробным перечнем племен севера и отсутствием данных о большинстве народов южных, ретроспективно восстанавливает картину расселения восточно-славянских племен IX века. Между Припятью и Двиной он помещает Дреговичей по Десне, Семи и Суле—Северян, по Соже—Радимичей, по Оке—Вятичей. Дальнейшие данные летописи, особенно описание войны Юрия с Из'яславом Мстиславичем хорошо знакомят с землей Вятичей и дают возможность точно наметить ее западные и юго-западные границы в первой половине XII-го века [4]). Пограничными оказываются города Мосальск, Козельск, Мценск (вне Вятичей), Новосильск и др., что вполне соответствует данным археологии. Только северная граница—Мосальск, Таруса, Лопасня—лежит южнее, чем область, куда в XIII веке распространились курганы с семилопастными подвесками московского типа. Но по данным летописи (Лаврентьевской) о войне Святослава Вятичи уже в X веке достигали Волги. Согласуется с археологическими данными и родство Вятичей с Радимичами и, следовательно, одинаково западное происхождение обоих. Наконец, и самое отсутствие курганов в Вятической земле до конца XI века легко об'ясняется летописью, которая рисует совершено иной способ погребения, бытовавший у Вятичей. Еще в начале XII века они сжигали своих покойников, и пепел их в горшках выставляли на перекрестных столбах[5]). В то же время нахо-

---

[1]) Черепнин А. Раскопки Пронских курганов. Арх Изв. и Зам. 1898 г. № 1, стр. 10—17.

[2]) Шахматов, А. А. Повесть Временных Лет. Т. I Петр., 1916, стр. XVIII.

[3]) Соболевский, А. И. Откуда шла русская колонизация в Ростово-Суздальской области. Москва, 1902, стр. 3.

[4]) Багалей, Д. История Северской земли до половины XIV века, стр. 136—145, 111, 128.

Барсов, Н. П. Очерк русской исторической географии. Варш., 1885, стр. 306.

[5]) Повесть Временных Лет. Под ред. А. А. Шахматова, Петр., 1916, стр. 13.

димые на земле Вятичей (Тульская, Рязанская губ.) многочисленные клады VIII, IX,X века, состоящие, главным образом, из куфических монет (арабских диргемов) и изредка Сассанидской Персии, свидетельствуют о значительном населении в Приокской области и энергичных торговых связях с Востоком через посредство Булгарского и Хазаркого царств в это более раннее время [1]).

Вполне естественно видеть в этом древнем населении Вятичей, которые, по данным летописи не только находились в торговых сношениях с Востоком, но в X веке были в политической зависимости от Хазарского царства, платя ему дань вместе с родственными Радимичами, некогда проникавшими согласно исследованиям Багалея и Шахматова [2]) значительно далее вверх по Десне на Оку. Позднее Вятичи, повидимому, еще более продвинулись на северо-восток в северные пределы Рязанской губернии, почему в позднейших летописных редакциях они называются нередко просто „Рязанцами“.

В каком же отношении находится это древнее Вятическое население к современному населению Рязанской, Тульской, Калужской губерний и Мещерскому краю. Мы видели выше, что этнологически необходимо различать два слоя в населении берегов Оки: более древний слой—носителей Мещерской поневы с северно-великорусскими чертами говора и другой, собственно юго-восточно русский, распространивший синюю клетчатую поневу и широко прививший аканье переходным средне-великорусским говорам и белорусскому наречию [3]).

Какую же из этих двух групп следует считать непосредственными потомками Вятичей (археологических). Принадлежат ли курганы с семилопастными, подвесками тому принесшему акание населению южно-Великороссии, которое и теперь находится частью на территории древних Вятичей, или предкам современных обитателей заокских областей с их своеобразной культурой, некогда распространенной на запад, как показывают следы мещерской рубахи и поневы вплоть до Калужского Полесья. В археологии традиционно установился взгляд, что Вятичи

---

[1]) Сахаров, Памятники Тульской губ. Зап. отд. Рус. и Сл. Арх. Арх. Общ. Т. I отд 2, стр. 59—65.

Багалей. История Северской земли, стр. 101.

[2]) Багалей. loc cit, стр. 31—32.

Шахматов, Введение в курс истории русского языка. Ч. 1, Петр. 1916, стр. 59, 101—102.

[3]) Вторичное происхождение белорусского аканья, прививавшегося с востока, доказывается, по Шахматову, а также Дурново, большей молодостью сильного аканья южной и юго-западной Великоруссии сравнительно с более архаичным в основе диссимилятивным аканьем и яканьем востока области, что с очевидностью вытекает из наличия в южных и юго-западных белорусских говорах явлений, противоречащих редукции неударяемых слогов (вызвавшей аканье) и нередкого сохранения этимологического *о* в заударных и конечных слогах.

А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. 1915., стр. XLII и 342.

Дурново. Диалектологическия разыскания в области великорусских говоров. Ч. I. Южно-великорусское наречие. В. 2, 1918 г., стр. 25—27 и 63.

являются предками южно-великоруссов. Но было уже не мало высказано соображений, мешающих с этим согласиться. Самая древность основ славянской культуры Мещерского края, ее самобытность на данной территории и невозможность выводить ее ни с севера, ни с юга, занятых с одной стороны колонизовавшими Ростово-Суздальскую область Кривичами, с другой — южной ветвью великороссов, заставляет искать связи с западом и приписывать именно этот древний слой Вятичам (летописным), которые, издавна укрепившись в Приочьи, двигались на восток и северо-восток по мере растворения финского туземного ядра и в более чистом виде сохранились под защитой лесных и болотистых пространств Мещерского края, частью Калужского Полесья.

Действительно, есть основание искать источника некоторых отмеченных выше форм поневы далеко на западе. Так близкие аналогии для синей тяжелой поневы с красным подольником по характеру и своеобразной выработке ткани известны пока исключительно в костюме Балтийцев: юбка латышей Курляндии по техническим приемам тканья (одностороннее тканье в четыре ремизки при работе одной подножкой) и по окраске оказались совершенно тождественными с синими поневами Мещерского края. Но как мы уже видели, органическая связь самой поневы с прочими поневными группами Мещерского края и наличие ее в тождественных формах в Калужском Полесье не позволяет приписывать ее появление здесь каким-либо более поздним народным включениям. Может быть в этом смысле иначе обстоит дело с гофрированной черной поневой, встреченной мною лишь в одном районе Спасского уезда по реке Пре и, видимо, связанной с широко распространенным обычаем гофрировать юбки на западе в Остзейском крае, в Польше, Галиции и у Южных Славян. Но и в этом случае весьма вероятны древние традиции. Явно соответствует области Вятичей и распространение рубахи с косыми поликами, всюду вытесняемой более широко распространенными типами.

Но возможно ли предполагать у Вятичей те диалектические особенности, которые характеризуют северно-великорусскую основу мещерских говоров. Надо, прежде всего, сказать, что нет никаких положительных оснований считать Вятичей и Радимичей акающими племенами, если условимся выводить их с запада, а не с Дона, тем более что аканье на их окской территории появилось значительно позднее.

После того, как Срезневским [1]) была доказана наличность значительного русского населения XI века в низовьях Дона и ныне уверенность Барсова и Багалея в существовании Азовско-Черноморской Тмутараканской Руси [2]) со сложившимся там вполне в конце Х-го и

---

[1]) Срезневский, И. Русское население степей и южного Поморья в XI—XIV в. Изв. II отд. Акад. Наук 1858 г., т. VIII, стр. 313.

Барсов, Н. П. Очерк русской исторической географии. Варш., 1885, стр. 150—151.

[2]) Багалей, Д. История Северной земли до пол. XIV стол., стр. 26—29, 50—51, 132—134.

Пархоменко. У истоков русской государственности. 1924. стр. 40, 51.

начале XI века сильным русским княжеством, разделяется большинством историков, именно здесь естественно искать, вдали от прочих племен восточного славянства, зарождения тех особенностей южно-великорусского наречия, которые неожиданно начали появляться сквозь традиционные орфографические приемы в памятниках Московской, Смоленской и Рязанской письменности не ранее XIV века [1]).

Принимая соображения Багалея о колонизационном движении Северян на юг и юго-восток вплоть до Донца и Дона, где создался в X, XI вв. центр северянской земли Тмутаракань на Таманьском полуострове, Шахматов в 1899 г. [2]) высказал предположение, что Рязанская земля была заселена именно с юга Северянами, которые и после падения Хозарского царства под давлением кочевников печенегов и половцев должны были покинуть Тмутаракань и вверх по Дону и Донцу удалиться на север. Впоследствии Шахматов под заметным влиянием воззрения Будде, материалы и выводы которого о Касимовских говорах заметно отразились и на статье Шахматова 1899 г., при переработке им статьи 1894 г. [3]) должен был перестроить свои прежние представления об участии тех или иных летописных племен в образовании современных русских народностей и наречий, оставив, однако, неизменным до самого конца убеждение в тесной связи населения южной Великороссии с южным Доном, где находилось значительное славянское ядро во время Хозарского владычества. Поставить в 1907 г. [4]) Вятичей в качестве предков южно-великоруссов акальщиков, Шахматов решился только потому, что нашел в летописи некоторыя основания для доказательства южного происхождения Вятичей, отчего он впоследствии совсем отказался в пользу прямого смысла летописи о западном и ляшском происхождении Вятичей и Радимичей [5]).

---

[1]) Соболевский, А. И. Лекции по истории русского языка. М. 1907, стр. 76.

[2]) Шахматов, А. А. Древнейшие судьбы русского племени, стр. 33—35.

[3]) Шахматов, А. А. К вопросу об образовании русских наречий. Русск. Фил. Вест. 1899 г., стр. 1—12.

[4]) Шахматов, А. А. Южные поселения Вятичей. Изв. Акад. Наук. Петер., 1907,

[5]) Мне кажется, что значение Е. Ф. Будде в истории развития взглядов Шахматова несколько не дооценивается. В появившейся недавно в „Вестнике Рязанских Краеведов" 1925 г., № 2 статье Л. И. Жиркова „А. А. Шахматов и Рязанский узел в его теории образования русских народностей" о Будде упоминается только в такой форме: „со стороны известного исследователя рязанских говоров на статью А. А. Шахматова последовало довольно раздражительное возражение". Но ведь, сам Шахматов в 1907 г. указанные возражения Будде признал „основательными" (Изв. Акад. Н. 1907 г., стр. 727): „Теперь, когда я вижу возможнсть допустить и западную и южную колонизацию со стороны Вятичей не вижу основания настаивать на колонизации Рязанской земли со стороны Северян".

Замечу, кстати, что изложение взглядов Шахматова в указанной статье страдает значительными анахронизмами, напр.: в виду того что не приняты во внимание работа Шахматова „Древние судьбы русского племени", 1919 г., близко касающаяся Рязани, и даже „Очерк древнейшего периода русского языка" 1915 г., Северяне остаются до самого конца статьи средне-русским (т. е. по новой терминологии Шахматова восточно-русским), сильно акающим племенем, да еще род-

Наличием этой южной колонизации с Дона об'ясняет Шахматов коренную разницу населения северной и южной части Рязанской губернии. Если окающее население приокской области пришло сюда с запада, то акающее население остается вести только с юга и признать исконным степным населением, о котором не упоминает летописец в своем перечислении славянских племен, как он не упоминает большинства южных народов (например, хозар, печенегов, половцев, угров, ясов), но существование которого доказывают арабские источники и исторические отношения Киевской Руси и Черниговского Княжества к Тмутараканскому [1]). Весьма возможно, что с этим движением на север и северо-запад в области, занятые первоначально только Вятичами и Радимичами, южных племен, некогда втянутых в круг восточных культур, может быть поставлено в связь появление семилопастных подвесок в культуре Вятичей и Радимичей XI и XII века. Некоторые соображения, высказанные В. И. Сизовым [2]) в 1895 году, на основании анализа орнамента об арабском происхождении семилопастных височных подвесок и несомненное родство их с подобными же подвесками, которые до сих пор можно видеть у ювелиров на улицах средне-азиатских городов (той же величины, покрытая зернью, зубчатая внизу полулунной формы пластинка на полукруглой проволочной дужке), заставляют безусловно признать восточное происхождение за этим украшением. Н. Кондаков убедительными сопоставлениями семилопастной подвески с птичками из Лихвинского клада с серьгою из Киликии (Тарса) возводит их вместе с так называемыми серьгами-колтами к сирийским прототипам—серьгам с флакончиком для духов [3]), откуда эти формы могли получить распространение и в Среднюю Азию.

Указанные в летописи отношения Вятичей и Радимичей, как данников, к Хозарскому царству делают уже сами по себе весьма вероятным проникновение в их среду восточных предметов, но мне думается, что для того, чтобы эти предметы могли сделаться столь обязательной частью костюма, как это мы видим для вятических подвесок, необходимо, чтобы они внедрились в народный бытовой уклад более органически. Это скорее возможно ожидать от того русского населения, которое в бассейне Дона находилось в более близких взаимоотношениях с Востоком.

ственным Вятичам, хотя уже в 1907 г. Шахматов, ссылаясь на Будде и Грушевского, колеблется, признать ли Северян средне-руссами или южно-руссами, а в очерке 1915 г. уже определенно утверждает (стр. XLII), что Северяне являются южно-русским племенем. Вятичей же в работе 1919 г. вместе с Радимичами и Дреговичами Шахматов уже считает племенем в основе восточно-польским.
стр. 715—729.

[1]) Шахматов, А. А. Древнейшие судьбы русского племени, стр. 33, 35.

[2]) Сизов, В. И. О происхождении и характере курганных височных колец, преимущественно, так называемого, Московского типа. Арх. Изв. и Зап. 1895 г. № 6, стр. 177 и след.

[3]) Кондаков Н. Русские клады. СПБ, 1896, стр. 198.

По мере движения на север, восточно-славянские племена, не знавшие сами курганного способа погребения, прививали свои привычки и моду курганному населению Приочья—Вятичам и Радимичам. При этом, поскольку культура Вятичей нам становится известной позднее, чем Радимичей, которые ранее стали насыпать курганы, мы уже не находим у Вятичей форм более приближающихся к первоначальным оригиналам, как у Радимичей, если судить об этом на основании сравнения вятических и радимических подвесок с наиболее древними семи- и пяти-зубчатыми, известными из одиночных находок во Владимирских курганах [1]) и в Рязанском кладе Зарайского уезда [2]) (с арабскими диргемами VII—IX века). Хронологически эпоха вятических курганов совпадает с тем временем, когда, по Шахматову, мы встречаемся со значительным приливом южного населения в Рязанское Княжество, которое, благодаря этому, неожиданно вырастает во второй половине XII века в могучего соперника Владимирского Князя. Одним из эпизодов отлива восточно-славянского населения с Дона Голубовский считает засвидетельствованное летописью прибытие Беловежцев в Русь в 1117-м году. Ими был построен город Белая Вежа в Черниговском княжестве, как повторение Белой Вежи (крепости Саркела) уже разрушенного тогда Хозарского царства.

Первоначальная культура Вятичей была связана с западом, а поскольку возможно в тоже время считать их предками северо-рязанцев, их языку нельзя приписывать ни акание ни черт южно-великорусского консонантизма. Это мнение, соответствующее в известной мере позднейшим взглядам Шахматова, было высказано и подкреплено в 1896 г. Е. Ф. Будде в его труде „К истории великорусских говоров". Но впоследствии, не устранив получившихся противоречий, Будде отказался от этого своего положения, и в работе о говорах Тульской и Орловской губерний 1904 г. стал называть вятическими сильно акающие южно-рязанские говоры [3]). Причиной этому, повидимому, послужило то обстоятельство, что Е. Ф. Будде не считал возможным приписывать акание русским славянам южного Поморья, которых принято было считать в то время Северянами, и потому должен был искать происхождение этой черты в той же среде Вятичей, которым он ранее приписывал северо-великорусскую основу Касимовских говоров: „Если мы вникнем", писал он в 1899 году [4]), „в историческую географию и этнографию и изучим говоры той местности, где предание поселило Вятичей, то заметим, что на всем пространстве этой местности лишь только там, где сама природа с ее условиями могла дать надежный

---

[1]) Спицын, А. А. Владимирские курганы. Рис. № 126, стр. 113.

[2]) Aspelin, I. R. Antiquités du Nord Finno-Ougrienne. Livr III, p. 197, рис. 924.

[3]) Будде, Е. Ф. О говорах Тульской и Орловской губерний. Отт. из Сборн. Отдела Русского Языка и Словесности Акад. Наук, т. XXVI, 1904 г., стр. 2—6, 11, 108 и 111.

[4]) Будде, Е. Ф. Ответ акад. А. А. Шахматову и разбор его последнего мнения об образовании русск. нареч. „Журн. Мин. Нар. Пр.", 1899, № 9, ст. 12, стр. 173—174.

приют части этого племени от взболомучивающего вихря племенных брожений, можно ныне встретить особый и типичный говор, который даст надежные данные для построения типа говора древних туземцев, переживших лишь впоследствии целый ряд перемен после влияния новых культурных условий. На этом основании я думаю, что нет никаких данных для отрицания возможности усматривать в говоре Приокской части нынешней Рязанской губернии остаток языка старых Вятичей, и можно только поднимать вопрос, по моему мнению, о том, говорили ли Вятичи с оканьем или с аканьем. Я лично думаю, что в отдаленное от нас время этот говор по своему вокализму был окающий, но с тем видом оканья, которое было известно и в Московской области и в других соседних местах с тем видом предударного *о*, которое дало впоследствии звук, известный ныне в умеренно-акающих говорах южно-великорусского поднаречия".

Академик А. И. Соболевский, вливая иное содержание в понятие Вятичей, однако, также считает возможным видеть в Вятичах не только предков южно-великоруссов, но и северно-великоруссов, именно, основных колонизаторов Ростово-Суздальской области вплоть до Белозерского края [1]), т.-е. то племя, которое обыкновенно, особенно на основании археологических данных, называют Кривичами.

Во всяком случае, нет ничего противоречащего и в том, чтобы Вятичами считать тот северно-русский, по терминологии Шахматова, культурный слой (знающий *г* взрывное и др.), который необходимо предполагать в основе московского населения, не связанного, однако, южнее Клязьмы с колонизацией Суздальской, как это видно по отсутствию здесь предшествовавших поздним Вятическим курганов Смоленских Кривичей. Обе известные археологически культуры, столкнувшиеся на реке Клязьме, приблизительно одновременны, что особенно ясно обнаруживается в могильниках с коллективными погребениями, как, напр., курганная группа близ села Чашникова [2]) в Московском уезде, где совместно встречаются погребения с височными кольцами „кривического" и „вятического" типов.

Труднее решить, когда произошло первоначальное движение Вятичей на Оку и в каких условиях происходило развитие вятического племенного типа. Уже Святослав в 964 году, согласно „Начальному Своду" (1095 года) застает Вятичей на Оке и Волге [3]).

---

[1]) Соболевский, А. И. Откуда шла русская колонизация в Ростово-Суздальскую Область. Москва, 1902 г., стр. 5.

Его же. Лекции по истории русского языка. Изд. 4, М., 1907 г., стр. 37.

[2]) Чашниковская курганная группа в районе Льяловского Лугового Института раскапывалась мною в 1923—24 году. Материалы хранятся в Госуд. Музее Центрально-Промышленной Области.

[3]) Шахматов, А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПБ, 1908 г., стр. 118—119 и 547.

В предшествовавшем „Начальному" „Древнейшем Своде" Шахматов читает только: „И иде на Волгу на козары. И налезе Вятиче", вставку „на Оку реку"— считает более поздней.

Вероятно там, в восточных областях, вдоль Оки происходило оформление их культуры, повидимому, сильной и самобытной. Будде полагал [1]), что отсюда, как из центра, происходило и дальнейшее древнее расселение их не только в восточном, но и в западном направлении, чем и об'яснял распространение ряда черт их говоров на более значительном пространстве. Шахматов, первоначально возражавший [2]) как против этой гипотезы Будде, так и другой—о ляшском происхождении Вятичей, впоследствии сам широко развивает их в ином направлении в своих теориях. Будде не допускал, собственно, мысли, что жители рек Сожи и Оки были настоящими поляками. Он видел в них древнюю отрасль Кривичей, приведенную на Оку каким то Вятко из рода славян Привислинских, а предание об особом родстве с ляхами не вполне ясно толковал в смысле „отдаленных реминисценций“ о близости языка и обычаев Вятичей со Словенами, сидевшими на Висле.

Шахматов ввел для об'яснения ряда своеобразных фонетических черт многих великорусских говоров, в том числе и рассматриваемой области, новый в данном случае принцип скрещения иноязычных элементов. Так он считал, что смягчение звука *л* твердого во многих северно-великорусских говорах в женском произношении об'ясняется влиянием финской среды. Также, по его мнению, возможно допускать, принимая во внимание, что некоторым финским языкам, например, западно-финским, чужд звук *ч*, —„что то или иное русское наречие под влиянием финнов заменило *ч* через *ц*, при чем смешение *ч* и *ц* было вызвано в дальнейшем смешением этого русского с другими“ [3]). Но особенно широко воспользовался А. А. Шахматов идеей о влиянии западно-славянских племен на великорусские и белорусские наречия. Так, он отводит большую роль в истории образования многих языковых явлений в интересующей нас области Мещерского края, мазуракующим говорам. Невозможность по его мнению об'яснить во всей сложности такие факты речи, как шепелявое произношение *ц*, *з*, *с*

---

[1]) Будде, Е. Ф. К истории великорусских говоров. Казань, 1896 г., стр. 284, 293.

[2]) Шахматов, А. А. Критический отзыв Евгения Будде. К истории великорусских говоров. СПБ, 1898 г., стр. 29—30.

Так, мы находим здесь следующее замечание Шахматова: „Если Будде настаивает на какой то особенной близости шепелеватых говоров с говорами польскими, то ему незачем было указывать на сохранившееся, по его мнению, в летописи предание о родстве не только Вятичей (родоначальников приокских говоров, согласно автору), но и прочих русских племен с ляшскими (?). Лингвисту незачем настаивать на предании о происхождении Вятичей от ляхов, тем более, что его следует понимать только так, что Вятичи и Радимичи пришли на Оку с запада“.

„Не могу согласитьск с тем, что Вятичи, явившиеся на Оку с запада, снова двигались на запад“.

Но в „Очерке“ 1915 г. (стр. 347—348) Шахматов уже ссылается на это мнение Будде: „Обильные данные для дзеканья и цеканья в Касимовских говорах находим у проф. Будде, который высказал при этом предположение, что особенность эта занесена в Касимовский уезд Вятичами, бывшими от рода Ляхов“.

[3]) Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Ч. I, Петр., 1916 г., стр. 55—56.

мягких и средние звуки на месте *т*, *д* мягких, часто при наличии цоканья и чоканья, а также *ч* твердое, дзеканье и цеканье, ни финской средой, ни физиологическими причинами, заставляет А. А. Шахматова [1]) предполагать, опираясь на предания летописи и некоторые, правда, мало очевидные, исторические данные о потеснении польских народностей в VIII—IX веке аварами, значительное участие восточно-ляшских племен в колонизационном движении русских на северо-восток и восток.

Восточно-польское ядро Шахматов предполагает окрепшим в современной Белоруссии, через которую двигались в северное Поднепровье и Озерную область северно-руссы. Его составляли, повидимому, племена Радимичей, возможно, Дреговичей, а также, по последним заключениям Шахматова, и Вятичи [2]). Ко времени встречи с восточно-руссами племена, раньше покоренные северно-руссами (а Дреговичи — южно руссами), были достаточно уже ассимилированы последними [3]). Этим, конечно, и об'ясняется северно-великорусская основа многих приокских говоров, в том числе московских и описываемого Мещерского края с особыми чертами, присущими белорусскому наречию и в то же время характерными и для ряда цокающих говоров северно-великорусской области. Повидимому, в таком случае ассимиляция с северно-руссами произошла сравнительно рано, и курганный способ погребения не успел еще тогда привиться этим племенам, двинувшимся на восток.

Рассмотренные нами формы костюма не дают достаточных материалов, чтобы подтвердить существование именно польских черт в культуре Мещерского края. Возможно, все-таки, как видели выше, говорить о некотором тяготении к западу, что проявляется, напр., в наличии некоторых элементов (тканевая выработка и расцветка) характерных для синей тяжелой поневы Мещерского края, в костюме латышей, знавших ранее также обертываемые вокруг тела суконные willaine или margine литовцев.

На существование поневы у западных славян вообще не имеется никаких указаний, если не считать безусловно неопределенно приуроченного к полякам, вероятно, относящегося к белоруссам-католикам свидетельства Георги в XVII веке [4]), что „юпки их шерстяныя пестрыя, не сшивныя, но складчатыя поневы также собственнаго рукоделия, испещренные тканьем разных шелков и бумаги". Надо думать, что если поневный костюм был когда-либо известен западным славянам, то он у них давно исчез под влиянием запада. Что же касается возможности обнаружить столь далеко на востоке общие с балтийцами

---

1) Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Петр., 1915 г., стр. 317—318, 329—330, 347—349 и XIX—XXII.

2) Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русских племен. Петр., 1919 г., стр. 24, 37—39.

3) Шахматов А. А. Очерк древн. периода истории русск. языка, стр. 347.

4) Георги I. Г. Описание всех обитающих в Российском государсгве народов СПБ, 1799 г., ч. IV, стр. 71.

черты, то это находится в соответствии с предположением, высказанным еще С. М. Соловьевым [1]), что литовские племена издавна соприкасались с ляшского происхождения Радимичами и Вятичами, и движением последних на восток отторгнутые их части могли оказаться увлеченными до бассейна Оки, как например, Голядь, упоминаемая, в 1147 году в Ипатьевской Летописи „верх по Поротве“, на правом притоке реки Москвы. А. И. Соболевский, на основании данных Новгородской Летописи, сообщающей за первую половину XIII в. о целом ряде набегов Литвы на юг Новгородской области вплоть до Бежецка и Торжка, предполагает, что Литовская земля в это время своими западными пределами должна была занимать лесистые и болотистые пространства Смоленской, Московской и Тверской губерниий [2]). Однако, безусловно литовские названия притоков реки Оки — Упы (лит. ùpe — река) и Жиздры (Ziezdros — „крупный песок“,— в качестве названия реки в Россиенском уезде) в Калужской губернии могут, по мнению Е. Ф. Карского [3]), быть принесенными с запада русскими племенами, находившимися в близком общении с Литвой (что для нас уже и является существенным) и не говорить обязательно о присутствии здесь коренной Литвы, подобно тому, как, по мнению А. И. Соболевского, местности Московской, Калужской и Орловской губернии, связанные с названием Голядь, указывают не на места коренного жительства этого племени, а на колонии его среди русского населения.

Тем не менее, если не литовские колонии, то явные следы взаимодействия с Литвой далеко проникали на Восток по реке Оке. Трудно сказать на долю чьих реминисценций, соседей-ли Владимирцев или самой Касимовской Мещеры следует отнести тот факт, что крестьяне Судогодского уезда уверяют, что к югу от них, в районе Великого озера, в пределах Егорьевского и Касимовского уезда живет Литва [4]). Это название Литвой своих южных соседей замечается, вообще, вдоль северной границы средне-великорусских говоров, начиная с Московской губернии, где оно, например, в Дмитровском уезде сохраняется наряду с названиями Голяды, и до Тамбовской и Нижегородской губ. Хотя отчасти и правильно повидимому предположение Д. К. Зеленина [5]), связывающего некоторые из групп населения, известного у соседей под именем „Паны“ и „Литвы“ в южных уездах Владимирской и Нижегородской губерний, с выходцами вольными и невольными (пленными) из-за Литовского рубежа при царе Алексее Михайловиче, которые имеются, судя, например, по типу белорусского гончарного

---

[1]) Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Изд. 3, 1857 г. Т. I, стр 81. Барсов. Очерки русской исторической географии, 2 изд., Варшава, 1885 г., стр. 45.

[2]) Соболевский А. И. Где жила Литва. Изв. Акад. Наук 1911 г., стр. 1051—1054.

[3]) Карский Е. Ф. К вопросу о влиянии литовского и латышского языков на белорусское наречие. Варшава., 1902 г., стр. 6.

[4]) Шахматов, А. А. Описание лѣкинского говора. Егорьевск. уезд, Рязан. г. Изв. Отд. Русского Языка и Словесности Акад. Наук, 1913 г., № 4, стр. 174.

[5]) Зеленин, Д. К. Великорусские говоры, стр. 495—496.

круга в Воскресенском уезде и, в Московской губ. [1]), но безусловно нельзя согласиться с мнением И. Е. Лахерма [2]), что „по антропологическим и этнографическим данным куршаки (жители по реке Курше, Касимовского уезда) здесь переселенцы, быть может, именно, обрусевшая Литва“. Напротив, тип куршаков производит впечатление скорее наиболее связанного с древними культурными наслоениями области, и отдельные элементы их быта как бы подстилают всюду культурные формы населения Мещерского края. Об этом ясно говорит, например, рассмотренное выше распространение „куршинской поневы“ на восток в пределы Елатемского и Темниковского уездов.

Я оставляю рассмотрение этих вопросов до конца очерка в связи с выделением этнографических групп населения Мещерского края. Также не стану пока останавливаться здесь и на вопросе об участии населения Мещерского края в более позднем колонизационном движении на юго-восток, в Пензенскую и западные уезды Саратовской губернии [3]) и на юг, юго-запад и запад, где его присутствие отмечено, хотя-бы географическими названиями с корнем мещера как-то: село Мещерское и дер. Мещерские выселки в Тульском уезде, село Мещерки (Зверинец), с. Мещерское (Богородское) в Ефремовском у., с. Мещерка (Андреевка) в Веневском уезде; д. Мещериново в Каширском уезде; с. Мещерино (Рождествино) в Чернском уезде [4]), ряд старых названий в Московской губ., как-то по Писцовым книгам XVII в. [5]) сельцо Мещерсково в Московском уезде, село Мещериново при речке Северке [6]), Мещериновская пустошь, Мещерка в Коломенском уезде, вплоть до с. Мещерского Пронского уезда [7]) и речки Мещерки—притока реки Воронежа (ниже Задонска), наконец, часто называемого Мещорском, города Мещовска (древнего Мезьчьскъ) [8]) Калужской губернии. Сколь необходимо учитывать все эти позднейшие переселения прекрасно показал в своем труде „Великорусские говоры“ Д. К. Зеленин.

---

[1]) Куфтин Б. А. и Россова А. М. У гончара-кустаря Дмитровского и Воскресенского уезда Московской губ. С. 13 рис. Москва 1926 г.

[2]) Лахерма, И. Е. Отчет о поездке в Рязанскую губернию. Этнографическое Обозрение. 1916 г., № 1—2.

[3]) По этому вопросу мною была сдана в 1923 году в редакцию Журнала „Этнографическое Обозрение“ для первого номера статья „Русская Мещера Пензенской и Саратовской губ.,“ но, по независящим от редакции обстоятельствам, этот номер не имел возможности появиться в свет.

[4]) Смирнов, М. И. О князьях Мещерских. XIII—XV вв. Тр. Ряз. Учен. Арх. Комисс. т. XVIII, в. 2, 1904 г., стр. 165.

Материалы для географии и статистики России, т. XLIV. Тульская губерния. СПБ. 1862 г.

[5]) Иванов, П. Обозрение Писцовых Книг по Московск. губ., Москва, 1840 г. стр. 125, 281.

[6]) Иванчин-Писарев, Н. Д Прогулка по Коломенскому у. М. 1843 г., стр. 53.

[7]) Барсов, Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885 г., стр. 54, 259.

[8]) Шахматов, А. А. Очерк древн. пер. ист. русск. яз. 1915, стр. 248.

Нам останется теперь только резюмировать наше основное положение—видеть в восточной группе средне-великорусских говоров, преимущественно в носителях мещерских типов поневы и рубахи с косыми поликами, не простой продукт взаимодействия на данной территории соприкасавшихся северно-великорусской и южно-великорусской ветвей, а самостоятельную, продвинувшуюся с запада группу—прямых потомков племени, занимавшего некогда среднее течение реки Оки, на запад вплоть до Калужской губернии, возможно летописных Вятичей, язык которых характеризовался северно-великорусским чертами, (отличными, однако, от языка древней Суздальщины), и впитавшимися в него, по Шахматову, восточно-польскими элементами, а материальная культура (костюм) несла некоторые следы связи с западом (см. вышеуказанные соответствия в костюме русской мещеры и латышей). Заселив, видимо, еще в IX веке, область среднего и верхнего течения р. Оки, а, возможно, раньше и верховья Дона, что следует из указаний летописи на связь Вятичей с хозарами, это население постепенно просачивалось, растворяя туземные племена, и к северу от р. Оки в мещерские леса. Под влиянием подымавшихся вверх по Дону с южного Поморья акальщиков южно-великороссов, носителей клетчатой поневы, культурно бытовые особенности этого древнего населения сильно нивелировались, потеряв многие характерные свои особенности. Однако, в лесной мещерской стороне древнее поселение сохранилось лучше всего, оставив местами и на территории своего прежнего обитания в глухих частях Калужского Полесья следы древнего костюма (тяжелую узорную поневу и третий вариант рубахи), а также, вместе с тем, ряд диалектологических черт, характеризующих вообще западную группу южно-великорусского наречия. Последующие передвижения населения с севера на юг и обратно сильно стерли своеобразие древнего слоя. В области самой Москвы это сказалось особенно ярко на костюме, в полном исчезновении древней поневы под влиянием широко распространившегося с севера и северо-запада, повидимому, под влиянием боярского костюма сарафана с пуговицами. Понева, еще недавно бытовавшая в некоторых южных уездах Московской губ., может быть, уже являлась там позднейшим наслоением проникшим туда вторично с южно-великорусскими выходцами, например, в связи с переселением крестьян помещиками в крепостное время. Имеются некоторые сведения о поневе в Бронницком [1]), Подольском [2]) уездах, в Верейском [3]) уезде у так называемых „шуваликов“ (крепостных графа Шувалова). Нигде, к сожалению, не дается сколько-нибудь подробного описания этой поневы, чтобы судить о типе и принадлежности ее к той или иной группе.

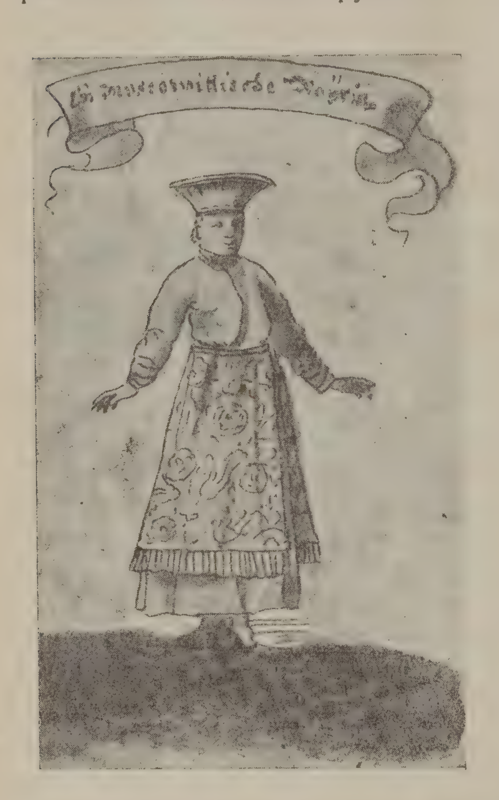
---

[1]) Семевский В. И. Домашний быт и нравы крестьян во второй пол. XVIII века. Журн. „Устои“ 1882 г. № 1, стр. 216.

[2]) Лавровский Е. М. Очерк села Кленова, Подол. у. Приложение к сборн. статей: Сведения по Моск. губ. Отд. Хоз. Стат. т. VI, вып. 1, Москва, 1879 г., стр. 286.

[3]) Чернышев В. И. Несколько сведений о быте и говоре шуваликов. Изв. Отд. Русск. Языка и Словесности Акад. Наук. X, 1905 г., кн. 2, стр. 365.

По отсутствию рубахи с косыми поликами можно было бы думать, что понева является южно-великорусской, но своеобразие цокающего произношения с средним звуком между *ц* и *ч*, с заменой иногда *ц* через *с*, (напр. „до серквы") у „шуваликов" говорит о несколько особом происхождении данной группы.

О том, что у крестьян Московской губернии понева еще в XVIII веке была господствующим костюмом и при этом понева особого, типа свидетельствует Мейерберг, давший в своем альбоме [1]) рисунок московской крестьянки в поневе без прошвы. Понева, как видно (см. рис. 30), с хорошо выраженным подольником и с узорным, а, во всяком случае, не клетчатым полем, одета так, что разрез приходится на правой стороне. Это самое старое изображение великорусской поневы и единственное—Московской, какое мне известно. Оно вселяет уверенность, что некогда распространение на запад узорных форм поневы захватывало и Московскую губернию, как это можно ожидать по распространению некоторых соответствующих форм головного убора.

Рис. 30. Московская крестьянка XVII века в рубахе, узорной поневе-растополке (без прошвы) и кокошнике. Из альбома Мейерберга, лист 59.

Fig. 30. Payssanne de gouvernement de Moscou de XVII-me siècle à chemise, à panïova ornée de dessins et à pans écartés et à cocoschnique. Album de Meierberg, page 59.

---

[1]) Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. Изд. Суворина. 1903 г., стр. 24, лист 59.

3. Сарафан.

Сарафан, который в великорусском женском костюме является территориальным заместителем поневы, играя, как последняя, роль выходного горничного костюма в районах, где понева неизвестна или вышла из употребления, в рассматриваемой области оказывается всюду сравнительно новым пришельцем. Мне не удалось найти в Мещерском крае почти ни одного села и деревни, где бы о сарафане можно было говорить, как о коренном костюме. Всюду он появлялся здесь на памяти настоящего самого старого или прошлого поколения взамен туземной поневы и редко где насчитывает более 100 лет своего пребывания. О поневе не удалось мне собрать воспоминаний только в некоторых деревнях Владимирской губернии, пограничных с Касимовским уездом и в большом селе Спасского уезда — Ижевском, где старым костюмом называли исключительно сарафан. Однако, что касается Владимирской губ., так и там, как видно из топографического ее описания 1784 года, в юго-восточных уездах до самого Владимира еще в XVIII веке господствующим костюмом была понева.

Несколько иначе обстоит дело, если мы будем следить не столько за распространением самой формы костюма, за которым утвердилось в литературе наименование сарафана, сколько за распространением термина „сарафан“. Мы встречаем некоторое несовпадение обоих явлений. На территории северных уездов Рязанской губ. термин „сарафан“ явно древнее, чем обычно соответствующий ему костюм. Под именем сарафана или „короткого сарафана“ издавна известна в С.-З. углу Касимовского уезда (в Палищинской вол., в Курше, в Колесниковской вол.) и в восточном углу Егорьевского уезда на запад, до водораздела Поли и Цны (дер. Кузнецы, Семеновской вол.) короткая верхняя, главным образом, полотняная женская узорная рубашка без рукавов (нагрудник), надеваемая при поневе и называемая в других частях края „навершником“, „носовником“ и под. (см. гл. IV). В названном районе термин „сарафан“ утвердился прочно в подобном приме-

нении, и другого, заменяющего его,—здесь не помнят. В таком же смысле термин „сарафан", часто уменьшительно: „сарафанчик", известен и в северной части Елатемского уезда (Нарма, Вышера и др.).

Короткий белый женский „сарафан" заменялся в соответствующем девичьем костюме таковым же длинным, почти наравне с подолом рубахи, также носившим здесь наименование „сарафана" или местами „шушпана". В этом случае он морфологически связан еще с одной формой, тоже называемой в Мещерском крае „сарафаном", а в других областях „кастоланом" (напр., в пограничных уездах Калужской, Смоленской и Тверской губ.). Эта последняя форма шьется из белой холстяной или шерстяной самотканной материи в виде широкой в подоле и узкой в плечах рубахи без рукавов.

Такого рода белые шерстяные сарафаны с красной иногда и синей обшивкой ворота и подола до последнего времени еще встречаются у старух в селе Инякине на самом юге Касимовского уезда. Эти „белые сарафаны с плечами" также, повидимому, являются старым туземным костюмом, резко в культурном отношении отличным от соб-

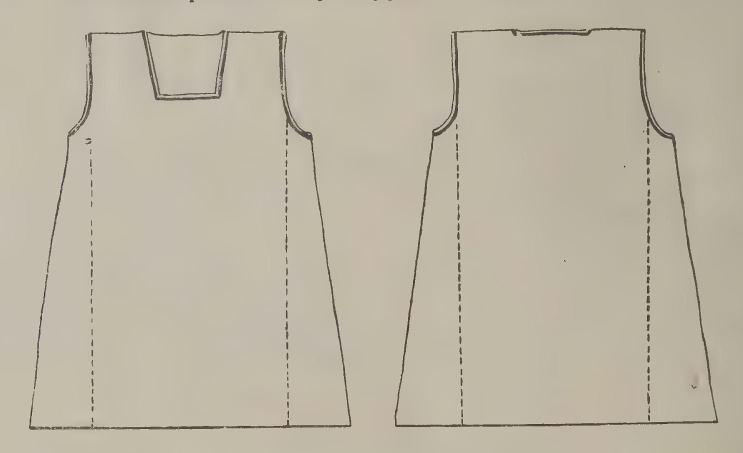

Рис. 31. Белый шерстяной „сарафан" (Касим. у., с. Инякино)
Fig. 31. Sarafane de laine blanche du région de Meschtschera du gouv. de Riazane.

ственно сарафанов, позднее здесь появившихся и повлиявших вторично на белые сарафаны, которые местами начали синиться, сохраняя совершенно прежний покрой (Жданово). Эти последние оказывались, таким образом, как бы переходными формами между группой белых коротких сарафанов, длинных белых шерстяных и крашеных собственно сарафанов. Но было бы методологически неправильным их просто так в этой генетической цепи и рассматривать. Эти формы для данного района связаны с различными этнографическими группами и различными хронологически культурно-историческими течениями, и потому представляется важным не столько их смешивать, сколько, первоначально разделив, выяснить их отдельную судьбу и историю, как в данном районе, так и на более обширной территории. Трудность заключается в том, что действующая между сходными в каком-нибудь отношении

типами сила аналогии создает скоро промежуточные формы, нередко очень близкие с родоначальными, но их судьба и территория различны. В данном случае обращает, например, внимание то обстоятельство, что в Мещерском крае белые длинные сарафаны сохраняют еще в себе черты возрастного костюма, именно, девичьего, иногда—старушечьего (когда старуха бросает носить женскую поневу), тогда как собственно сарафаны надеваются здесь обыкновенно без различия возраста и резко этим отличаются от первых. Правда, замечается, что настоящий сарафан проникал первоначально и легче, именно, в девичий костюм и лишь позднее вытеснял поневу в женском костюме. Тогда в каждом из этих случаев сарафан заменял собою различные части костюма; или он становился на место „белого сарафана"—шушпана, т. е. плечевой одежды, аналогичной женскому нагруднику, или он вытеснял собою поневу-юбку, т. е. поясную одежду и тогда носился даже иногда, подобно поневе, вместе с верхним коротким сарафаном-нагрудником (напр., в с. Колесникове с так называемым „лапотьем"), подобно тому, как, по сообщению Даля, в Псковской губернии сверх сарафана одевалась полотняная „сорочица". Понятно поэтому, что первоначально на сарафан переносились различные бытовые привычки, связанные то с девичьим, то с женским костюмом (впоследствии все это смешивалось).

В числе различий между традициями, наличными с одной стороны у белого, с другой—у настоящего сарафана, можно указать, например, ношение сарафана с поясом или без пояса. Так, собственно сарафаны носятся здесь обязательно с поясом, а белые сарафаны в особенно торжественных случаях, напр., в церковь, могут совсем не подпоясываться (с. Увес, с. Инякио, д. Урахтур). По этим признакам иногда возможно бывает различить оба слоя, если даже они вещественно выражены в одной и той же промежуточой форме.

Эти различия в группах костюма, носящих в Мещерском крае название „сарафана", заставляют нас прежде всего остановить внимание на одной стороне вопроса, касающегося сарафана вообще, именно, на том обстоятельстве, что в сарафане, как историко-культурном факте, отдельные его стороны, как, напр., сарафан—термин и сарафан—предмет, а также, как увидим далее, и отдельные детали сарафана, обладают различной жизнью, историей (хронологией) и территорией распространения. Это уже одно не позволяет переносить все известное о термине „сарафан" на „сарафан", как морфологическое явление и обратно [1]).

Так, если допустим, что термин „сарафан" восточного происхождения, то, безусловно, не обязательно считать таковым и самые формы, какие с ними связаны. Вопрос о происхождении последних

[1]) Я вспоминаю здесь частые указания на это В. В. Богданова, развитые им, между прочим, в курсе его лекций по великорусской этнологии, читанном в 1918/19 г. в помещении Университета Шанявского, где он подробно останавливался на необходимости, вообще, строго различать судьбу термина от истории самой вещи.

следует решать путем формального и историко-культурного анализа самих предметов. В частности, о народном сарафане В. В. Богдановым высказывались соображения, мне кажется, вполне правильные и все более подтверждающиеся, что сарафан-форма тяготеет совсем не к востоку, как это верно для термина, а к западу, и что элементы сарафана следует искать в западно-русской и западно-славянской среде. Мы видели уже выше, что явление расщепления термина и предмета в сложном факте сарафана в Мещерском крае, а также явления гибридизации форм между собой и формы и термина играют более широкую роль, чем это обычно принимается. Этим определяется и путь для решения вопроса о сарафане и его составных элементах. Необходимо, прежде всего, выяснить все формы, известные в литературном и народно-бытовом понимании этого слова под именем сарафана и изучить их морфологически независимо от термина, но в совокупности с однородными фактами костюма, хотя бы и не носящими названия сарафана. При этом в интересах классификации и для удобства пользования этими группами часто бывает полезным снабдить их постоянными научными терминами или из числа более распространенных и архаичных народных названий или даже вновь созданными для этой цели так, чтобы научная терминология обладала бы достаточной устойчивостью, отличаясь тем от диалектически разнородной народной. Отсутствие адекватной форме вещей терминологии и исключительное пользование народными названиями может в сильной мере затруднять анализ и решение вопроса о сарафане, так как, помимо вышеуказанного применения народного слова сарафан к формам, не соответствующим обычному употреблению, это последнее, в свою очередь, расширяется на виды костюма, которые в народном быту известны под целым рядом более или менее распространенных названий различного происхождения, напр., сукман, саян, шубейка, ферязь, телогрея и другие.

Морфологический анализ должен выяснить ряд групп, выделение которых, однако, должно базироваться не только на формальных, но и на этнокультурных основаниях, т. е. путем установления принадлежности каждой данной группы к определенной культурно-исторической среде. Здесь получает значение и народный термин. Только формальная группа, обладающая территорией, население которой жило в эпоху распространения или развития данной формы общей культурной жизнью, обладает необходимой научной реальностью. Установление главных групп позволит выяснить промежуточные и смешанные формы изучаемого костюма; при этом нельзя забывать, что и так установленные группы всегда окажутся гибридными; чистота их условна и о ней можно говорить лишь по отношению к той культурно-исторической среде, для которой они выделены; но ведь сама эта среда не может не быть составной.

В настоящем специальном очерке не место останавливаться подробно на вопросе о сарафане в целом и его генезисе, т. к. происхо-

ждение основных видов сарафана выходит целиком за пределы Мещерского края, на почве которого лишь произошла встреча недавно появившегося здесь сарафана с другой морфологической ветвью костюма, носившей иногда название сарафана. Мы лишь косвенно можем затронуть в этой главе вопрос о возникновении и развитии сарафана, поскольку нам придется установить предварительно главнейшие его классификационные типы, чтобы основывать на них описание небольшого мещерского материала.

Группа костюма, за которой утвердилось в литературе название сарафана, представляет собой горничную женскую одежду, одеваемую сверх рубахи, в виде высокой юбки на лямках через плечи или цельного платья без рукавов с пришивным лифом или без лифа, из одноцветной, большей частью, темной или пестрой узорной ткани. В более редких случаях сарафан может иметь и рукава, чаще ложные, затыкаемые за пояс или завязываемые сзади. В таком виде женский крестьянский сарафан приближается к некоторым древним боярским одеждам, известным под различными названиями, среди которых как для женских, так и для мужских одежд пользовалось распространением с XIV века (Никоновская Летопись 1376 г.) и слово „сарафан". Традиции, связанные с этими формами городского костюма высших классов ферязями, телогреями, шубками, опашнями и др., продолжают в известной степени жить в крестьянских сарафанах, еще недавно сохранявших многие из упомянутых названий (ферязь—Владимирской и Тверской губ., телогрея и шубка - Московской губ.), которые в общеупотребительном понимании целиком поглощены термином „сарафан", может быть (как обычно считают), персидского происхождения от слова сарапа—„одетый с головы до ног", в Бухаре употребляемого в смысле верхнего почетного одеяния. Однако, этим влиянием древнего боярского костюма с соответствующими названиями неизвестными славянам в домонгольский период, как, напр., шубка (шуба) [1]), ферязь и др., очевидно, не ограничивается материальное содержание крестьянского сарафана. Отношение его к городским формам вообще покоится не только на влиянии позднейших стадий последнего на первый, но и на более древних явлениях совместной жизни обоих и даже и на примате народных форм, служивших в известной мере матерьялом для костюма высших сословий, скорее подвергающегося сторонним воздействиям. Во всяком случае по отношению к крестьянскому сарафану можно заметить, что в нем имеются такие черты, которых совсем нет в костюме бояр, напр., характерные для крестьянского сарафана черезплечные лямки, а также и сравнительно редкие в боярских одеждах безрукавные формы, которые заставляют предполагать еще иную основу, собственный более древний слой в соответствующем крестьянском костюме.

---

[1]) Niederle L. Zivot starych slovanu, стр. 463.
Соболевский А. И. Рецензия на Niederle. Журн. Мин. Нар. Просв. 1914 г. август, стр. 355.

Анализируя типы сарафана в другом направлении, не трудно заметить, что крестьянский сарафан по характеру покроя делится, по крайней мере, на две резко выраженные группы, имеющие различное распространение, бытовое содержание и историю.

Первый тип, который может быть назван сарафан-клинник или косоклинный [1]), характеризуется тем, что выкраивается из полотнищ в большинстве случаев одноцветной материи, срезаемых для боковых полок наискось, отчего сарафан сравнительно гладко облегает талию, иногда, и верхнюю часть тела, и спускается вниз широким подолом. На плечах косоклинный сарафан удерживается или цельными плечи-

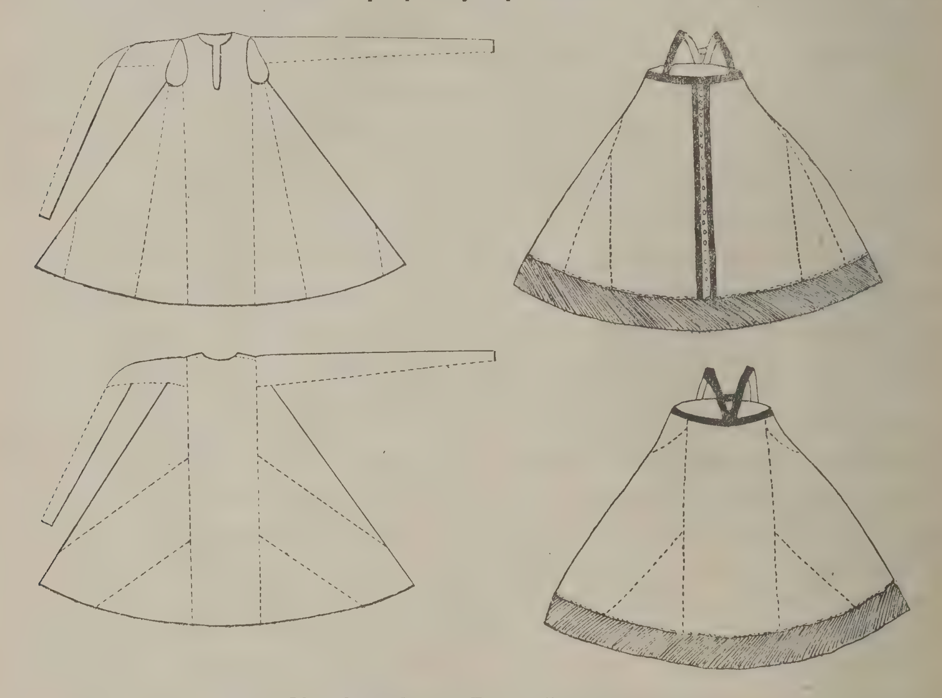

Рис. 32. „Сарафан". Тип 1-й косоклинный.
a) Сарафан-шушун красный, суконный, Псковской губ.
b) Сарафан холстовый, белый, Смоленской губ., Вяземск. у.

Fig. 32. Sarafane 1-re type, avec des coins penchés.
a) Sarafane-chouchoune de laine rouge (gouvern. de Pskov).
b) Sarafane de toile blanc (gouvern. de Smolensk).

ками с широкими проймами для рук и головы, или с помощью более узких лямок, которые также часто выкраиваются из спинной и двух передних полотнищ сарафана, так что составляют их непосредственное продолжение. Характерной чертой одного из главных, наиболее

---

[1]) Первоначально, в докладах 1920—1921 г., этот сарафан я называл московским в отличие от прямого, которому присваивал значение новгородского. В настоящей работе я отказываюсь отчасти от подобного приурочивания, хотя крестьяне в южновеликорусских губерниях действительно косоклинный сарафан называют московским по преимуществу, а прямой только иногда и лишь поскольку он шьется из покупных тканей, именно, московского ситца.

распространенных вариантов косоклинного сарафана является продольный шов спереди, украшаемый обшивками, гарусом, шнуром, позументами и пуговицами, которые явно обнаруживают в этом случае традиции распашной одежды (см. рис. 32 b).

Второй тип—сарафан прямой представляет собой широкую юбку на сборке, сшитую из большого числа 5—7—8 прямых полотнищ обыкновенно узорной ткани набойки или покупной. Держится прямой сарафан на плечах помощью лямок или лифчика с плечиками, к которому сарафан пришивается.

Эти два сарафана образуют иногда смешанные формы, в которых совмещаются признаки обоих типов. Чаще всего можно заметить влияние первого типа на второй (реже обратно), что сказывается в присутствии внешних признаков первого типа при покрое второго. Так иногда наблюдается позументная лента с пуговицами на прямом накладном (т. е. надеваемом через голову) сарафане, в котором для этого сборки у пояса, по возможности, все сдвигаются спереди назад и сосредоточиваются на спине. Иногда для такой гибридной формы пользуются также одноцветной материей. Обратное, например, употребление набойки для покроя первого типа встречается значительно реже, главным образом, в Архангельской и Вологодской губерниях, где шьют местами набивные и парчевые косоклинные сарафаны.

Почти всюду на территории своего распространения косоклинный сарафан связан с более древним слоем народной жизни, чем прямой народный сарафан. Об этом, отчасти говорит уже и самый материал, употребляемый на него синий, иногда почерненный сандалом холст, а также шерстяная ткань как естественных цветов, так и окрашенная в черный или местами в красный цвет. Синий холст заменяется в праздничных сарафанах синей китайкой, реже шелком, шерстяная ткань—покупным сукном. Прототипами кумачных косоклинных сарафанов всего скорее можно считать маренники, известные, например, в Вологодской губернии. Это—сарафаны из шерстяной ткани, окрашенной корнем марены, которая представляет собой туземную растительную краску, действующую только на шерсть, а не на холст. В противоположность этому, сарафан второго типа почти всецело связан с покупной материей—ситцем, штофом, атласом, особенно узорным. Из домашней ткани идет только предшественница ситца—набойка. Поэтому, несмотря на более простой покрой прямого сарафана сравнительно с клинником, весьма возможно, что чередование их на северо-великорусской территории было обратным тому, какое естественно бы предполагать, если рассматривать возникновение этих форм путем простой их эволюции на данной территории. Повидимому, вторичным здесь при ближайшем изучении может оказаться, именно, прямой сарафан, хотя и клинник не остался, конечно, в своем первоначальном виде. Бóльшая древность в северной Великороссии косоклинного сарафана подтверждается и непосредственным наблюдением. Почти всюду в северных губерниях с половины XIX века—это костюм

старух, и только у староверов, например, Новгородской губернии, он являлся еще недавно обязательным „обрядом“ и для молодых, особенно во время богослужения. В Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Новгородской, Костромской и Ярославской губерниях косоклинный сарафан заметно вытеснялся прямым сарафаном, который в своих праздничных богатых формах являлся вместе с богатым кокошником показателем довольно старого слоя мещанско-торговой городской культуры в северной деревне. Установленный Д. К. Зелениным в качестве северно-великорусского, в противоположность южно-великорусскому, комплекс костюма—сарафан-кокошник собственно может относиться только к этому вторичному слою, так как более древний в северно - великоруской народной среде косоклинный сарафан, по существу, не связан с кокошником и в северно-великорусских губерниях еще недавно сопровождался головным убором, совершенно анологичным южно-великорусскому, т. е. кичкой-волосником с твердой основой, сорокой и бисерным позатыльником, иногда даже с сохранением этой терминологии, как это легко видеть, например, из анкеты о костюме Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии 1890 г., использованной В. Ф. Миллером для систематического описания коллекции Дашковского Этнографического Музея и по данным Архива Географического Общества.

Так, кичка под этим же именем еще недавно была известна в Костромской губернии, при чем не в районе связанного с Московскими служилыми людьми XVII века [1]) акающего острова в Чухломском крае, а в других частях губерний, например, Юрьевском у. (Семеновской вол.). Чаще же она, употребляясь также в качестве твердого волосника под сороку, называлась на севере самшурой (Архангельская губ.) или сдерихой (Олонецкая губ.)—названиями, которые еще удерживаются за головными уборами, в которых твердая основа слилась с шитым украшенным покровом. Сорока, шитая золотом, шелком и шерстью с этим названием встречается, например, в Архангельской (Онежский у.), Олонецкой (Каргопольск. у.), Тверской (Бежецкий у.) губерниях; позатыльник бисерный или стеклянный — также в Архангельской Олонецкой губерниях и под именем „подбрусника“ в Псковской губ. Сорока сопровождает косоклинный сарафан и в области средне-великорусских говоров Тверской, Московской и Владимирской губерний; с другой стороны, неизвестен кокошник также во многих южно-великорусских селениях, где бытует косоклинный сарафан.

Для понимания этого, повидимому, более древнего, сарафанного слоя очень важно заметить, что косоклинный сарафан редко где в народной среде известен под именем сарафана. Он носит обычно в разных местах разные названия, которые варьируют еще, кроме того, и в одном месте в зависимости от окраски и материала, из которого

---

[1]) Виноградов, Н. Н. Причина и время возникновения аканья в Чухломском крае. Изв. 2-го Отд. Госуд. Акад. Наук, 1917, кн. 2-я, стр. 13—24.

он сделан. Например, косоклинные сарафаны из окрашенного холста называются в Архангельской и Вологодской губернии сандальниками, кубовинками, красильниками, тесемочниками, гарусниками, а из покупной ткани —кумачниками, китаечниками и др. В Пермской губ. для холстовых сарафанов дубленых или частью синеных получило распространение название „дубаса". В Новгородской, Псковской (Холмск), Тверской, Владимирской, Ярославской наиболее употребительные там синие холстовые косоклинные сарафаны с пуговицами, а также китайчатые и кумачевые того же покроя называют часто „ферязями". В Московской губернии и прилегающих уездах Тверской и Смоленской почти такие же точно синие сарафаны известны под именем „саянов". В Олонецкой и частью Архангельской губ. (Шенкурский уезд) подобные сарафаны черного цвета носят название „кундышей". Мы видим здесь, таким образом, явное перенесение терминов различного происхождения на вполне сложившийся и однородный для всей территории северной Великороссии костюм синий, реже черный, холстовый косоклинный сарафан с проймами и с пуговицами.

Так, слово ферязь, применявшееся в XVII веке для обозначения мужской и женской длинной верхней распашной боярской и царской одежды без перехвата в талии с длинными узкими суживающимися рукавами, иногда у мужчин без рукавов [1]) (если одевалась под кафтан) имеет восточное происхождение и до сих пор известно в Турции и в Крыму в форме „фäрäджä" для обозначения широких халатов, исключительно женских, носимых часто в виде покрова на все тело с головой, с висящими, зашитыми иногда на концах рукавами, которые у „паранджи" сартянок Средней Азии делались ложными в виде длинных лент, суживающихся к концу. Морфологически женские восточные костюмы с свободно висящими рукавами м. б. родственны со скифскими женскими одеяниями, изображенными, например, на золотых пластинках из кургана Карадеуашха [2]). Народные русские ферязи, хотя обладали иногда также свободными рукавами, завязываемыми сзади, однако в других отношениях были весьма слабо связаны генетически с вышеуказанными одноименными боярскими и восточными одеждами, имея другие исходные формы. Свое название ферязей они получили лишь в качестве нарядного верхнего платья.

Московское название той же формы „саян" обнаруживает скорее более западное происхождение. Ныне оно встречается еще в Курской, Харьковской и Черниговской губерниях для обозначения, большею частью, самотканного шерстяного или суконного костюма в виде цветной синей крашеной юбки, придерживаемой иногда просто поясом (Сурожский уезд), чаще же лямками, или цельного шерстяного де-

---

[1]) Савваитов. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия ратных доспехов и конского прибора. СПБ, 1906, стр. 15.

[2]) Лаппо-Данилевский А. Древности кургана Карадеуашх. Материалы по археологии России, т. XIII.

вичьего платья без рукавов (Курская, Харьковская губ). [1]). По словам Э. А. Вальтера [2]) слово саян упоминается в актах Упитского и Минского городского суда для обозначения дорогой суконной женской одежды литовской шляхты и князей литовских татар XVI века. У крестьян литовских и белорусских саяны (литов. sajónas) были шерстяные пестрые в клетку или полосатые и состояли в большинстве случаев из юбки с коротким лифчиком — „кшталтом" и помочами. Слово „саян" Фасмер [3]) выводит из греческого sagion через турецкое посредничество и видит в его суффиксе результат контоминации османского saja со словом „саван", что мало, однако, вероятно. Османским считает это слово в славянских языках и Миклошич [4]). Однако, более убедительным представляются приводимые Э. А. Вальтером справки из польского словаря Sam. Linde, связывающего старое польское „sajan", „sajanik" в смысле военного костюма с итальянским saione—кафтан, монашеская одежда, и греко-византийским sagia и римским sagum—длинный военный шерстяной плащ [5]). В этом последнем значении слово известно в греческом у Полибия (sagos) и, в смысле доспехов и сбруи, у греческих трагиков [6]). По L. Niederle славяне ранее других заимствовали византийский sagion еще перед концом языческой эпохи, сохранив до настоящего времени в болгарском и сербском сай, сая, саја понятие о плаще [7]). Чаще, однако, это слово встречается у них как обозначение длинной женской одежды [8]) (у сербов — белой сукни) [9]). В таком же смысле слово сай оказывается у донских казаков XVIII века [10]). В литовском языке термин саян, как мы видели выше, встречается в форме sajónas и отмечается уже Ширвидом в Dictionarium trium linguarum, 5 издание 1713 г., под словом летник—letnik Muliebris stola seionas [11]).

Из этого обзора можно видеть, что московский саян свое название получил скорее не от южных славян, а с запада, вероятно, еще в эпоху Московско-Литовских связей, при чем термин был перенесен с более дорогого суконного мещанско-городского костюма на холстяной крестьянский наряд. Курский, харьковский и черниговский саяны от московской формы независимы, а по шерстяному материалу не-

---

[1]) Добротворский Н. Саяны. Вестник Европы 1883 г., стр. 208.

[2]) Вальтер Э. А. К вопросу о саянах. Из истории литовско-русского костюма, Изв. Отд. Русск. Яз. и Слов. Акад. Наук 1917 г., т. XXII, кн. 1, стр. 121—123.

[3]) Фасмер. Греко-славянские этюды III. СПБ, 1909 г., стр. 15, 169.

[4]) Miklosich Fr. Die turkischen Elemente in dem Südost-und Osteuropäischen Sprachen. Wien, 1890, h. 2, стр. 22.

[5]) Вальтер Э. А. loc. cit. стр. 119—120.

[6]) Косович. Греческо-Русский словарь, II, стр. 542.

[7]) Niederle L. Zivot starych slovanu, стр. 473.

[8]) Дювернуа А. Словарь болгарского языка, стр. 2092.

[9]) Абрамов И. О Курских саянах. Жив. Старина, 1906 г., № 3, стр. 219.

[10]) Котельников Евлампий. Историческое сведение о Верхне-Курмоярской станице. 1818 г. Новочеркасск, 1886 г., стр. 37.

[11]) Цит. по Э. А. Вальтеру. Loc. cit. стр. 120.

сколько ближе стоят как к западному литовскому sejonas, так и к юго-славянским прототипам.

С запада, вероятно, пришел известный как название особого сарафана в Олонецкой, Архангельской (Шенкурский у.), Костромской (Чухломской у.) губ. термин „кундыш". С польским кунтушем сближают северо-великорусский сарафан-кундыш и некоторые детали, напр., откидные рукава. Поскольку эта последняя черта имеет значительно более широкое распространение, как на Западе, так и на Востоке,- естественно искать для нее и некоторого иного прототипа. Возможно даже, что откидные рукава олонецкого сарафана лишь вторично могли способствовать усвоению термина, который, однако, и сам не является также исключительно польским, а встречается у южных славян и турок в форме „контош". Миклошич считает термин турецким, но Sam. Linde [1]) сопоставляет с греческим (kandys) kandus, упоминаемым Ксенофонтом для обозначения Мидийского и Персидского кафтана с широкими длинными рукавами. Ф. Е. Корш [2]) придерживается взгляда Linde о заимствовании термина у греков.

Поскольку у восточных славян термин „кунтыш" является малораспространенным, редким, а в украинском языке явно связан с соответствующим ему польским костюмом, нельзя ожидать, чтобы и в Олонецкую и в Архангельскую губ. он мог проникнуть как-либо независимо от польского посредничества. Неясным, однако, является когда и к какому времени следует отнести это заимствование. Сомнительно только, чтобы это могла быть та ранняя эпоха польских или, может быть, других западно-славянских течений, с которыми связывают (А. А. Шахматов, Н. М. Петровский [3])) самое происхождение некоторых групп северно-русского племени, в частности, новгородских славян и колонизаторов Пскова. Правда, есть основания, как увидим ниже, предполагать влияние балтийских славян, может быть, и восточно-польских племен в истории развития сарафанного костюма (как морфологического явления) в северной Великороссии, но вопрос, мог ли иметь сюда отношение термин „кунтуш", зависит от того, к какому времени следует отнести его появление у самих западных славян.

Есть еще группа терминов, применяемых в некоторых северно-великорусских губерниях к косоклинному сарафану совсем другого вида, чем только что расмотренные,—это „сушун" („шушун"), „сушпан" („шушпан"). Так, под именем шушпана в Вологодской, Вятской и Пермской губ. обыкновенно разумеют особого покроя крашенинный часто шерстяной (при отсутствии овечьей шерсти—из коровьей) сарафан с плечиками, а иногда и рукавами. Близкое значение имеет и

---

[1]) Linde Sam. Slovnik Jezyka polskiego, 1859, II, стр. 435.

[2]) Korsch Th. Anzeigen. Fr. Miklosich. Die Türkischen Elemente. Arch f. Sl. Phil IX, стр. 512.

[3]) Петровский Н. М. О новгородских „словѣнах". Изв. 2-го Отд. Акад. Наук., т. XXV, 1922 г.

термин шушун в тех же губерниях, а также в Каргопольском уезде Олонецкой губ., где этим словом в форме шушун называют красный суконный сарафан с широкими плечиками, ложными рукавами в виде лент, без шва и пуговиц спереди. Происхождение обоих терминов шушпана и шушуна, неизвестных в других славянских языках, кроме русского, не поддается пока об'яснению. Но замечательно, что они оба обычны во многих южно-великорусских губерниях для обозначения плечевой, носимой при поневе, главным образом, не окрашенной белой накладной или распашной одежды с рукавами из шерстяной домашней ткани, или из холста.

Широкое распространение этих чисто народных терминов, неизвестных литературному языку, заставляет думать, что оба названия шушун и шушпан сохраняются в северной Великороссии для обозначения наиболее архаичных здесь видов одежды, вообще значительнее трансформировавшейся в северной, чем в южной Великороссии. Таковой действительно можно считать косоклинный шерстяной белый или ярко окрашенный сарафан без лямок, закрывающий верхнюю часть тела и обладающий часто рукавами. Эта древняя форма, довольно легко восстанавливаемая по редким ее пережиткам в северной Великороссии и сравнению их с соответствующими южно-великорусскими и даже юго-славянскими типами одежды впоследствии претерпела в северной Великороссии воздействие со стороны получившего там распространение сарафана с лямками и какой то распашной одежды, оказавшись, таким образом, в большинстве случаев замаскированной.

В более южных и западных частях Великороссии, Белоруссии и, частью, в Украине по отношению к этой форме чаще применялись наименования сукни и сукмана, как называли иногда сушпаны и в Олонецкой губ. [1]).

Морфологически в своем первоначальном виде подобного рода сарафан характеризуется отсутствием шва и пуговиц вдоль спереди (передок и спинка образуются из одного перегнутого полотнища, к которому с боков пришиваются косо срезанные точи) и широкими плечиками. Совершенно подобного покроя одежда из черного домотканного сукна известна и в Восточной Болгарии под тем же именем сукмана [2]). При этом замечательно, что старые болгарские сукманы имеют такие же суконные узенькие длинные ленты на месте рукавов, как старые Олонецкие и Псковские шушуны. Разница между болгарской и северно-великорусской формой крайне незначительна и заключается в расположении расширяющих костюм к подолу клиньев и преимущественном окрашивании болгарских сукманов в черный цвет (см. рис. 32 и 33).

---

[1]) Семевский В. И. Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII века. „Устои“ № 1, отд. I, 1882 г., стр. 125.

[2]) Мое внимание на эту форму, представленную в старых коллекциях Румянцевского Музея, было обращено Зав. Слав. Од. П. П. Свешниковым, за что приношу ему благодарность.

Относительно термина „сукня“ и „сукман“, надо сказать, что первым suknê первоначально обозначалось по мнению Zibrt [1]) и Niederle [2]) туникообразная одежда из домашнего сукна, широко распространенная у западных, а также южных и русских славян. Через славян эта одежда и, во всяком случае, термин получили довольно широкое распространение среди других народов Западной Европы, германских и романских. Так, у французов sousquanie были девичьим костюмом в XIII веке. Что касается второго распространенного у южных и восточных славян термина „сукман“, то его происхождение из сукня загадочно; именно, неясно, к какой языковой среде следует отнести характерный для данного случая суффикс—„ман“, может быть, аналогичный тому, который образует шушпан при шушуне.

Туникообразной формы черные сукманы сохранились до сих пор в женском костюме у донских казаков [3]) (Усть-Медведицкий округ, Березовская станица). Там они представляют род длинной рубашки со скошенными боковыми полотнищами и очень короткими рукавами. Эта форма как бы об'единяет в себе до известной степени признаки двух различных морфологических групп, носящих одно название

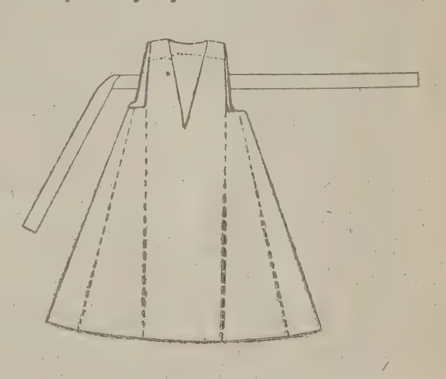

Рис. 33. „Сукман“ черный из восточной Болгарии (1/32 нат. вел.).
Fig. 33. „Soukmane“ noire (La Bulgarie d' ouest).

северных сушпанов (шушунов)-сарафанов и южных шушунов с рукавами или шушек. Обыкновенно же сукманы-сарафаны ближе примыкают по покрою к той группе белых шерстяных безрукавных одеяний, которые упоминались выше в числе одежд, носящих в Мещерском крае название белого сарафана с плечиками. Если выкрасить последний в черный цвет, он станет почти тождественным с наиболее простыми видами сукманов Белоруссии, южной Великороссии и шушманов севера Великороссии. Наличие же в некоторых местах северной Великороссии, белых косоклинных сарафанов, правда, холстовых, показывает, что и на основной, территории распространения сарафанного костюма белые предшественники сукманов играли некоторую роль и подвергались процессам переработки в сторону сарафанного покроя, не теряя своего первоначального цвета.

На фоне этих выясненных из анализа терминов процессов скрещивания и согласования различного происхождения форм костюма на территории Восточной Европы в группе косоклинного сарафана,

---

[1]) Zibrt C. Dejiny kroje w zemich ĉeskych. Praha, 1892, стр. 60.

[2]) Niederle L. Zivot starych slovanů. Praha, 1913, стр. 447—478.

[3]) Яковлев Н. Ф. Материалы по одежде донских казаков, Этн. Об., 1916 г, кн. 1—2, стр. 50—51.

как более древнего здесь подслоя сарафанного покроя, выявляется два крайних наиболее устойчивых подтипа: во-первых, чаще всего шерстяной, накладной сарафан с плечиками, иногда с рукавами, связанный главным образом с термином „шушпан“ (шушун)—„сукман“; во-вторых, сарафан с пуговицами (сохраняющимися от распашного прототипа) и с лямками, известный чаще под именем „ферязи“, „саяна“, а также „кубовника“, „дубаса“ и пр., и кроме того ряд более или менее колеблющихся форм, с иными комбинациями вошедших в них элементов костюма разного происхождения (восточных, западных, туземных, народных и сословных).

Первый подтип, морфологически и терминологически сопоставляемый с юго-славянским сукманом и по другому терминологическому разрезу с южно-великорусским шушпаном, повидимому, обнаруживает наибольшую древность на территории северной Великороссии, хотя и несет на себе еще следы последующих наслоений, к числу которых, может-быть, относятся и элементы, вошедшие в эту группу вместе с термином „кундыш“.

В этом подтипе, который по преимуществу можно назвать подтипом сукмана (поскольку в нем играют основную роль формы из шерстяного материала), отмечаются по покрою два главных варианта: южный и северный. Тот и другой часто снабжаются ложными рукавами. Южный, к которому принадлежит болгарский сукман, характеризуется тем, что расширяющие подол клинья пришиваются в боку, в числе трех с каждой стороны, и представляют собой наискось разрезанные точи. Второй—северный, собственно русский вариант, именно северно-великорусский шушпан, обладает характерным на спине елковидным расположением прямых полотнищ с косо поперек срезанным верхом, как это можно наблюдать и в царских одеяниях XVII века, напр., в покрое „станового кафтана“, изображенного в Русских Древностях В. Прохорова [1]).

Второй подтип кособлинного сарафана—сарафан с лямками, со швом и пуговицами впереди, хранит в себе традиции распашной одежды. По способу вшивать расширяющие подол боковые клинья отличается от сукмана: добавочные полотнища на спине не располагаются елкой, напротив, елкой сходятся швы на боках. Основная роль в этом подтипе принадлежит синему холстовому на подкладке и заменяющему его китаечному распашному сарафану-клиннику. Шерстяные разновидности в этом подтипе встречаются значительно реже (см. рис. 35).

Из колеблющихся форм можно отметить, напр., косоклинные сарафаны с плечиками, ложными рукавами, елочным расположением точей на спине и в то же время из китаечного материала на подкладке со швом и пуговицами напереди (Пермская губ., Колл. Рум. Муз., Инв. 1760) или сарафан с лямками, пуговицами и швом напереди, но из архаичного материала белого холста с браньем на подоле и

---

[1]) Прохоров В. Русские Древности, СПБ, 1876 года, табл. 34.

елочным расположением точей на спине (Смоленская губ. Вяземский у.) (См. рис. 32 b).

Второй тип сарафана—прямой сарафан, в отличие от предыдущего первого типа косоклинного сарафана, с его подтипами и разновидностями, носит в народном употреблении преимущественно название сарафана. Он представляет собой юбку на сборке из прямых полотнищ главным образом покупной материи: парчи, шелка, атласа, штофа, ситца, также набойки, реже шерстяной самотканной материи. В чистом виде прямой сарафан не имеет на себе следов распашной одежды.

Морфологически во втором типе сарафана, также как в первом, легко выделяются два подтипа: прямой сарафан на лямках и прямой сарафан с лифом. В первом случае к высокой юбке на сборке пришиты непосредственно две чересплечные лямки, сходящиеся сзади. Во втором подтипе юбка пришита к лифу, укрепляемому на плечах помощью или широких плечиков, или тоже—лямок. Такой лиф может иногда иметь рукава.

Первый подтип прямого сарафана в бытовом отношении, как сказано выше, тесно связан с кокошникообразным головным убором и вместе с ним является на севере, в области его наиболее древнего распространения, вторичным слоем, проникшим в деревню вместе с дорогими тканями из городской торгово-мещанской среды. В южной Великороссии он, как показал Д. К. Зеленин, распространялся вместе с служилыми людьми Московскими, разные группы которых несли с собой на юг также и косоклинный сарафан с пуговицами, и наиболее характерные для южно-великорусского однодворческого костюма шерстяные юбки. Косоклинный сарафан попадал на юг в связи и с другими типами крестьянской колонизации: старообрядческой и монастырской из северно-великорусских губерний, но также, повидимому, имел источниками и некоторые более западные центры, с которыми связано распространение сукмана. Что же касается прямого накладного сарафана, то он и на юге стоял в зависимости от костюма городского торгового сословия.

Этого типа сарафан, главным образом из ситцевой материи, получил в последнее время широкое распространение в качестве праздничного девичьего костюма как в поневных районах, так и среди групп населения, ранее усвоивших косоклинный сарафан. Прямой сарафан, носящий в своих ситцевых и кумачевых формах по преимуществу название сарафана, в Московской области известен, особенно в более старых формах из набойки, под именем „шубки“ (Московская губ. с прилегающими уездами Калужской, Тульской, Смоленской и Владимирской губ., а также у Воронежских однодворцев Коротоякского у.), как называлась и соответствующая ей по покрою одежда боярынь до-Петровского времени.

Другой подтип прямого сарафана—сарафан с лифом — мог получить свое происхождение в западных областях из таких форм, как

белорусский андарак-юбка и кабат-лиф, слившихся вместе, что замечается нередко даже тогда, когда юбка и лиф делаются из разной материи (Смоленской губ. Поречский уезд Иньковской вол.): Характерно, что у крестьян Московской губ. из всех бытовавших там сарафанных форм только две, по-преимуществу, поздние, носят название сарафана: это ситцевый и кумачевый сарафан, аналогичный по покрою более старой набойчатой шубке, и сарафан с лифом, получивший широкое распространение в деревне только во второй половине XIX в., как новая модная форма, сменившая саяны, шубки и телогреи.

Белорусский андарак (немецкое Unterrock—нижнее платье) с лифом, в свою очередь, генетически связан, повидимому, с западно-европейскими костюмами, утвердившимися там с XV века. Так, в Германии впервые, начиная с 1400, года появился вместо цельного сорочкообразного костюма средних веков и цельного платья аристократических классов Ренессанса костюм, состоящий отдельно из юбки и лифа. Лиф делался узким и зашнуровывался на талии. В таком виде костюм у германских крестьян в Дании и Скандинавии сохранялся до конца XVIII столетия. Оттуда, видимо, проник он и на восточный берег Балтийского моря. Упомянутый выше лиф пришитый к юбке в Поречском уезде Смоленской губ. даже носил название „шнуровки“, хотя застегивался на пуговицы.

Превращение узких плечиков в лямки, благодаря широким проймам для рук и головы, тоже произошло первоначально на Западе. На Востоке в Передней Азии, на Кавказе лямки не пользуются распространением. Напротив, мы уже упоминали о рубахе третьего типа с лямками в Чехии в XIV веке, в Польше, в Германии (в Бадене). Лямки хорошо известны до настоящего времени, как это видно по опубликованным материалам Heikel'я в костюме шведском, латышском и эстонском. Следует только в двух последних различать позднейшие русские заимствования, обнаруживаемые в сопровождающей их русской терминологии, напр., сукман (Suikanô) у эстов, от первоначальных форм, связанных с более древними источниками, давшими, повидимому, начало и северо-великорусскому костюму.

Можно предполагать два способа возникновения лямок: во-первых, как выше сказано, через суживание плечиков, во-вторых,—путем замены плечевых пряжек, соединявших края плащевидного одеяния, завязками из материи. В зависимости от этого намечается и два различных исходных типа для костюма на лямках: это платья с лифом, легко превращающимся в лямки, и хитонообразные формы с застежками на плечах. Первые хорошо известны в Швеции (Worms) под именем Tiól или Ütäsärk (см. рис. 34). Они делаются из темной полушерстяной материи без клиньев и с иного цвета лифом, весьма приближаясь тем к западно-русским сарафанам с цветным лифом. В Швеции эти платья связаны очевидно генетически с упомянутой в первой главе группой рубах третьего типа (на лямках-hàddana), которые известны здесь под именем Särk в формах по покрою почти тождественных с первыми. И те и другие,

вероятно, имели первоначально источником один общий прототип, возникший, очевидно, при условии, что лиф одевался одновременно, с другой частью костюма; снабжаемой рукавами.

Великорусский прямой сарафан с лямками, т. е. первый подтип прямого сарафана, нередко явно обнаруживает свое происхождение из сарафана с лифом, что заметно, например, в способе укреплять лямки сзади на особом, пришитом к спинной части сарафана четырехугольном кусочке материи, который, видимо, остался от бывшей спинки лифа. Но и в данном случае можно заметить воздействие и второго хитонообразного прототипа костюма на лямках, именно рассмотренных нами во второй главе разрезных юбок в виде четырехугольных плащей, укрепляемых помощью плечевой тесьмы. Здесь последняя могла развиться только из застежки или, во всяком случае, с самого начала играть эту роль. Эти юбки-плащи на лямках, более древние по существу, были, как можно судить по еще недавно широкому их распространению у балтийских племен, и более древним туземным типом костюма на территории, первоначально колонизованной северными русскими племенами.

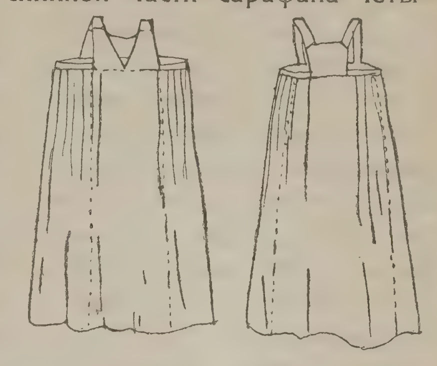

Рис. 34. Сарафанного покроя костюмы шведских крестьянок (из Worms'a).
a) Полушерстяное платье (Ütäsärk или Tiól).
b) Рубаха посконная (Ündersärk).

Fig. 34. Robes des paysannes du Suede à forme du sarafane.
a) La robe de laine.
b) Chemise du chanvre mâle.

Мы уже видели в предыдущей главе, что есть некоторое вероятие предполагать знакомство северных великороссов с поневой, как предшествующей сарафану формой костюма. Однако, было бы рискованным утверждать, что эта замена происходила целиком на территории, занятой ныне северно-великороссами. Возможно, что и продвигающиеся в озерную область и верховья Волги северно-русские племена несли уже с собою в тех или иных сословных группах элементы костюма, которые дали начало сарафану. Такими формами прежде всего могли быть не имевшие еще лямок восточно славянские шушпаны и сукманы. Но естественно также ожидать и воздействия костюма северно германского в связи с сильным культурным влиянием норманов, проникавших более или менее значительными колониями почти одновременно с славянским продвижением на восток в X веке вплоть до Булгар, где, напр., у д. Балымер известно их древнее погребальное поле [1]). Вместе с тем сами северно-русские славяне возможно за-

[1]) Спицин А. А. Археология в темах начальной русской истории. Сб. статей посв. С. Ф. Платонову, 1922, стр. 5.

ключали в себе еще западно-славянскую примесь, заметно сказавшуюся, например по Шахматову, на особенностях Псковского говора и некоторых других северно-великорусского и средне-великорусского наречий. Мы уже выше касались этой гипотезы А. А. Шахматова, помещавщего древний центр ляшских влияний на востоке в верхнем Поднепровье и по Западной Двине, где-то по соседству с западными Финнами, сохранившими в своем языке западно-славянские заимствования [1]); хотя в данном случае не исключена возможность считать соответствующие факты и иными по происхождению, напр., как это делает А. И. Соболевский [2]), вошедшими в некоторые русские говоры и долго пережившими там диалектологическими чертами общеславянского праязыка (Сев.-Зап. ветви). Для выяснения вопроса о времени и путях распространения у северных великороссов заменивших поневу форм костюма имеет значение и другая, восстанавливаемая Н. М. Петровским [3]), на основании наблюдений над языком 1-ой Новгородской Летописи, старая теория Каченовского, Гедеонова, Котляревского и др. о славяно-балтийском (западно-славянском) происхождении не только новгородской государственности, но и самих Новгородских словен. Эти гипотезы дают основание предполагать возможность более первоначального отсутствия поневы у значительных групп предков северно-великороссов, поскольку западным славянам (в противоположность южным и восточным) поневный комплекс был неизвестен, хотя южно-великорусский термин „понева" и имеет общеиндоевропейскую основу. Скорее всего поневу-плахту придется рассматривать, как старую традицию Приднепровско-Черноморского района, чуждую, повидимому, Западной Европе. Для наших целей было бы весьма существенным проследить на основании археологических данных (поскольку фрагменты костюма иногда сохраняются в славянских курганах) старые границы распространения, с одной стороны, характерного элемента поневы, именно—шерстяной клетчатой, реже поперечно-полосатой, ткани, отсутствующей в сарафанных формах, с другой, что труднее,—область бытования лямок. К сожалению, до настоящего времени подобный материал еще почти не собирался.

Однако здесь не место входить в рассмотрение вопросов генезиса сарафана, требующих специальных исследований. Мы ограничимся тем, что коснулись их в той мере, поскольку с ними связано установление главнейших типов русского сарафана, сложившегося во всем своем морфологическом и терминологическом разнообразии в результате всех этих разнородных течений. Имея теперь некоторую классификацион-

---

[1]) Шахматов А. А. К вопросу о польском влиянии на древне-русские говоры. Русск. Фил. Вестн., 1913, т. LXIX, вып. 1, стр. 10—11.

[2]) Соболевский А. И. Важная особенность старого псковского говора. По поводу исследования Н. М. Каринского (язык Пскова и его области в XV веке). Русск. Фил. Вестн., 1909, № 3 и 4.

[3]) Петровский Н. М. О новгородских „Словѣнахъ". Изв. 2-го Отд. Российск. Акад. Наук, Петр., 1922, т. XXV.

ную базу для русского сарафана в его отношении к другим формам костюма, мы можем перейти и к описанию интересующего нас соответствующего мещерского матерьяла.

Прежде всего я напомню, что в Мещерском крае термин „сарафан“ включает в себя, кроме сарафана, различные группы, ничем с сарафаном морфологически не связанные. Так, сюда относятся: 1) собственно сарафаны (в общелитературном понимании), 2) белые сарафаны-сукманы, 3) сарафаны рубешные, так называемые „подолы“, 4) „сарафаны короткие“—нагрудники и сарафаны-шушпаны. Из этих четырех групп первая отличается от остальных трех, прежде всего, культурно-исторически: собственно сарафан в Мещерском крае, как уже указывалось выше, явление заносное и совсем новое, не имеющее местных корней. Настоящий сарафан начал проникать в Мещерский край только с первой половины прошлого столетия и неодновременно для различных районов и групп крестьянства (помещичьих и казенных). Время его появления для различных деревень совпадает с указанными в предыдущей главе датами исчезновения поневы, которая сарафаном вытеснялась. Многие деревни, стойко сохранявшие поневы и утерявшие их только недавно, или совсем не знали сарафана (Лубеники), прямо сменив поневный комплекс на юбку и кофту, или пользовались сарафаном исключительно как девичьим нарядом (Папушево). Характерно, что мы не имеем в данном случае дела с однородной волной, захватившей своим влиянием весь край. Напротив, появление сарафана было связано с различными центрами. Поэтому легко выделяются районы, где господствуют свои самостоятельные формы сарафана, которые не являются исключительно местными, а связаны с иными хорошо известными типами вне рассматриваемой области. Так, для южного выступа Касимовского и прилегающих частей Спасского уезда характерен сарафан из самотканной черной шерстяной материи. Он мною зарегистрирован одинаково как у помещичьих (Ерахтур, Мышцы, Пекселы), так и у казенных крестьян (Увес, Лубонос, Инякино, Ижевское, Телебукино, Ибердус). К северу отсюда (с. Шостье) шерстяной сарафан не пользуется распространением, а вместо того господствует другая форма—синеный полотняный сарафан на подкладке. Наконец, в северо-западном выступе Касимовского уезда одноцветный сарафан, вообще, не проник и известен только сарафан из сарпинки и ситца. Рассмотрим все виды сарафана, начиная от позднейших и идя к более старым наслоениям: прежде всего остановимся на пестром сарафане.

Пестрый сарафан оказывается, вообще, позднейшим явлением в Мещерском крае сарафанного костюма.

Лет 20—25 тому назад он получил широкое распространение, как праздничный костюм молодежи, и в районах, где старухи продолжали носить синие холстовые или шерстяные сарафаны. По покрою пестрый сарафан Мещерского края принадлежит к типу прямых круглых сарафанов. Шьется без всякой кройки из четырех, а кто „по-

сильнее“—пяти полотнищ ситца со сборами. Лямки, называемые здесь „проймами“, делаются узкими,—„тесемками“ пришиваются на спине вместе, а другими концами врозь напереди. В Палищинской и Парахинской волости ситец обыкновенно заменяется самотканным в клетку холстом: красная, синяя и белая „трубочками“ (полосами) основа и красный с синим уток.

Сарафаны эти являются у девушек и у молодых баб исключительно праздничным костюмом (с. Залесье, Нарма). Девушки местами носили еще кумачевые сарафаны в четыре нескошенных полотнища. На подол накладывали поперек ленты. Головным убором при этом сарафане являлся исключительно платок. На вопрос о синих сарафанах в данном районе всегда отвечали: „Это не у нас, это за реку Гусь, к Владимирским ступай, в Аксеново или Акатово“. В барской деревне Аксеновой, но особенно в соседнем казенном селе Акатове, действительно, носили синие сарафаны с пуговицами, но были известны и прямые сарафаны, при чем более старого типа, набоичные, которые почти не проникли на Касимовскую сторону реки Гуся. Это обстоятельство не позволяет предполагать особенно тесных культурных связей в последнее время между крестьянами Касимовскаго уезда и старого Заколинского прихода Владимирской губернии, что подтверждается и несколько пренебрежительным отношением жителей села Акатова к „Литве“, как они называют население соседней Парахинской волости. Вероятнее всего, пестрый прямой сарафан получил свое распространение или со стороны Тумы, района с развитыми отхожими промыслами и со стороны торгового села, теперь города Спас-Клепиков или со стороны села Алексеевского на тракте из города Касимова в Туму. На последнее указывает чрезвычайное распространение в описываемом районе сарафанов из самотканной сарпинки, центром кустарного производства которой издавна является Алексеевская волость. Начало этого производства было положено в 60-х годах бывшим крепостным Егорьевского фабриканта Хлудова, вернувшимся к себе в деревню после освобождения крестьян и ставшего работать дома.

Промысел скоро получил распространение, и кустари, доставая материал от крупных фабрикантов, им же сдавали готовый товар за сдельную плату. Эти связи могли явиться одним из путей распространения сюда прямого сарафана из местной сарпинки.

Синий холстовой сарафан принадлежит к несколько более старому культурному вливу сарафана в рассматриваемую область. По покрою он относится к совсем другому выделенному нами типу—косоклинному сарафану.

Этот сарафан кроится обыкновенно здесь из трех полных полотнищ синего холста, двух скошенных сзади и добавочных боковых клиньев.

Два целых полотнища образуют перёд обыкновенно на высоте грудей со швом посредине; третье полотнище располагается сзади, и к нему с боков с обоих сторон пришивают параллельно еще два

кососрезанных сверху полотнища, так что схождение швов под углами приходится сбоку. Это последнее обстоятельство так же, как и шов спереди, связывает синие холстовые сарафаны Мещерского края со всей обширной их группой, намеченной нами выше (Московские саяны, ферязи, кубовники, дубасы и др.), и заставляет относить их к подтипу, двухполочному сарафану-клиннику, даже в том случае, если пуговицы спереди отсутствуют, как это иногда наблюдалось мною (Ибердус, Колесниково). Обыкновенно же перёд сверху до подола украшался гарусным шнурком с петлями на левой поле и оловянными пуговицами на правой. „Пуговицы эти только для цести“, об‘ясняли бабы, „а то сарафан весь кругом сшитый“ (Выркbово). Синился холст в готовом виде обыкновенно у специальных синильщиков, имевших домашнюю синильную и набивную мастерскую. Но набивная материя на эти сарафаны никогда здесь не употреблялась.

Синие холстовые сарафаны обыкновенно делались на холстовой подкладке, отчего они были очень тяжелыми. Чтобы облегчить такой сарафан, нередко употребляли для подкладки особую специально приготовленную ткань, которую сновали, по словам старух, по одной нитке в бердышко (с. Акатово). По подолу нашивáли кайму из лент пальца четыре шириной (с. Шостье). Кроить косоклинные сарафаны умели далеко не все, а лишь особые мастерицы, которым и возили на заказ материал (с. Акатово).

Носили синие сарафаны первоначально исключительно девушки (Телебукино), а как „замуж отдадут, стыдились и одевать прежде-то“ (Волково). Впоследствии же их можно было видеть и на старухах, носивших их вместо поньки.

По праздникам девушки местами наряжались в сарафаны из синей китайки того же покроя, а для будней делали сарафаны из грубой посконной материи, которую тоже синили. Судя по области распространения этого сарафана в северной части Мещерского края, в районе Касимова и Елатьмы, возможно думать, что близость города сыграла некоторую роль в распространении синего сарафана с пуговицами среди населения деревни. Сами крестьяне указывают, что сарафаны с пуговицами носили прежде особенно мещане (д. Шарапино).

Головным убором, одевавшимся при сарафане у замужних, осталась сорока, местами заменяемая повойником.

Наконец, третий вид настоящего сарафана, получивший распространение в южной части Касимовского уезда, известен там под именем „сукмана“. От вышерассмотренного синего холстового сарафана сукман отличался почти исключительно материалом (см. рис. 35). Он шился из тонкой шерстяной материи, вытканной в два цапка по типу холста. Никаких более сложных способов тканья для сукманов не полагалось. Готовый материал обычно красился в синий или черный цвет. В синий цвет синили или сами, дома, покупной синькой, называемой здесь кальгой, со щелоком, или же отдавали синильщику по 7—10 копеек с аршина. В черный цвет красили домашними способами, обыкновенно

отваром ольховой коры. Для этого приготовляли прежде всего раствор кислого хлебного кваса с ржавым железом, которое держали в нем дней 10—12. В этом растворе парили в печи одну ночь ольховую кору.

На утро, вскипятивши полученную смесь, обливали ею в кипящем виде кусок сукна, помещенный в кадушку. Давали жидкости охладиться, вынимали из нее материю и развешивали сушиться (Тырново).

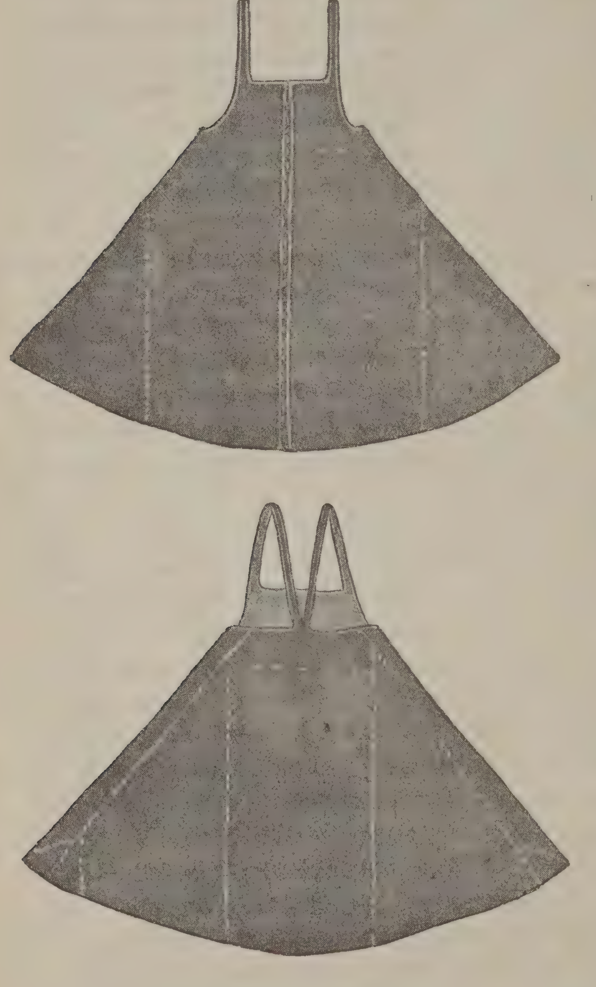

Рис. 35. **Черный шерстяной косоклинный сарафан—„сукман“ (Касим. у., с. Тырнова-Слобода). Спереди и сзади.**

Fig. 35. Sarafane d'etoffe de laine noire avec des coins obliques du région Mechtchera du Gouv. de Riazane.

Своим покроем, в точности повторяющим покрой синего косоклинного сарафана, сукман Касимовского уезда совершенно порвал с традиционными формами того подтипа косоклинного сарафана, которому мы выше, по-преимуществу, присвоили название сукмана (накладного косоклинного сарафана с плечиками). Несомненно, что последний, даже в том случае, если плечики превращены в лямки, а шерстяная ткань заменена кумачем, китайкой или холстом, может сохранять такие свои особенности, как отсутствие шва спереди (так как перед и спинка образованы одним перегнутым полотнищем) и елковидное расположение боковых полотнищ по отношению к среднему спинному, что характерно, как видели выше в обзоре сарафанных форм вообще, напр., для Эстляндии, Смоленской, Псковской, Пермской губ. Отсутствие всех этих особенностей у Касимовского сукмана, несмотря на то, что он сохранил первоначальную шерстяную ткань и термин сукман, указывает, повидимому, на его происхождение в каком то центре, где хотя и удерживался первобытный сукман, но настолько уже не прочно,

что мог послужить лишь материалом для преобразования его в сторону вновь прибывшей культурно-активной формы косоклинного сарафана с пуговицами. Этим центром, конечно, не был Мещерский край, очень поздно получивший свой шерстяной сарафан с пуговицами одновременно с термином „сукман“, неизвестным здесь по отношению к местным первобытным формам белого сукмана. Мне, к сожалению, не пришлось видеть в достаточном количестве сарафанов южно-великорусских, чтобы судить о границах распространения касимовского шерстяного сукмана и иметь возможность приурочить его к тем или иным этнографическим группам. В данном случае только можно сказать, что распространялся этот вариант косоклинного шерстяного сарафана с пуговицами не со стороны Москвы и Владимирской губернии, где он, повидимому, почти совершенно неизвестен и замещен всецело синим холстовым и китаечным.

Наиболее рано в рассматриваемой области сарафан получил признание в большом торговом селе Ижевском Спасского уезда. Здесь, повидимому, издавна были группы населения, не носившие поньки. Село было барским, но в 1832 году крестьяне сумели откупиться и получить звание свободных хлебопашцев, перечисленных в 1839 году в государственные крестьяне. По указанию бабушки Марфы Агапьевны Волковой, имеющей более 80 лет, мода на сукманы в казенном селе Увесе пришла именно из Ижевского: „Там бабы народ дотошный, давно стали сарафаны носить“.

Но сукманы одновременно начали появляться и в окружающих их барских деревнях. Повидимому, этому содействовали и тенденции помещиков видеть своих крепостных крестьян в нарядах, за которыми издавна установилось мнение, что они есть национально-русские, именно, в так называемых московских сарафанах с пуговицами, кокошниках или, по крайней мере, повойниках. Действительно во многих деревнях прекрасно помнят о том, как управляющие заставляли баб снимать старые „обряды“. У крестьян казенного села Шостье, расположенного несколько изолированно на границе распространения синего холстового и шерстяного сарафана в пределах первого, даже сохранилось убеждение, что сукман именно есть принадлежность и отличительная особенность помещичьих крестьян. Действительно, крестьяне соседних к ним барских деревень Ерахтур, Мышцы и Пекселы носили сукманы. И сами крестьяне этих деревень говорили мне, что сарафан у нас сукманный, от всех отличный, сторонние — в ситцевых сарафанах (Пекселы).

Однако, как уже выше сказано, тот же самый сукман одинаково встречался еще далее на юг за этими деревнями и в казенных селах: Увесе, Лубоносе, также Тырнове, Инякине.

О времени появления сарафана можно судить по тому, что многие из теперь живущих старух в Увесе, Инякине венчались в черных сукманах, но матери их больше венчались в поневах, и многие из них в гроб были положены не в сарафанах.

Шились здесь сукманы долгие, так что рубаха из под него не была видна; грудь спереди поднималась выше, чем спинка, заходившая лишь немного за талию. Лямки выкраивались совместно с частями всего сарафана и наставлялись, а не пришивались целиком (Тырново). Сукман всегда подпоясывался и считался нарядным праздничным костюмом (см. табл. X, рис. 1). Вместе с сукманом одевался и запан; в Пекселах был особый запан с рукавами, более южного рязанского типа, появившийся вместе с сукманом и являющийся одним из свидетелей того, что сукман продвигался в Касимовский уезд из более южных частей Рязанского края.

Были, повидимому, в Касимовском уезде и еще некоторые виды настоящего сарафана: так, в Жданове Бетинской волости мне называли сарафан „с пазухами“ и клиньями, „как зипун, только без рукавьев“. Но мне он остался, к сожалению, вещественно неизвестным. Повидимому, это был какой-то самостоятельный вид сарафана с плечиками, возможно, что местная мешанная форма—синеный под влиянием моды на темные сарафаны, туземный белый полотняный накладной костюм „сарафан“, который пользовался распространением в Бетинской волости.

Все рассмотренные виды настоящего сарафана характеризуют, таким образом, лишь позднейший культурный влив в Мещерский край, освещая до некоторой степени историю народного быта конца крепостной и после-крепостной эпохи. К более древнему времени должен увести нас обзор прочих видов костюма, носящих в Мещерском крае название „сарафанов“. В виду того, что, как сказано выше, эти формы и культурно и частью морфологически примыкают к группе, рассматриваемой в следующей главе, мы ограничиваемся здесь лишь общей внешней характеристикой, оставив анализ их до следующей части.

Белый шерстяной сарафан с плечиками представляет собой не очень длинный (немного ниже колен, так что из под него видна рубаха), обычно не опоясываемый безрукавный плечевой горничный костюм, одеваемый поверх рубахи (см. табл. X, рис. 2). Покрой его очень прост: одно полотнище перегибается пополам, образуя перед и спинку, и на нем вырезается четырехугольное отверстие для ворота. Плечики остаются, таким образом, широкими, „дощечкой“, по выражению крестьян (Инякино). Третье полотнище перерезается наискось и образует два клина для бочков. Отверстие для головы, рук и край подола обшиваются синей или зеленоватой каемкой из материи. Вышивка и какой бы то ни было узор отсутствуют (см. рис. 31). Известен мне этот сарафан на самом юге Касимовского уезда в селе Инякине, где он считается давнишним местным костюмом девичьим и старушечьим. Аналогичные по покрою формы уводят нас далеко на запад в Тверскую (кастоланы), и в Смоленскую (носовики) губернии вплоть до Эстляндии (сукманы).

Носит название сарафана в С. З. районе Касимовского уезда, где кроме поздних ситцевых, настоящие сарафаны не были известны, девичий полотняный, надеваемый поверх рубахи, горничный костюм,

имеющий покрой предыдущего, но украшенный по подолу красным браньем (Давыдово, Жданово). Благодаря последнему, эти сарафаны называются рубешными (см. 1 гл., стр. 29), чаще же, в виду того, что

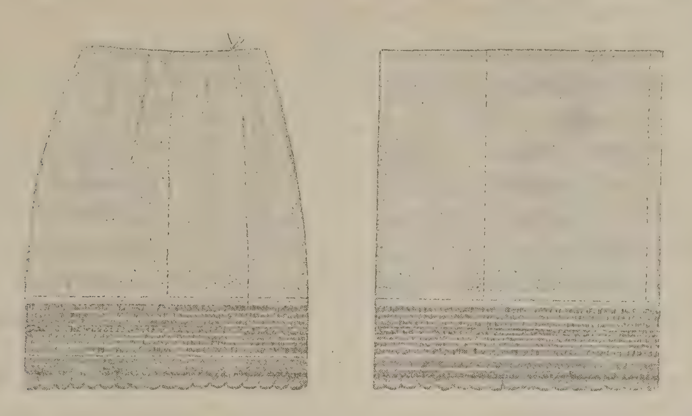

Рис. 36. Девичий полотняный „подол" в виде юбки (Касим. у. Парахин. вол.)
Fig. 36. „Podol" de toile de vierge, genre d'un jupon (Région Mechtchera du Gouv. de Riazane).

они служат покровом для нижней части тела, так как сверх них надевается короткая плечевая рубашка-нагрудник, они известны под именем „подолов". В зависимости от этого сарафаны-подолы из костюма с плечиками местами превратились в белые юбки на гашнике из прямых полотнищ на сборке (Колесниково, Уречино, Парахино) (см. рис. 36).

Местами такие подолы на гашнике явились как вторичная формация, сменив первые сарафаны-подолы (Колесниково). Кроме двух отмеченных, встречается еще третий вариант покроя сарафана-подола в виде сарафана с лифом (см. рис. 37). Известен такой покрой костюма в Курше, но только название сарафана не носит, а просто известен под именем „подола". Однако, несмотря на последнее обстоятельство, именно, куршинский подол более всего мог бы быть связан генетически с сарафаном, только, конечно, не на описываемой территории. Он, в сущности, представляет собой ту западную форму рубахи без рукавов, которую мы называли третьим типом (гл. 1, стр. 25) и которую сопоставили выше с сарафаном в его развитии из верхней рубахи-платья. Ближайшие аналогии куршинскому подолу мы находим, например, у эстов (karrduss särk) и в Швеции (Ündersärk) [1].

Последняя группа костюма в Мещерском крае, носящая название сарафана, является уже вполне частью поневного комплекса. Это полотняная или шерстяная (Курша) браная, белая, с узорным подолом, короткая рубашка, надеваемая при поневе на верхнюю часть тела. У

---

[1]) Heikel A. Die Volkstrachten in den Ostseeprovinzen und in Setukesien. Hels. 1909, часть 2-ая, стр. 67 и 76.

замужних она едва длиннее талии, у девиц имеет различную длину в разных местностях. Чаще всего эта форма без рукавов, но известны местами (Кузьмино) подобные короткие сарафаны с рукавами. Являясь только разновидностями рассмотренных в следующей главе нагрудников-шушпанов, белые сарафаны будут описаны вместе с последними. В данном же случае нас может интересовать не столько форма, сколько сопровождающий ее термин сарафан. Эпоха появления последнего безусловно древнее времени проникновения в Мещерский край настоящих сарафанов. Никаких более древних названий, заменяющих „сарафан“, для соответствующих форм костюма в данном районе никто не помнит. Вместе с тем термин сарафан в таком применении не является исключительно местным. Аналогичное этому явление мы знаем, например, в Жиздринском уезде Калужской губернии, где „сарахваном“ называются тоже короткие нагрудники, надеваемые вместе с поневой. Это делает вероятным относить сарафан-нагрудник Касимовского уезда к эпохе каких-то общих связей на территории меж Мещерским и Калужским Полесьем, действовавших во времена, когда среди русских славян был уже известен самый термин сарафан, упоминаемый в письменных памятниках не ранее XIV в. Замечательно, что область распространения в Мещерском крае термина сарафан для сарафана-нагрудника захватывает всю область браных понев, особенно второго подтипа, тяжелых, т. е. северо-западный угол Касимовского уезда (Курша, Колесниковская, Тумская, Палищенская волости), соответствующую часть Елатомского уезда (Нарма, Савватья), Темниковского уезда (Токмоково) и восточную часть Егорьевского уезда. Самым западным и ближайшим к Москве пунктом, где я еще встретил память о такого рода употреблении термина сарафан, является д. Кузнецы Семеновской волости, Егорьевского уезда, где одновременно была отмечена мною ближайшая к Москве граница недавнего еще, сравнительно, бытования браной поневы.

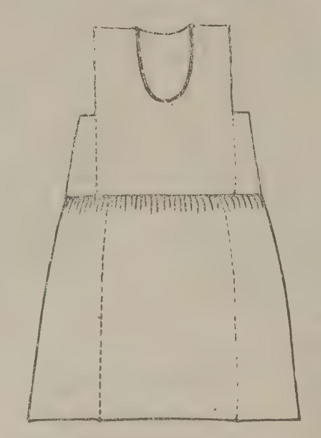

Рис. 37. Девичий полотняный „подол“ в виде сарафана (Касим. у., Курша).

Fig. 37. „Podol“ de toile de vierge à forme du sarafane (Région Mechtchera du Gouv. de Riazane).

Résumé.

L'article présent, qui est une partie d'un ouvrage médité par moi sur le thême de la culture matérielle d'un des groupes de la race grande-russe, représente un tracé introduit dans la description systématique des collections du Musée d'Etat de Region Industrielle Centrale, ramassées par moi et ma femme Agnie Rossova-Kouftine en 1921, par l'ordre du Musée dans les districts de Spasskoïé et de Kassimov du gouvernement de Riazane et les districts d'Elatma et de Temnikov du gouvernement de Tambov, après notre revision, que nous avons faite en qualité de membres de l'exspédition de Riazane en 1919 et 1920. Tout cet ouvrage édité à present comme l'oeuvre du Musée doit contenir 4 divisions:

I. Le costume: 1) de femme de maison: la chemise, la paniova et le sarafane; 2) la chemisette, chouchpane, l'ornement de la tête, la chaussure; 3) le vêtement de dessus de femme et le costume d'homme.

II. Le demeure (l'izba, la cour, les bâtiments de ménage, la technique de construction).

III. Les moyens de voyage (par eau et par terre).

IV. Les occupations et les instruments d'ouvrage.

En collectionnant et en façonnant le matériel, mon but principal a été non seulement de donner le tableau des moeurs du village contemporain du rayon recherché, mais aussi d'eclaircir son sort passé et les types de races éthniques et de cultures le resultat de la mutualité desquels acreyé la population moderne et sa figure. Pour cette raison là l'attention principale a été attirée pour saisir et présenter les traits les plus archaïques des moeurs, qui continuent d'exister encore dans des differentes formes chez la population moderne, mais disparaissent de jour en jour en se conservant encore en formes de survies et dans la mémoire de quelques vieillards.

L'organisateur scientifique et l'inspirateur de tout cet ouvrage a été le professeur Vl. Vl. Bogdanov; c'est après son initiative et par son indication et ses plans, l'expedition ethnologique de Riazane, mentionnée plus haut, a été accomplie en 1919 et 1920, ayant pour but de commencer les recherches planometriques de la province où la Russie de Moscovie se fortifia et où se forma la nationalité grande-russe des deux branches indépendantes sur le terrain indigène de la culture avant-slave.

Le gouvernement de Riazane d'où commencent les ouvrages éthnologiques represente le plus grand interêt parce qu' il est entré comparativement très tôt dans la constitution d'Etat russe et étant peuplé par des slaves aussi tôt avait gardé au même temps plus que les autres regions ses liens de la culture avec les races indigènes finnoises, sous l'influence mutuelle desquelles se composa le type grand-russe. Mais á ce qu'il s'agit du rayon de nos études—des districts du nord des gouvernements de Riazane et de Tambov qui s'appelle le pays de Mechtchera, il est pour la plus part une province où, daprès son caractère de localité forestière et marecageuse et d'après sa situation sur la conjonction de deux cours de colonisation du vieu-russe-slave (Vladimiro-Souzdaltzy — Krivitchy et Riazantzy — Viatitchy), pouvaient se conserver facilement des formes relictives des moeurs, que charactérsirent le type particulier local de la population connus chez des voisins sous le surnom „Mechtchera" *) Semblable á un géologue qui cherche, pour la nomination des suites des couches les sorties de roches dans des fentes naturelles du terrain, ou à un zoo-phito-geographe, qui se sert des îles relictives pour l'eclaircissament de l'histoire du développement de la flore et de la faune du rayon, l'ethnologue qui étudit les gros massifs ethniques considere comme clef pour ses analyses des couches de la culture les groupes séparès de la race qui à la cause de leur développement ont conservé les traits les plus anciens. Ce qui conserne la population grande-russe comme un de ces groupes peut-être consideré la Mechtchera autant que le nom populaire déterminent le type ethnologique et languistique clairement exprimé.

En analysant le costume j'essaye d'exprimer l'origine et les éléments composés d'éthnoculture de ce groupe etnhologique de la race grande-russe. Mais avant de passer á la partie spéciale de cet article je dirai quelques mots du terme „mechtchera", pour écarter des erreurs possibles. Le nom de „mechtchera" est appliqué á la population du bord droit de l' „Oka" du gouvernement de Riazane, comme le nom des habitants de la plaine Mechtchera au nord de l' „Oka", où ce nom est connu. C'est d'ici que le mot „mechtchera" s'est répandu aussi au sud, traversant les gouvernements de Tambov à Penza et à Saratov, par les colonistes arrivés du nord des gouvernements de Riazane et de Tambov.

Quelques explorateurs qui ne connaissent pas les particularités éthnologiques des différentes groupes de la race grande-russe, à

*) Il ne faut pas confondre avec des „mechtcheriaki", d'après le langage de la population turque, proche des bachkires.

cause l'originalité du costume et du langage de Mechtchera au bas de la Volga ont donné l'idée de considérer les vieux colonistes du pays de „Mechtchera“ comme une „race ancienne finnoise“.

Pourtant l'étude du costume, du langage et des autres traits des moeurs nous permet de voir dans ces colonistes une nationalité russe á laquelle appartient aussi et la mechtchera de Riazane et de Tambov, qui ne conserve pas plus de traits finnois, que chaque autre groupe du sud de la Grande-Russie. D'autre part une inspection des notices des annales anciennes russes du mechtchera, comme d'une race finnoise, montre que ce nom ne se trouve pas dans les anciennes redactions, mais seulement retrospectivement est entré dans les vieux annales au temps plus avancé (en XV siècle), lorsque sur la rive de l' „Oka“ il ne resta plus d'autre race finnoise que la mordva, qui existe jusqu'à présent. En effet, le mot mechtchera comme nom d'une race se trouve dans la pluparts des listes seulement dans une phrase au lieu des tcheremisses, dans une énumération des nations qui demeurent sur les bords de l' Oka.

Ainsi la mention de la mechtchera se trouve dans les annales de Voskressensk, de Sophiysk, de Novgorode (abregées), de Tver, de Tipographie, dans celle d'Abraamky; seulement dans une seule liste des annales de Nikone la mechtchera est mise dans la „Povest Vremennich Let“ à coté des tcheremisses sans avoir laissé échapper ces derniers. Dans une autre phrase de „Povest“, où les races du bord de l'Oka sont énumérées comme celles qui payent le tribut à la Russie le nom de la mechtchera n'est pas mis dans aucun des listes. En 6367 (859 après J. Ch.) seulement dans une seule des annales, celle de Nikone, dans ses deux énumérations la mechtchera est nommée parmis des races qui payent le tribut au variagues étant mise à la place de „merïa“. Il n'y a plus d'autres indications, plus rapprochées du temps de ces insertions, au sujet de l'existence d'une race spéciale de la mechtchera; seulement les annales de Sophyïsk et de Novgorode 4-me qui mentionnent: „rati mechtcherskoy“ (troupe de la mechtchera) ce qu'il faut probablement comprendre comme l'indication de l'origine des troupes du lieu de Mechtchera. Probablement le mot „mechtchera“ qui est à present employe par des paysans comme la nomination du lieu, était remplacé par l'auteur des annales du nom topographique par un nom d'une population, qu'il a mis pour corriger des annales anciennes, au lieu de tcheremisses, qui n'existaient plus à son temps sur les bords de l'Oka.

Ainsi donnant le nom de la „mechtchera russe“ à une groupe de la race grande-russe nous ne sommes pas disposés de lui prescrire l'origine spécifique finnoise, mais nous n' exclusons pas la possibilité d'y voir une cóuche indigène finnoise, peut-être plus jeune que dans des plusieurs autres de la Grande-Russie du midi.

Une simple revision du costume de la province décrite nous permet de diviser notre ouvrage à 3 groupes. Premièrement: les parties du costumes qui sont étranges aux finnois des bords de la Volga. A ce groupe

se rapportent les articles: la chemise de femme, la paniova et le sarafane. Secondement, les parties du costume qui coïncident dans quelques details avec des cathégories analogiques du costume des nombreuses races finnoises des bords de la Volga. Dans ce groupe on peut examiner: le chouchpane, la chemisette l'ornement de tête (la coiffure) et la chaussure. Enfin troisièmement, les parties du costume les mêmes chez les finnois du bord de la Volga et les grands-russes. Ce sont pour la pluspart le vêtement de dessus de femme et le costume d'homme.

Ainsi les formes du costume étudiées dans cet article montrent les nouvelles couches ethniques pour les sphères indigènes anciennes qui etaient attirées sur ce territoire par le torrent de la culture slave et qui parallelement avec le langage y mettent la mechtchera russe dans la constitution de la population russe. C'est pourquoi l'analyse comparative ne touche pas la perspective de la culture historique du rayon donné, à l'époque de la colonisation avant-slave, mais nous conduit sur le territoire, où se formaient les relations mutuelles des races separées des slaves d'orient et aussi par fois du sud et d'ouest.

La chemise.

Au pàys de la Mechtchera la chemise est un élément principal du vêtement de femme, c'est un long vêtement de linon ou de chanvre qu'on met directement sur le corps. Elle diffère de la chemise d 'ouest de l' Europe par des manches et ne sert pas exclusivement comme linge. Parfois les paysannes portent comme costume seulement la chemise, mais en mettant la ceinture, par exemple pendant la moisson, pour cette occasion elles ont des chemises spéciales richement brodées. Il n'y a pas longtemps, que la chemise était le seul costume de sortie pour des jeunes filles. Ces dernières de la génération passée n'avaient rien d'autre qu'une chemise pour aller à l'église. Et jusqu'à présent des fillettes de 14 ans jusqu'aux premiers signes de maturité, dans tout ce rayon nommé, où le sarafane n'est pas encore entré en mode, ne portent rien d'autre qu'une chemise. C'est pourquoi on a transporté sur la chemise toutes les particularites de la robe de sortie, qu'on faisait d'une étoffe plus lourde. Telle etait la chemise avec des manches énormement longues, qui tenaient leur origine probablement des costumes de boyards.

La chemise de femme du pays de la Mechtchera d'aprés sa forme n'a rien de commun avec celle des Volga-finnois et des orient-finnois et appartient complètement au type qu'on pourrait nommer „Orient-Slave". Toutes les formes de la chemise de femme qu'on rencontre ici peuvent être divisées en trois sous-types du type principal. Pour saisir ces traits il est necessaire de s'arreter sur un schéma classifique general. La coupe est considerée comme un indice systematique, fondamental. A présent dans l' Europe d' orient on peut observer trois types principals de la coupe de chemise.

I) Le type de la forme de tunique (voir le dessin I): la chemise a la forme d'un sac rectangulaire, à la plus part composée de quatre lés

de toile, qui a trois trous, l'un pour passer la tête et deux pour les mains, où l'on ajoute des manches cylindriques. Toutes les coutures principales sont rectangulaires et la chemise peut être très facilement étandue sur une platitude. Dans cette coupe on peut marquer deux sous-types principals (dessin I a et b).

Nous rencontrons la coupe en forme de tunique dans les tuniques romaines et dans les vêtements royales de Byzante et dans ceux de pontife derivés de ces derniers (saccosse, divitiscii et les autres). La même coupe characteristique pour des chemises de femme existe chez les races finnoises de la rive de la Volga et chez les tchouvaches. C'est aussi ici qu'on peut rapporter la chemise d'homme de la Grande-Russie et en partie celle de la Petite-Russie. Nous ne rencontrons jamais ce type de coupe dans la chemise de femme russe; pourtant les autres parties du costume de dehors qu'on met sur les épaules au dessus de la chemise (le chouchpane le plastron) sont coupées ordinerement d'apres le second sous-type (voir la 2-me partie).

2) Le second type de la coupe est caractérisé par de enchâssements sur les épaules appellés „poliki" (peut être du nom grec polliko: pallion, mantile), qui par son bord interieur forment une ouverture pour le col, qu'on plisse. Quelquefois on plisse aussi des manches larges dans sa base (le dess. 2-me). Ce type de la coupe de la chemise de femme est caracteristique pour la Grande-Russie du nord et du sud, pour la Petite-Russie et pour la Russie-Blanche. Dans le costume d'homme ce type de chemise est plus rare et il est connu dans quelques lieux d' Oukraïne (Gouvernement de Voroneje) comme un type plus vieux et de même chez les slaves russes des Karpates. Chez les Volga-finnois, les tchouvaches et dans le groupe d'Ougorsk cette coupe ne se trouve point. Les chemises du rayon étudié sont aussi de ce type.

On distingue quatre sous-types dans le second type, dont chaqu'un a sa province d'ethnoculture et son territoire.

a) Le premier sous-type a des enchassements d'epaules d'une forme rectangulaire qui sont attachés au bord supérieur des lés de la chemise (dessins 2, 5, 6, et 7). En étandant la chemise sur la platitude les manches de la chemises forment un angle abtus; le col est peu garni. Ce sous-type dans des variations se rencontre pour la plus part au nord de la Grande-Russie et penètre comme une forme plus moderne au sud de la Grande-Russie et même à l' Oukraïne. Dans le pays de la Mechtchera ce sous-type est exlusivement d'origine plus moderne; et ses modèles plus vieux faits d'étoffe de la propre tisserie (dessin 5, 7) dominent à présent exclusivement dans la partie du nord aux limites du gouvernement de Vladimire.

b) et c) Dans le second et le troisième sous-types les enchassements d' épaules ont une forme de trapèze aux angles pointus à la base (dessins 10 et 12). C' est avec ces angles que les enchassements d' épaules s' enfoncent dans la taille et se nomment par leur situation „cossyïe poliki" (les enchassements obliques). Dans le second sous-type

les manches sont attachées droitement aux „poliki“ par leur base et les polikis s' avancent en haut (dessin 8 et 10), et troisiemement les manches s' attachent aux lés de la chemise, tandis que les „poliki“ s' enfoncent profonelement dans les manches (dessins 14, 15 et 16). Ces deux sous-types sont caracteristiques dans la province étudiée et chacun d' eux domine dans sa province (voir la carte). Le second sous-type qu' on rencontre dans la partie de N. W. du district de Kassimov chez des groupes ethnologiques originals comme chez des Kourchakis et Parachintsis n' est connu nul autre part et probablement il tient son origine purement locale. Le troisième sous-type le plus ancien et typique dans le pays de la Mechtchera (voir Tabl. I) est répandu en forme d'île d'une coté dans le gouvernement de Riazane (exepté les disticts de steppe) et chez la mechtchera — chez les anciens colonistes de ces lieux; d'ici— dans les gouvernements de Penza et de Saratov et d'un autre coté dans des parties desertes du gouvernement de Kalouga, tandis que dans tous les autres gouvernements du sud de la Grande-Russie domine son propre quatrième sous-type ancien et aussi le premier sous-type qui le chasse. Cela nous permet de supposer quelques liens anciens entre la populations des gouvernements de Riazane et de Kalouga de quoi nous parlerons après.

d) Le quatrième sous-type est un type en certain degrés intermédiaire, mais pas gibridique entre le premier et le second. Il a des enchassements en forme rectangulaire qui sont attachées aux épaules obliquement, cela veut dire pas par le bord transversal du haut de la chemise comme dans le premier sous-type, mais par le bord longitudinal, de la chemise, c' est pourquoi en regardant la chemise étendue les manches forment avec la taille non pas un angle obtus, mais un angle pointu, comme chez le second et le troisième sous-type. Des differentes variations de ce sous-type se forme la couche ancienne, la plus caracteristique du sud de la Grande-Russie (dessin 18), d' Oukraïne et de la Gallice (dessin 19) et aussi de plusieurs lieux de la Serbie.

3) Le troisième type de la chemise est la chemise de femme sans manches avec une ou deux bretelles attachées directement à la chemise ou du corsage (voir dess. 3). On renkontre les chemises de ce genre chez les slaves occidentals, chez qui, par exemple les cheques, cette coupe est connue sur les minuatures encore au XIV siécle (voir dess. 4). Les chemises aux bretelles sont à trouver encore chez les paysans svédois. Chez les slaves orientals nous rencontrons le troisième type dans le grand-russe sarafane-droit et dans les chemises de femme de la population de la classe de ville.

La panïova.

Comme nous l'avons vu, la chemise avec une ceinture represente le plus vieux costume de sortie d'une jeune fille du pays de la Mechtchera, mais l'attribut indispensable du costume d'une femme mariée, au temps très éloigné dans la province étudiée était la „panïova“ qui est

absente chez les races volga-finnoises et chez les tchouvaches. La „panïova“ a été remplacée plus tard par le „sarafane“ et à présent par la jupe.

La „panïova“ est une sorte de jupe de laine plus ou moins colorée, ordinairement sans être boutonnée, cela veut dire, avec une fente en avant ou de coté; en sa forme plus achevée avec une „prochva“ (un entre-deux) cela veut dire, avec un morceau d'une autre étoffe dans la coupure, par exemple: l'étoffe brodée ou teinte (voir tab. II). La „panïova“ est liée, historiquement, éthnologiquement et dialectologiquement avec le groupe grand-russe de sud clairement exprimé par la diffusion géographique parmis les races russes. Le sarafane arrête la diffusion de la „panïova“ en Grande-Russie du nord, mais il mème penétre dans les provinces grand-russes du sud, avec l'affluence de la classe des employes envoyés en XVI et XVII siecles pour défendre les frontières de la Moscovie, comme le demontre le proffesseur D. K. Zelenine. Comme vêtement des classes plus hautes le sarafane est devenu un costume à la mode et pour cette raison il s'est répandu parmis des grand-russes du sud. Au contraire, la panïova, archaique par son être, répresantait un costume purement de peuple et probablement ne jouait aucun rôle dans le costume de la classe superieure de la ville, dès les premiers pas de la vie d'état russe. Nous ne voyons presque pas la „panïova“ dans les minuatures anciennes russes et dans la peinture iconographique au commencement du X siècle, sans compter le „lore“ byzantique une sorte de châle, qui descent des épaules en couvrant la poitrine et qui est cerré à la ceinture; ce „lore“ peut correspondre, peut être, à la „plachta“ de la Petite-Russie, commune à la „panïova“. Nous ne connaissons pas la „panïova“ aussi dans l'art grec du sud de la Russie et aussi dans plusieurs images de l'epoque des scytho-sarmates. Au même temps l'indoutable parenté de la „panïova“ avec la „plachta“ de la Petite-Russie et avec quelques élements du costume des sud-slaves (compares la „fouta“ des bulgares, l'„irame“ à carreaux de montenégrins et la „catrinta“ des roumains qui leur correspond, l'origine indo-européene du terme lui même de la „panïova“: indo-europ. pân—un morceau d'étoffe), [s] pen—tisser), tout cela nous indique la solidité des traditions populaires qui sont liées avec elle et nous obligent de la chérir comme un fragment précieux des rélations de la culture encore obscures dans l'ancienne époque de la vie de la race russe.

Dans les anciens manuscrits russes le terme la „panïova“ se rencontre déjà au commencement du XI siécle comme un lé d'une étoffe, un tissu de linceuil („linteum“) et un manteau (chlamys). Dans des autres langages slaves le mot „panïova“ s'emplyoe dans le sens d'une couverture et d'un drap de lit (compares le „ponva“ de tchèques et le „ponïava“, de monténégrins).

Il est plus difficil de suivre le developpement de la „panïova“ comme d'une partie du costume de femme, que d'apprendre, l'histoire de ce terme. Malgré son aspect élémentaire dans ses plus simples mo-

dèles la „paniova“ nous montre dans la manière de la porter quelques traits inexplicables en considérant son aspect élementaire du présent et nous fait supposer des stades plus compliqués dans son évolution. Pour l'histoire du développement de la „panïova“ il est essentiel, que la „panïova“ ne represente pas un morceou entier d'etoffe, qu'on met diametralement autour du corps, mais qu'elle est toujours compôsée de trois lés d'étoffe de laine qui sont placés verticalement, même dans des cas lorsque la longueur de la „panïova“ ne surpasse pas la largeur de l'étoffe. Le bas de la „panïova“ si courte qu'elle soit dans differents lieux est souvent élevé et est fourré assymetriquement sous la ceinture. Cette manière de porter la „ponïova“ est peut être anologique à la manière de porter la „plachta“ d'Oukraïne qui consiste de deux lès longs verticals pliés en deux et qu'on fourre on la pliant en deux à l'envers. En différence entre la „plachta“ d'Oukraïne et les costumes à ceinture slaves la „ponïova“ est lié au corps pas par une ceinture, mais par un lacet (le „gachnik“) qui lie en plissé le bord superieur de la „panïova“ analogiquement comme les pantalons d'homme. Les pans de la „panïova“, qui entourent les hanches ne se rencontrent pas et forment un sorte de fente du côté ou en avant (voir tab. I). Dans cette fente, dans des plusieurs rayons, on coud des lés d'une étoffe plus légère qui s'appele la „prochva“ (l'entre deux) et cette „panïova“ prend la forme d'une jupe. Dans le pays de la Mechtchera on peut trouver la „panïova“ avec et sans la „prochva“ (voir la carte) il y en a des lieux où l'on trouve toutes les deux formes de la „panïova“, une comme un costume de fête et l'autre comme celui de chaque jour.

Les jeunes filles ne portent pas la „panïova“ dans les provinces étùdiées, aves quelques exeptions rares, mais pourtant on ne peut pas considerer la „panïova“ comme une partie du costume symbolique du mariage, comme par exemple l'ornement de la tête, qui couvre entiérement les cheveux, que la jéune fille mettait tout de suite après la cérémonie du mariage. La cérémonie d'habillage de la panïova précedait à celle du mariage et à ces moments de la cérémonie du mariage, qui indiquaiet la confession de maturité et de majorité de la fiancée. C'était, le parrain et la marraine, ou les frères qui vêtaient ordinairement la fiancée de la „panïova“ pour aller à la cérémonie du mariage. Les femmes en vieillissant cessent de porter la „panïova“.

On peut considerer dans le type de la „panïva“ d'après la technique de la préparation d'étoffe de laine et d'après des traits qui la suivent trois sous-types principals.

a) L'étoffe de la „panïova“ est légère (le „outok“ c'est à dire la tissure transversale et l'„osnova“ c-à-d. le fond, sont faits, de laine preparés sur les deux remises, comme dans la toile) (s. 22), il est de la couleur bleu-foncée, ou noire, couverte pour la plus part de grands carreaux de files blancs ou colorés. Les variations aux carreaux de ce soustype sans la „prochva“, ou avec la „prochva“ du nankin de la couleur

bleu-foncé est très enfaveur dans tous les gouvernements grand-russes du sud celui de Toula, d'Orïol, de Kalouga, de Koursk, de Voronej, de Tambov (exceptés les districts du nord) et dans la moitié du sud du gouvernement de Riazan. Ce sous-type est peu caractéristique pour le pays de la Mechtchera et on rencontre comme de rares variations de la panïova— rouge, bleu-foncée à carreaux, connue encore dans le gouvernement de Kalouga et de la panïova noire gaufrée qui est anologique aux jupes gaufrées de „lemki", de „goutsouli", des bulgariennes et aussi de lithuaniennes de Mariampol.

b) L' étoffe de la „panïova" est double (à quatre remises) dont la face est en laine et la doublure en toile (voir dess. 23) tissée ensemble en formant une raie du dessin svastique composé. Le fond et le „outok" sont entremêlés de laine et de toile. Le tissu est ordinairement de la couleur rouge, teinte par la „morena" (Rubia tinctorum) avec de raies bleu-foncés dans le fond et dans le „outok", qui donnent en se croisant des carreaux de trois nuances de couleur. La „panïova" est toujours faite avec une „prochva" rouge qui ne va pas jusqu' au bas de la jupe (voir tabl. III, IV, V, VIII).

Ce sous-type de la „panïova" est exclusivement endemique pour le pays de la Mechtchera, ne se trouvant nulle part outre ce rayon et y occupant le rayon médiocre de N. W. sur les rives des lacs, pres des sources des fleuves „Pra" et „Pola" et aussi aux „Narma" et „Gouss" (voir la carte). Ce sous-type d' après l' ornement peut être divisé en deux groupes l' un des „lacs", au raies transversales (voir tabl. IV), l' autre „Toumsko-Parachinskiy" aux carreaux (voir tabl. III, V, et VIII).

Le dessin svastique de la „panïova" de ce sous-type probablement a quelque correspondance à une autre groupe des motifs svastiques tissée du pays de la Mechtchera, precisement sur les essui-mains des tatares de Kassimov. Autant que le svastique est étrange aux ornements turques et on ne le trouve pas dans des dessins variés de la „plachta" d' „Oukraïne" et dans des parties correspondantes du costume des slaves des Balkans, on peut considerer son origine comme avant-slave indigène sur ce territoire, surtout parceque le svastique est bien connu dans la broderie de „mordva", de „korela" et de „vogoul-ostïaki", et parceque l' ornement de méandre, proche au svastique, était très répendu au pays dela Mechtchera encore au temps de l' époque de bronze.

Les figures svastiques sur la „panïova" de ce rayon se nomment les „koni" (les cheveaux) ou „konskïé golïeni" (les genoux de cheveaux).

Dans le troisième sous-type l' étoffe de la „panïova" est lourde, épaisse faite sur le fond de files de chanvre solides et cordés; elle est faite, comme la précedante, aussi à quatre remises, mais suivant un autre ordre du mouvement. Le „outok" est de laine rouge et bleu-foncé, et pour faire le dessin il prend encore un autre file de toile. On met de files transversals deux fois de plus que dans l' étoffe de la „panïova" du premier type parceque le fond n' est

pas compacte et on cerre solidement le file de le „outok“, pour cacher les files du fond, et l' étoffe elle même à l' air d' une clôture de branchages (voir dess. 24, 25 et 27).

D'après le dessin du fond et la technique cette panïova ne peut jamais être aux carreaux, mais elle est monochrome, ou rayée (voir tabl. VI et VII). Le groupe monochrome est ordinairement de couleur bleu-foncée bordé au bas de rouge (voir tabl. I et VI dess. I). La variation—la „panïova“ avec des raies transversals — a le fond rouge aux raies bleux foncées.

Dans les modeles monochromes sans dessin l'étoffe est unilaterale, comme sur le dessin 27; le „outok“ forme une couverture sur la face de l'étoffe. Sur les modeles au dessin (voir tabl. II dess. 2, VI, VII) le dessin blanc de toile noie souvent du coté de la face en formant des élévations en reliefe (voir tabl. VII) qu'on peut bien voir du coté gauche en forme de rombe (dess. 28), quelque fois svastique (voir dess. 26).

Le troisième sous-type est un type dominant dans le pays de la Mechtchera, se rencontrant dans les modeles sans la „prochva“ et dans ceux avec la „prochva“ (voir tabl. II dess.) ayant des différentes variations (voir la carte). En dehors du pays de la Mechtchera cette „panïova“, n'ést connue nule part, exepté les parties desertes du gouvernement de Kalouga (voir dess. 28), dont liaison avec le pays de la Mechtchera nous avons deja constaté. Ainsi, à ce qui conserne la panïova et la chemise, le pays de la Mechtchera est opposé à toute la province large, où domine le costume de la „panïova“, comme celui de formes rares relictives. Les liens visibles de ces derniers avec le gouvernement de Kalouga dans ses parties les plus desertes, forestières, et en même temps la richesse et la perfection artistique de la tisserie nous permet de voir dans les „panïova“ de la Mechtchera un monumant d'un groupe d'ethnoculture très original des slaves d'orient, en difference de ceux, qui portent des traits dominants de culture de la race grand-russe du sud (les chemises du 4-me et du 1-ier sous-type et la „panïova“ bleu-foncée à carreaux du 1-er sous-type). Probablement c'est à ce groupe rare que se rapporte la „panïova“ de Moscou, où elle était connue, au XVII siecle (dess. 30). Ces differences dans le costume ont une correspondance à celles dialectologiques autant, que presque toute la province étudiée appartient d'après son langage au groupe nommé mi-grand-russe, cela veut dire à un groupe qui a du fond des langages du nord-grand-russes (mais pas ces du type voisin de Vladimir-Souzdal, mais d'un autre) qui ont changé plus tard sous l'influence sud-grand-russe, principalement dans le domaine du vocalisme. Est ce que la „panïova“ précédait l'apparition de ces derniers phénomènes dans les dialectes du pays de la Mechtchera, ou les accompagnait elle? Ce dernier cas aurait pu avoir lieu, si l'on pourrait supposer la présence parmis les ancêtres des sud-grand-russes d'une race particulière d'après la culture matérielle différente des autres. Si la „panïova“ de la Mechtchera était déjà connue par le groupe du nord-grand-russe lui même sous l'influence duquel resultait le slavenisme dans ce pays et s'il n'y avait d'autre changement rude du costume, ce

qui est plus probable, il faut penser, que parmis les races nord-russes il y avait des groupes qui n'oubliaient pas la „panïova" commune aux slaves d'orient et du sud, qui est remplacée dans le nord de la Grande-Russie à present par le costume du sarafane. L'essentiel est que dans la formation du peuple du pays de la Mechtchera devaient prendre part de tels groupes des slaves d'orient, qui ont gardè les traditions particulaires du costume, et qui ont trouvé des formes inconnues ni dans le nord, ni dans le sud de la Grande-Russie. Acceptant les donnés des annales anciennes russes à-propos des races slaves qui, ont colonisé l'Oka et la Volga, mais sans décider si les „Vïatitchi" parlaient avec le consonantisme grand-russe du nord ou du sud (le „akanïé", prononciation de *a* au lieu de *o*, est apparu plus tard), nous pouvons supposer, que si les colonisateurs de la Volga et de la Klïazma etaient les „Krivitchi", c'est alors que les Vïatitchi étaient ceux qui portaient la „panïova" de la Mechtchera. Dans ce cas on peut compter qu'au bassin du „Don" était concentrée une race particulière orient-russe d'une culture forte différente aux „Vïatitchi" et qui representait la culture caractéristique grand-russe du sud. Il est très probable, que dans ces derniers il faut voir la population de la Russie de „Tmoutarakan" près d'Azov etant repoussé apres le 12 siecle au nord et à laquelle, comme suppose l'academicien m-r Chakhmatov, devait sa prosperite la principauté de Riazan par son évolution rapide et lequel était une source de l'„akanïë" des grand-russes du sud et des russes-blancs.

Le sarafane

„Le sarafane" comme un remplaçant territoriel de la „panïova" dans le costume de femme du nord-grand-russe, représente comme cette dernière le costume de la maison et celui de sortie, dans le rayon, où la „panïova" n'est pas connue, ou n'est plus en mode. Le „sarafane" dans le rayon étudié est le nouveau-venu.

Les plus vieilles femmes de cette génération, ou celles de la dernière se souvienent encore d'apparition du „sarafane". Le „sarafane" a remplacé la „panïova" indigène et c'est très rare qu'on peut compter plus de 100 ans de son existence. Mais ce sera tout autre si nous suivrons non pas autant la diffusion de la forme du costume, qui a le nom du „sarafane" dans la littérature, mais celle du terme la „sarafane". Nous rencontrons ici une incoincidence de ces deux phénomènes. Le terme le „sarafane" est décidement plus ancien dans le pays de Mechtchera, que le costume qui lui correspond ordinairement. Les chemisettes courtes de linon, rarement de laine, ornées du dessin sont connues ici dans le coin de N. W. sous le nom du „sarafane". Ces chemisettes sont chez des juenes filles jusqu'aux genoux et chez des femmes mariées elles surpassent un peu la ceinture. Nous les examinerons en rapport son groupe morphologique dans l'article suivant. En outre il y en a longtemps encore avant de l'apparition du vrai sarafane, qu'une forme de costume est connue dans le pays de la Mechtchera; cette forme pourrait être lié avec

quelques prototypes du sarafane, mais certainement hors du rayon étudié, c'est le nommé „belyi sarafane“ (le sarafane blanc) dans le village d' Ynïakino (voir dess. 31 et tabl. X dess. 2). On rencontre en même temps depuis longtemps dans le pays de la Mechtchera quelques formes, qui sont de famille du „sarafane“, mais qui ne portent pas ce nom. Quelques formes du groupe appelé les „devitchyï podoli“ se rapportent à ce dernier groupe, par exemple le dessin 37, tandis que les autres formes du sarafane ayant encore une petite chemisette qu'on met au-dessus des épaules sont transformées du costume aux bretelles en jupe plissée sur un lacet (voir dess. 36).

Ces différences dans des groupes du costume, qui portent dans le pays de la Mechtchera le nom du „sarafane“ nous obligent de faire attention, d'un côté à la question, qui conserne le „sarafane“ en général justement sur ce point que le sarafane comme un fait historique de la culture a ses parties séparées, comme par exemple le „sarafane“ — le terme et le „sarafane“ — l'objet, et aussi les détailles séparés du „sarafane“ ont leur vie differente, leur histoire (chronologie) et leur territoire de diffusion. C'est tous ce que nous ne permet pas de transporter tous ce que nous connaissons sous le terme „sarafane“ au „sarafane“ comme un phénomène morphologique et au rebours. Si nous supposons que le terme „sarafane“ est d'origine de perse, c'est alors n'est point obligeant de compter comme telles et les formes, qui sont liées avec lui. En général la séparation du terme et d'objet dans le fait composé du sarafane comme les phénomènes de la gibridisation des formes entre eux mêmes et entre la forme et le terme, jouent un rôle plus large, qu'on le pense de coutume. C'est d'après cela qu'on indique les moyens pour determiner la question du „sarafane“ et des ses élements composés: un analyse formel et historique-cultural des objets eux mêmes est nécessaire. Le „sarafane“, comme forme, se gravite non pas à l'orient, comme c'est juste pour le terme (de perse — sarapa — vêtu des pieds jusqu'à la tête), mais à l'ouest, où les formes aux bretelles, qui ne sont pas repandues au Caucase et en Mi-Asie, mais qui sont liées au contraire d'une côté avec la chemise du troisième type des tchèques (voir dess. 4) et avec les costumes de près de Baltique, qui ressemblent au sarafane par exemple: le costume des svédois (Ündersärk, Tiol) qui sont publiés par A. Heikel (voir dess. 34) et d'autre part—avec des originales jupes—mantilles (Khourston) des finnois d'ouest (ingres), qui représentent des formations intermediaires entre la „panïova“ et le „sarafane“ aux bretelles (voir dess. 29).

L'étude de la genèse du „sarafane“ n'entre pas dans cet ouvrage, surtout parceque le „sarafane“ dans ses formes développées typiques est un phénomène arrivé dans le pays de la Mechtchera. Mais comme nous l'avons fait dans les derniers chapitres en nous arretant sur la systematisation du costume étudié en général, autant qu'elle ne se trouve pas dans la littérature, nous toucherons la question du développement des formes du „sarafane“ de vue qu'il est nécessaire pour une classification réele.

Ce groupe du costume qui a reçu dans la littérature le nom du sarafane représente un vêtement de maison et celui de sortie, qu'on porte en forme de jupe-haute aux bretelles sur la chemise ou en forme d'une robe entière sans manches, quelque fois avec un corsage attaché à la jupe, ou sans le corsage. Ce „sarafane" est fait pour la plus part d'une étoffe monochrome foncée, ou colorée. Dans des rares exeptions le „sarafane" peut avoir des manches, qui sont ordinairement fausses; on fourre ces manches sous la ceinture, ou on les attache par derrière. On distingue légèrement deux types principals du „sarafane", qui ne sont pas autant liés entre eux mêmes génetiquement, qu'ils ont influé l'un à l'autre en se croisant.

1) Le premier type, qui peut être appelé—le „sarafane kossoklinnyï", est caractérisé par sa coupe de lés en penchant, pour formes les basques de côté d'une étoffe monochrome, et grâce à cette coupe ce „sarafane" est bien ajusté à la taille et parfois aux hanches et tombe en formant un bas large. Ce „sarafane" est retenu sur les épaules par des épauletes, ou par des minces bretelles coupées entièrement avec les lés: celui ci du dos et les deux lés du devant (voir dess.: 31, 32, 33 et 35).

2) Le second type—c'est un „sarafane" droit, qui a la forme d'une jupe en plissé, qu'on met très haut, sur la poitrine, et qu' est faite de 5—7—8 lés droits, ordinairement de toile peinte ou d'une étoffe à dessin, achetée. Le „sarafane" droit est retenu sur les épaules par des bretelles, ou par un corselet aux épaulettes, qui sont tous les deux attachés au „sarafane" (voir dess. 34 et 37).

Le „kossoklinnyï sarafane" presque partout sur le territoire de sa diffusion est lié par quelcunes de ses formes avec la couche plus ancienne de la vie du peuple, que l'est le „sarafane droit". Le materiel dont le „kossoklinnyï sarafane" est fait nous montre déjà, en partie, ce qu'il est parvenu des élements indigènes: c'est de toile bleu-foncée, parfois noire, quelquefois d'étoffe de laine des couleurs naturelles, ou même teinte du noir et dans quelques lieux du rouge par la couleur végetale.

La parure de femme, qui suivait souvent le „kossoklinnyï sarafane" nous certifie aussi sa plus grande antiquité. Cette parure est à la fondation dure („zdericha", ou „samchoura") et avec une couverture parée, anologique à la „kitchka" avec la „soroka" des grands russes du sud, tandis que le richement orné „kokochnik" des grand-russes du nord est visiblement lill avec le „sarafane droit" et représente avec ce dernier l'exposant d'influence dans des villages du nord d'une assez vieille culture bourgoise-commerciale de la ville. Pour comprendre cette couche du sarafane plus ancienne, il est très important d'apprecier, que le „kossoklinnyï sarafane" dans des lieux très rares est connu par la population sous le nom du „sarafane". En divisant tous les aspects du „sarafane" à deux sous-types, nous aurons aussi les deux groupes suivantes de termes très diffèrents de son origine.

a) Le premier sous-type est caractérisé par le manque de couture et de boutons sur le devant (le devant et le dos sont fait d'un lé d'étof-

fe plié en deux) et par des larges épaulettes. Il a souvent des manches fausses. Le meteriel dont il est fait est pour la plus part du drap (voir dess. 32a). Les „sarafane's“ de ce sous-type dans des plusieurs lieux de la Grande-Russie du nord sont connus sous le nom des „souchpane“ ou „chouchoune“ très repandu dans la Grande-Russie du sud. On y applique aussi le terme le „soukman“ (vieux-français: sous-quanie de XIII siècle), par lequel on indique une forme grand-russe du nord presque identique à celle orientale bulgarienne (voir dess. 33). La forme grand-russe du nord est distinguè par un arrangement caracteristique de lès des côtés, qui se dirigent vers celui du dos en formant un dessin sapindacé (voir dess. 32-a).

En rapport des présentants de ce sous-type il y en a encore un terme commun à celui de presqu' île de Balkan le „koundich“ des sud-slaves et le turc — „kontoch“, vieux-grec — „kandys, kandus“, et qui est probablement apporté par l' entremise polonaise („kuntusz“). Le „sarafane blanc“ du pays de la Mechtchera (dess. 31) appartient à ce sous-type et représente une forme transitoire du „chouchpane“ grand-russe du sud au „sarafane“

b) Le second sous-type—le ,,kossoklinnyï sarafane“ aux bretelles et avec une couture et des boutons sur le devant garde les traditions d'un vêtement ouvert, non pas boutonné (dess. 35). Il diffère aussi du premier sous-type par sa manière de coudre dans le bas de lès des coins qui élargissent la jupe, et qu 'on trouve l'arrangement sapindacé (en forme du sapin) de lés non pas sur le dos, mais sur les côtés. Les fois rares d'arrangement de lés du dos en forme sapindacée dans le second sous-type nous montre le gibridique de cette formation (dess. 32 b.) Le rôle principal dans ce sous-type appartient au „sarafane“, de toile bleu-foncée à la doublure ou à celui ci du nankin aux boutons sur le devant, qui remplace le premier. Dans le rayon de Haut-Volga, dans les gouvernements de Novgorod et de Pskov ce „sarafane“ est connu sous le nom qui existait dans le costume des boyards pour un spéciel vêtement d'homme la „ferïaz“ (turc „faradja“—un vêtement de femme aux manches-fausses, qui est porté—en couvrant le corps tombant de la tête). Du même genre est le sarafane du gouvernement de Moscou et de quelques lieux des gouvernements de Tver et de Smolensk appelés là le „saïan“; le mot qui était connu en XVI siecle, déterminant un habit très chèr de drap de la noblesse lithuanienne (lithuanien — „sajokas“, polonais—„sajak“, italien — saione“, byzantique—„sagia“—un manteau des militaires, vieu-grec—„sagos“). Les semblables „sarafane's“ dans les gouvernements du nord portent les noms qui étymologiquement montrent le materiel ou la couleur dont ils sont faits: „coubovniki“ (bleu-foncé), ,,krassilniki“ (coloré-rouge), ,,doubassi“ (tanné), ,,kitaïetchniki“ (du nankin) e. t. c.

Dans le pays de la Mechtchera le ,,sarafane“ de toile bleue-foncée et celui ci de fête —de nankin appartenant à cette variation se sont rependus pour la plus part dans la partie du nord du pays et dans le

rayon des villes Kassimov et Elatma s'approchant à la province, où depuis longtemps dans le gouvernement de Vladimir ce „sarafane“ avait dominné. Dans la moitié du sud du district de Kassimov le sarafane bleu-foncé était remplacé comme chez les paysannes du domain, même chez celles de la couronne par un modèle de la même coupe fait d'étoffe de propre tissage de laine noire (voir dess. 35), appelé ici le „soukman“, quoique il n'a rien de commun dans sa coupe avec le premier sous-type. Ce que depand du temps de l'apparition dans ces lieux du „soukman“ et qu' avant tout il était entré dans le costume de jeune fille, nous permet de juger d'après ce fait, que des plusieurs vieilles femmes vivantes encore à présent avaient comme costume de noce le „sarafane“ noir, mais quant à leurs mères ces dernières étaient vêtues en ce cas de la „panïova“ et sur le lit de mort elles n'etaient pas habillées du „sarafane“.

Le second type du „sarafane“ (sarafane droit) en differènce du precedent „kossoklinnyï sarafane“ avec ses sous-types et ses variations porte pour la plus part le nom du „sarafane“ emploiye par la population. On peut assigner facilement d'après la morphologie, comme dans le premier type, deux sous-types: l'un—le „sarafane droit“ aux bretelles, l'autre—le „sarafane droit“ au corsage.

a) Le premier sous-type est lié d'après les traits de moeurs avec une parure en genre du „kokochnik“. Il a reçu une grande diffusion, de ses dernières modeles faites du perse, comme costume de fête de jeune fille autant, que dans le rayon de la „panïova“ (le rayon où la „panïova“ est portée), ainsi parmis des groupes dont la population vient de s'approprier depuis longtemps le „kossoklinnyï sarafane“. Nous le rencontrons aussi dans la province étudiée chez les jeunes filles et chez les jeunes femmes. C'est le mouchoire, qui sert exclusivement de parure à ce sarafane.

Dans le pays de Moscou le „sarafane droit“ aux bretelles fait dans ses formes plus anciennes de toile peinte était connu sous le nom de „choubka“, comme s'appelait un vêtement des boyardes d'époque avant Pierre le Grand et qui lui correspondait d'après sa coupe.

b) Le second sous-type du „sarafane-droit“ est le sarafane ou corsage, qui pouvait prendre son origine des provinces d'ouest de telles formes comme le „andarak-jupe“ des russes-blancs (allemand—unterrok—vêtement de dessous) et le „katat“ — le corsage, qui se sont conflués, ce qu'on peut apercevoir souvent même lorsque la jupe et le corsage sont faits de différentes étoffes. Le „devitchyï podol“ du rayon de Kourcha, nommé plus haut (dess. 37), est un représentant de ce sous-type dans le pays de la Mechtchera, il sert ici du costume de dessous et nonpas comme celui de sortie, pareil à la chemise aux bretelles des peysannes svédoises.

Les formes du „sarafane“ citées dans cet article existant dans le pays de la Mechtchera à la fois avec les sarafanes typiques empruntés visiblement tard, ainsi disant les formes embrionales, ne representent

pas un phenomène accidentel purement local. Ces formes sans être genetiquement liées avec le sarafane sur la territoire décrit entrent dans une plus large province de diffusion de faits anologiques. Ainsi le „sarafane“ blanc de laine (dess. 31) correspond formalement aux „kastolan“ et aux „nossovtchok“ du rayon contigu des gouvernements de Tver, de Smolensk et de Kalouga et le nom du „sarafane“ rapporté à un plastron court sans manches qu'on porte à la fois avec la „panïova“ est connu par exemple dans le district de Gizdra du gouvernement de Kalouga, se que confirme les liens du pays de la Mechtchera avec la province des plateaux partageants les eaux de l'Oka, du Dnepr et de la Volga.

ОГЛАВЛЕНИЕ

TABLE DES MATIÈRES

ПРИМЕЧАНИЕ

В библиографических ссылках на сочинения на славянских языках по типографским условиям пропущены в соответствующих местах значки над с, s и z для звуков ч, ш и ж.

Замеченные опечатки

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
7	14 сн.	1920 году.	1920 году,
8	11 св.	сообщавшему	сообщившему
14	6 сн.	позднее финский	поздне-финский
17	1 св.	еще	уже
34	9 сн.	того	этого
45	12—13 св.	У южных славян, наприм.: сербов, мною	Мною
53	10 сн.	вариант	подтип
57	8 сн.	вариант	подтип
„	12 сн.	варианта	подтипа
„	14 сн.	вариантом	подтипом
58	18 сн.	(см. табл. VII)	(см. табл. V)
60	4 св.	(см. табл. IV рис. 2)	(см. табл. III и IX)
„	16 св.	(см. табл. VI)	(см. табл. IX рис. 2)
„	20—21 св.	(см. табл. V рис. 3)	таблицы нет
„	16 св.	„ „ „	„ „
„	28 св.	(см. табл. VI рис. 2)	(см. табл. IX рис. 1)
„	14 сн.	(VII рис. 1)	(IX рис. 2)
62	26 св.	рис. 30	(табл. IV рис. 2)
64	10 сн.	Berlin 1866	Berlin 1896
66	1 сн.	(см. табл. V рис. 2)	(см. табл. VII)
68	13 св.	„ „ „	„ „
69	22 сн.	(см. рис. 30)	(см. табл. VI рис. 2)
72	21 св.	верианта	подтипа
80	9 св.	имела великорусская	имела северно-великорусская
87	10 сн. прим.	1) Plane	1) Peake

Замужняя крестьянка в рубахе с косыми поликами и поневе синятке без прошвы (Касим. у., д. Большие Пекселы).

Paysanne mariée du région de Mechtchera à chemise avec des insertions obliquangles en épaules et a pànïova (du 3-me sous-type) bleue avec les pans écartés.

Крестьянка в распашной полосатой поневе за пряжей (Касим. у., с. Мелехово).

Paysanne filant le fil du chanvre à panïova (du 3-me soustype) vergée avec les pans écartés du région de Mechtchera

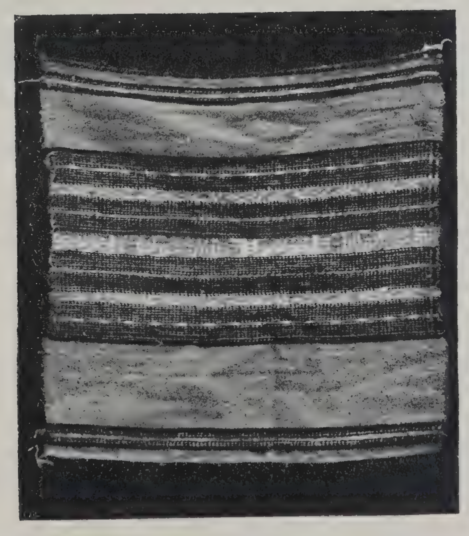
Пожилая женщина в тяжелой браной поневе (Касим., у., д. Ветчаны, района « Курши »).

Paysanne âgée du région de Mechtchera à panïova (du 3-me soustype) pesante et façonnée.

Понева браная 2-го подтипа, «коситница, крупным братая», современной работы. (Касим. у., с. Парахино).

Panïova façonnée de tissu double (du 2-me soustype, var. quadrillée) du région de Mechtchera avec des carreaux bleux et dessins méandres.

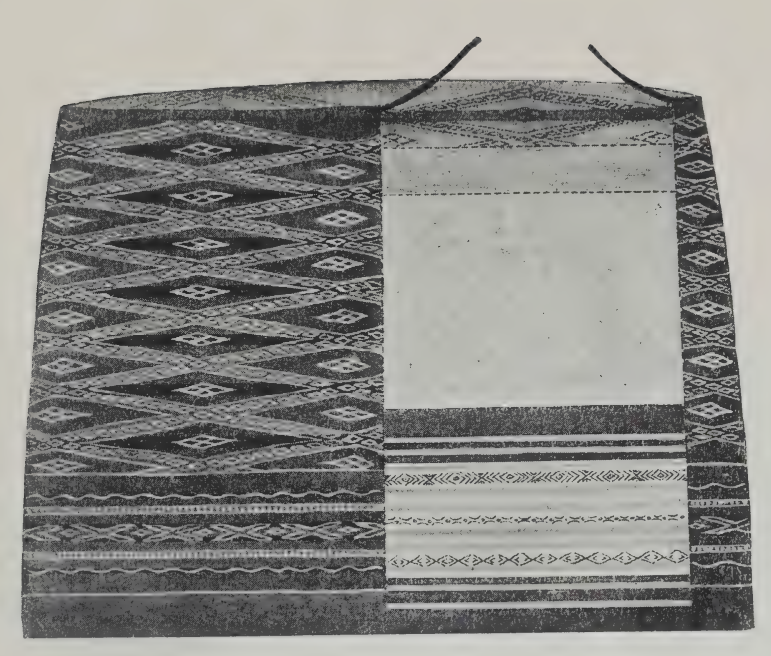
Понева браная 2-го подтипа, вариант с поперечно полосатым полем, старинной работы. (Сверху Егорьев. у., Лекинск. вол., внизу Касим. у., Прудковск. вол.).

Panïova façonnée de tissu double (du 2-me soustype, var. vergée) du région de Mechtchera.

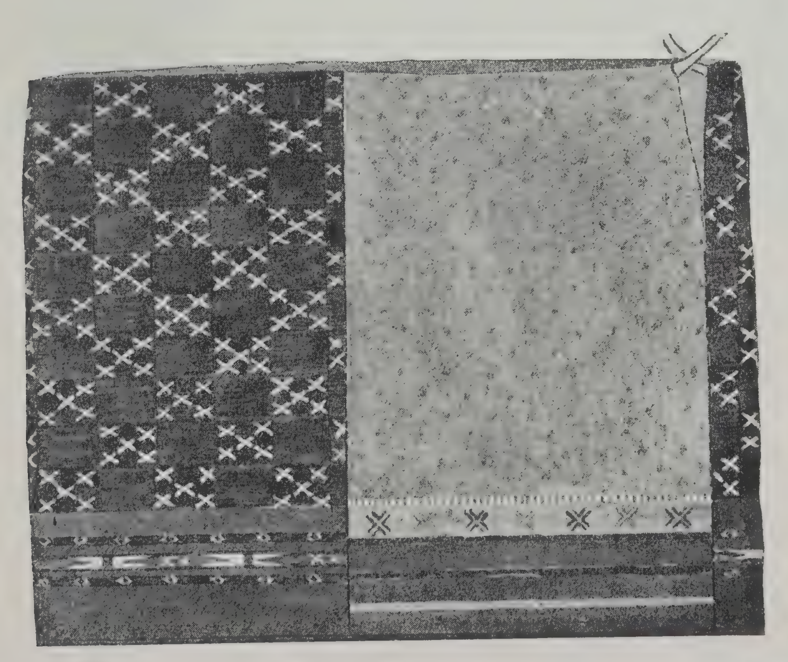

Ткань для браной поневы (2-го подтипа) « конитницы » (со свастикой) с черныо, старинной работы. (Касим. у., д. Парахино).

Etoffe d'une panïova façonnée de tissu double (du 2-me soustype) avec des carreaux noirs et dessins svastiques.

Понева красная, тяжелая браная 3-го подтипа (Касим. у., д. Ветчины, района « Курши »).
Panïova rouge, pesante, façonnée (du 3-me soustype) du région de Mechtchera.

Понева 3-го подтипа « синятка браная скамеечками » (Касим. у., с. Колесниково).
Panïova bleue, façonnée (du 3-me soustype) du région de Mechtchera (gouv. Riazane).

Понева красная, тяжелая, браная 3-го подтипа со свастическим узором (Елат. у., с. Нарма).

Panïova rouge, pesante, façonnée (du 3-me soustype) avec dessins svastiques, du région de Mechtchera (gouv. Tambov).

Понева браная 2-го типа, « коситница с окнами » старинной работы. (Касим. у., д. Парахино).

Panïova façonnée de tissu double (du 2-me soustype) du région de Mechtchera.

Понева браная 2-го подтипа « полукоситница с конями », т.-е. свастикой. (Касим. у., д. Фомино).

Panïova façonée de tissu double (du 2-me. soustype) du région de Mechtchera.

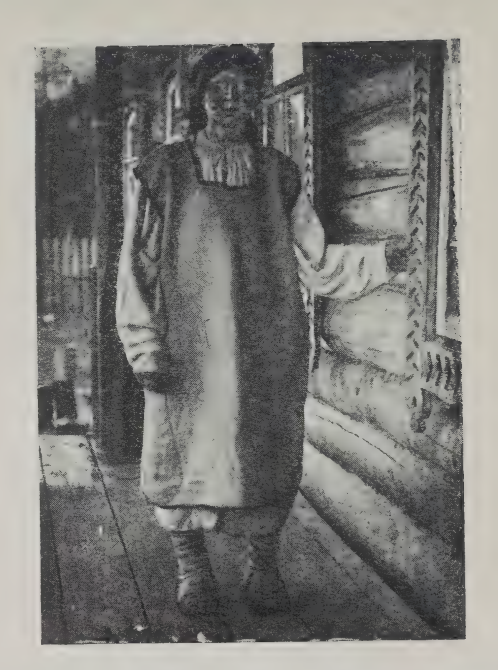
Понева 2-го подтипа « конитница крупным братая ». (Касим. у., д. Фомино).

Panïova façonnée de tissu double (du 2-me soustype) du région de Mechtchera.

Старуха в шерстяном косоклинном сарафане (Касим. у., с. Тырнова Слобода).

Vieille femme à sarafane d'etoffe de laine noire, taillant avec des coins laterales, du région de Mechtchera.

Пожилая женщина в белом сарафане без пояса. (Касим. у., с. Инякино).

Paysanne âgée à sarafane d'etoffe de laine blanche sans ceinture, du région de Mechtchera.

Карта Мещерского Края.

Масштаб в 1-ом сантиметре 3,3 километра.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ.

Маршрут обследования в 1920 и 1921 году.
La feuille de route de l'année 1920 et 1921.

Южная граница рубахи 2-го подтипа.
Limite méridionale de chemise du 2-me soustype.

Граница более старого продвижения к югу рубахи 1-го подтипа.
Limite du mouvement de chemise du 1-re soustype à sud.

Свастический орнамент в тканье касимовских татар.
Ornement svastique en tissus des tatares de kassimov

Синяя клетчатая понева 1-го подтипа.
Panïova bleue quadrillée du 1-re soustype.

Красная шашечная понева 1-го подтипа.
Panïova rouge quadrillée du 1-re soustype.

Красная браная понева 2-го подтипа.
Panïova façonnée de tissu double du 2-me soustype.

Красная тяжелая браная понева 3-го подтипа.
Panïova rouge pesante façonnée du 3-me soustype

Красная тяжелая полосатая понева 3-го подтипа.
Panïova rouge pesante vergée du 3-me soustype.

Синяя тяжелая понева 3-го подтипа.
Panïova bleue pesante du 3-me soustype.

Красная полосатая понева без прошвы 3-го подтипа.
Panïova rouge vergée du 3-me soustype avec les pans écartés.

Синяя тяжелая понева без прошвы 3-го подтипа.
Panïova bleue pesante du 3-me soustype avec les pans écartés.

Черная гофрированная понева 1-го подтипа.
Panïova noire gaufrée du 1-re soustype.

